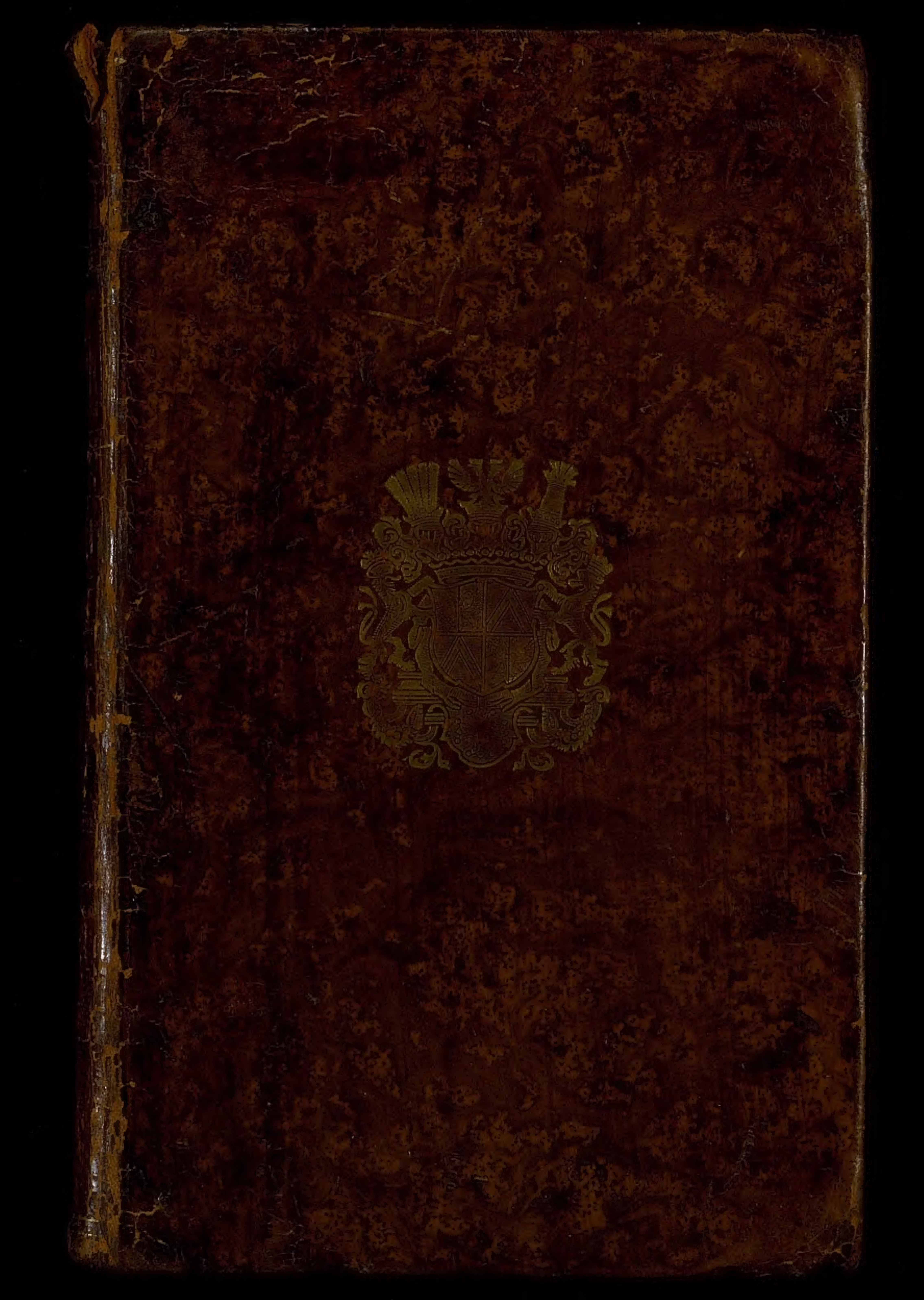

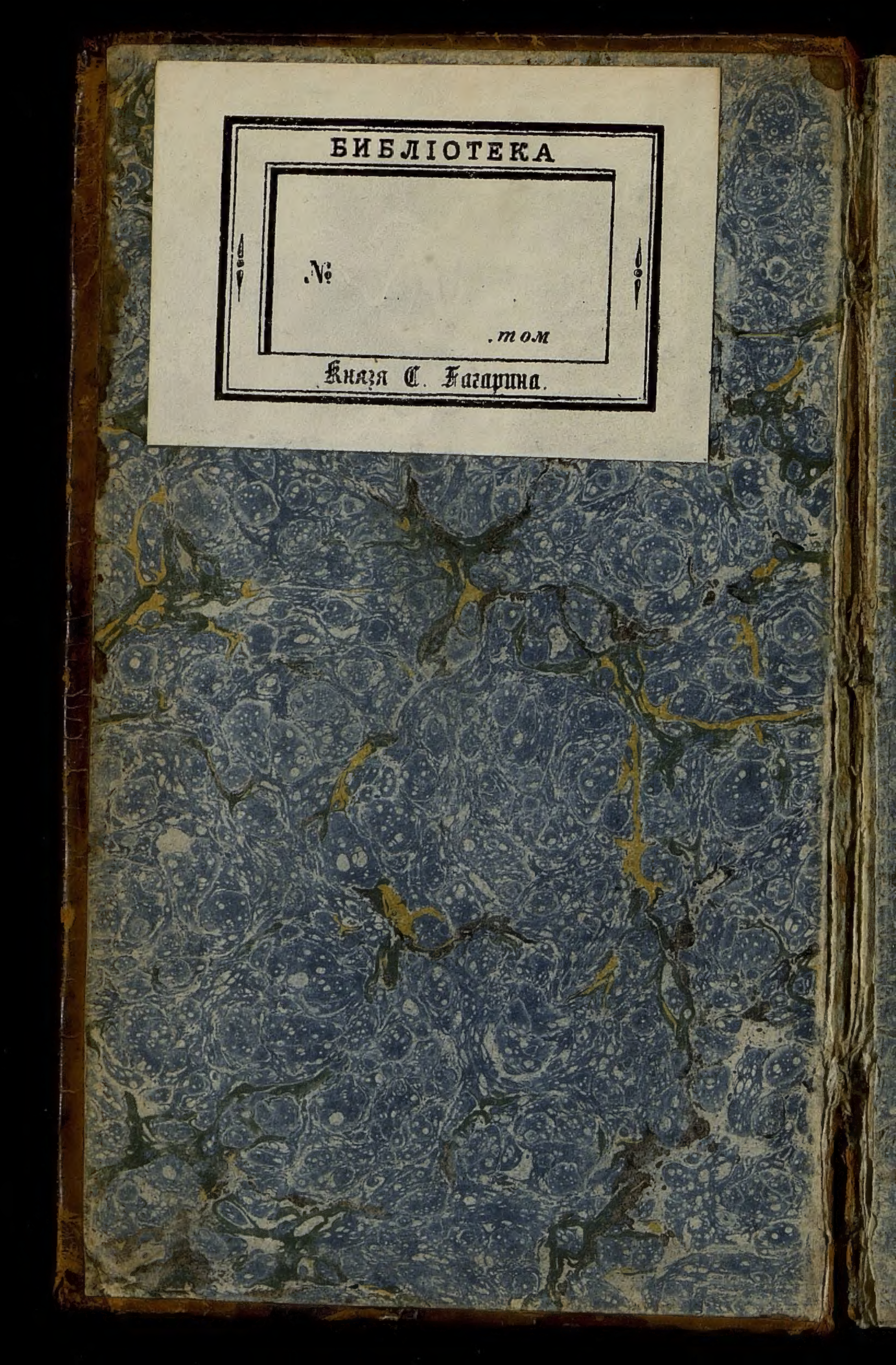
БИБЛІОТЕКА
№
.том
Князя С. Гагарина.

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В И КЛОЧКОВА
СПБ. ЛИТЕЙНЫЙ ПР.

ИСТОРІЯ ОРДЕНА СВЯТАГО ІОАННА ІЕРУСАЛИМСКАГО.

ЧАСТЬ I.

Напечатана
по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ВЪ Санктпетербургѣ, 1799.
ВЪ Императорской Типографіи.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ
ГОСУДАРЮ
ПАВЛУ ПЕРВОМУ,
ИМПЕРАТОРУ и САМОДЕРЖЦУ
всея Россіи,

и Державнаго Ордена
СВЯТАГО ІОАННА
ІЕРУСАЛИМСКАГО
ВЕЛИКОМУ МАГИСТРУ
и прочая, и прочая, и прочая.

Всеподданнѣйшее приношеніе.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Уваженіе, доставленное Ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго чрезъ принятіе на Себя ВАШИМЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ сана Великаго Магистра, и неимѣніе на нашемъ отечественномъ языкѣ Исторіи сего Ордена, были побудительными причинами предпріятаго нами намѣренія издать на нашемъ языкѣ полную Исторію онаго. Таковая Исторія, по плану нашему на шесть частей располагаемая,

требуетЪ и долговременнаго труда на составленіе ея изЪ разныхЪ источниковЪ, и знатнаго иждивенія на изданіе ея вЪ свѣтЪ: по чему рѣшились мы испросить предварительно ВЫСОЧАЙШАГО ВАШЕГО на то соизволенія, осмѣливаясь при семЪ повергнуть кЪ стопамЪ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА первую часть оной, содержащую вЪ себѣ эпоху Ордена отЪ учрежденія его до завоеванія

обратно у Христїянъ Іерусалима Саладиномъ.

Не дерзновенїе ли то, Всемилостивѣйшїй Государь, что мы сей малый трудъ осмѣливаемся посвятить высокому Имени ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА? Но мы ободряемся принять сїе дерзновенїе и по долгу, яко вѣрноподданные приносящїе дань Царю своему, и по праву, яко Великому Магистру и Возстановителю Ордена изъ раз-

валинъ его, въ которыхъ, ухищренїемъ всеобщаго врага устройства, онъ погребенъ быть казался; яко возобновителю того рыцарскаго духа, разслабленнаго изнѣженностїю чувствъ и нравовъ, который охранялъ законы и вѣру, защищалъ несчастныхъ и притѣсненныхъ, покровительствовалъ невинность и добродѣтель, и поселялъ въ сердца мужество, твердость, постоянство и героизмъ.

Ежели предметъ рыцарей былъ противоборствовать злу, воевать противъ невѣрныхъ: то когда зло восходило до толь высокой степени, какъ въ наши времена? Какой народъ, по справедливости, болѣе могъ почтенъ быть *невѣрнымъ*, какъ не та мятежная нацїя, которая — врагъ Богу, врагъ властямъ, врагъ общественному устройству и частному спокойствїю — съ гордымъ киченїемъ возстала противу вся-

кой вѣры, возстала противу всѣхъ законовъ, противу всѣхъ общественныхъ связей; все извергла, всему сдѣлалась невѣрна; невѣрна правиламъ нравственности, невѣрна общественнымъ установленіямъ, невѣрна собственнымъ, ею заключеннымъ, обязательствамъ; — до умоизступленія *невѣрна;* ибо и самое Божество, по произволенію своему, то отвергала, поставляя на мѣсто онаго кичливый *Разумъ*

и заставляя преклонять колѣна предъ истуканомъ онаго: то, изторгаясь изъ сего безумства, паки допускала; и по круженію умовъ, въ разныя времена, повелѣвала *быть* и *не быть* БОГУ? Нація до того *невѣрная*, что побудила даже бывшихъ *Невѣрныхъ* присоединиться къ ополченію вѣрныхъ противъ новыхъ *Невѣрныхъ?*

Потомство едва повѣритъ, чтобы въ наши, такъ называемыя, просвѣщенныя времена мо-

гла до такого чудовищнаго уродства обезобразиться нацїя мнимопросвѣщеннѣйшая; едва повѣритЪ, чтобы язва сїя долго не находила себѣ довольно сильныхЪ препонЪ и преградЪ. Но цѣлыя страны и народы возстенали отЪ буйныхЪ правилЪ беззаконїя, наглости, грабительства и опустошенїя; сЪ необузданнымЪ стремленїемЪ наводнила она цѣлыя области и державы, заразила всѣ общества и состоянїя

и во всѣ четыре части свѣта разлила ядъ свой.

Оставалось явиться новому Геркулесу, который бы подъялъ мечь свой на посѣченїе многоглавной сей гидры; народы и Государи ожидали Избавителя, который бы влїялъ въ нихъ бодрость къ низверженїю тиранскаго ига, и одарилъ ихъ силою возпротивиться дальнѣйшему разпространенїю всеобщаго зла; велегласно и безмолвно призывали всѣ на помощь

себѣ такого Спасителя и — ТЫ, Великій ГОСУДАРЬ, былъ сіе чаяніе народовъ! ТЕБѢ благое Провидѣніе предоставило честь и славу Спасителя Царей, Избавителя народовъ, Освободителя вселенныя отъ горькихъ плодовъ безбожія, безвѣрія, беззаконія и разврата — и Возстановителя вѣры, благочестія, законовъ и благонравія. Мужественный духъ ТВОЙ вложилъ силы въ союзниковъ, вдохнулъ бодрость въ угнѣ-

щенныхъ народовъ, возбудилъ соревнованіе въ новыхъ послѣдователяхъ мужеству ТВОЕМУ, будущихъ ТВОИХЪ союзникахъ. Первое мановеніе сильной руки ТВОЕЙ потрясло страшный колоссъ сей мнимо-непоколебимый: простри десницу ТВОЮ, и сей колоссъ испровержется.

Не се ли суть добродѣтели древнихъ тѣхъ Рыцарей, которыхъ празднуемый нынѣ день намъ воспоминаетъ? И по тому тѣмъ

паче дерзаемъ мы, Всемилостивѣйшій Государь, исторію ихъ посвятить высокому имени ТВОЕМУ, съ благоговѣніемъ пребывая

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО

ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Іюня 24 дня,
1799 года.
Санктпетербургъ.

Всеподданнѣйшіе
Александръ Лабзинъ.
Александръ Вахрушевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Орденъ Рыцарей Храма, извѣстныхъ подъ названіемъ Тампліеровъ, или Темпельгеровъ, блеснулъ въ Исторіи міра и изчезъ какъ метеоръ: Орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго существовалъ въ седьмомъ вѣкѣ, и стоитъ еще какъ почтенная развалина на каменной горѣ своей.

Хотя мы и можемъ хвалиться, что живемъ въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ не почитается достоинствомъ предпринимать что-либо сверьхъ силъ своихъ, въ которомъ таковое напряженіе силъ, такой Героизмъ, каковый въ началѣ сего Ордена является, столь-же ненуженъ, сколь и невозможенъ: однако надлежитъ признаться, что не всегда можемъ мы цѣнить съ довольною точностію и справедливостію

превосходство временъ нашихъ надъ прошедшими. Презрительный взоръ, какой обыкновенно бросаемъ мы на времена суевѣрія, фанатизма и невольничества мыслей, не столько показываетъ благородную гордость чувствующей себя силы духа, сколько бѣдное торжество слабости надъ скрытымъ стыдомъ, чувствуемымъ по причинѣ неимѣнія большихъ заслугъ. Естьлижъ мы и имѣемъ какое преимущество надъ оными мрачными вѣками: то оно есть не болѣе какъ только мѣна, которого не вовсе можемъ мы по справедливости гордится. Превосходство наше въ яснѣйшихъ понятіяхъ, въ побѣжденіи нѣкоторыхъ предразсудковъ, въ умѣреніи нѣкоторыхъ страстей, въ свободнѣйшемъ образѣ мыслей — есть-ли и дѣйствително доказать мы то можемъ — стоитъ намъ важной потери практической добродѣтели, безъ которой лучшее знаніе едва ли можно считать за выигрышъ. Самое

сїе просвѣщенїе, потушившее въ мозгу нашемъ воспаленїе фанатической ревности, погасило въ тоже время въ сердцахъ искру великости духа, отсѣкло крылья у мыслей и чувствованїй, и разрушило дѣятельную твердость характера. Герои среднихъ вѣковъ мнѣнїю своему, смѣшанному съ мудростїю, и по тому, что оно казалось имъ мудростїю, жертвовали кровїю, жизнїю и имѣнїемъ. Какъ разумъ ихъ мало просвѣщенъ былъ: такъ мужественно послѣдовали они высочайшимъ его законамъ. — Но мы, просвѣщенные ихъ потомки, можемъ ли похвалиться, что мы, при нашей мудрости, въ половину отважимся противъ того, сколько они при своемъ безумїи дерзали?

Естьли времена крестовыхъ походовъ были продолжителною печалною преградою просвѣщенїя; естьли были они даже поворотомъ Европейцовъ въ прежнее ихъ невѣжество: то однакожъ никогда человѣческой родъ столь явно

не восходилъ къ высочайшему своему достоинству, какъ тогда: буде толвко признано будетъ за достоинство господство понятій надъ чувствами. Наклонность ума къ послѣдованію сверхчувственнымъ пружинамъ — сіе необходимое условіе нравственнаго нашего образованія — долженствовала, кажется, заняться съ начала низшимъ предметомъ и пріуготовить себя для высшихъ, къ тому времени, когда доброй волѣ придетъ на помощь болѣе-просвѣщенный разумъ.

Сего-то рода суть Рыцари Вѣры, съ которыми слѣдующее повѣствованіе насъ познакомитъ. Слабости ихъ, при блистательныхъ добродѣтеляхъ, дерзаютъ смѣло появиться предъ лице просвѣщеннѣйшаго потомства. Подъ знаменемъ Креста видимъ мы ихъ исполняющихъ труднѣйшія и священнѣйшія должности человѣчества; и при мнѣніи ихъ, что они служили токмо одному закону церковному, нечувстви-

тельно послѣдовали они высшимъ законамъ нравственности. — Когда человѣкъ цѣлыя тысящи лѣтъ искалъ надъ звѣздами Законодавца, Который обитаетъ въ собственномъ его сердцѣ: то по что обвинять сихъ Героевъ, что они святость человѣческихъ должностей постановляли по утвержденiю Монаха, и всеобщую обязанность къ добродѣтели, такъ какъ и право на нее, привязывали къ Орденской одеждѣ? — Когда и нынѣ еще весьма ощутительна нелѣпость той вѣры, которая за ложное благо фанатической силы воображенiя, за бездушныя святилища, велитъ проливать кровь: — то кто можетъ не оказать своего уваженiя Героической вѣрности, съ какою духовные рыцари покорялись сей своей вѣрѣ, хотя и съ сумасбродствомъ смѣшанной? Когда по произведенiи чудесъ храбрости, утомленное битвою съ невѣрными, изнуренное трудами кровавого дня воинство возвращается въ домы,

и вмѣсто увѣнчанія побѣдоноснаго тела своего заслуженными лаврами, безъ ропоту мѣняетъ рыцарскіе свои доспѣхи на низкую должность прислужника. — Когда Львы сіи въ сраженіи, оказываютъ здѣсь, при одрахъ больныхъ, терпѣніе, самоотверженіе, милосердіе, затмѣвающія даже самые Геройскіе ихъ подвиги. — Когда таже рука, которая за нѣсколько часовъ поднимала страшное оружіе на врага Христіянства и провождала боязливаго странника сквозь мечи непріятельскіе, нынѣ во имя Божіе подавала пищу отвратительною болѣзнію одержимому, и не отказывалась ни отъ какой низкой должности, возмущающей разнѣженныя чувства наши: — То кто, увидя Рыцарей больницы Іерусалимской и заставъ ихъ въ сихъ упражненіяхъ, могъ бы удержаться отъ внутренняго благоговѣнія? — Кто безъ удивленія взирать будетъ на твердое мужество, съ каковымъ малое число Рыцарей на островахъ Птоломаидѣ,

Родосѣ, и потомъ въ Мальтѣ защищалось отъ многолюднѣйшаго непрїятеля? — на непоколебимую твердость двухъ ихъ Великихъ Магистровъ Иль-Адама и Лавалетта, и на удивительную рѣшимость самихъ Рыцарей жертвовать собою? Кто можетъ читать безъ поразительнаго чувствованїя о добровольной смерти сорока рыцарей въ крѣпости Ст. Эльмо? — о образцѣ повиновенїя, который вышшею цѣлїю своего превосходитъ даже славное пожертвованїе собою Спартанъ при Термопилахъ! Христїянской религїи отъ многихъ славныхъ писателей дѣланы были упреки, что она потушала воинственное мужество въ сердцахъ ея почитателей. Сколь явно сей упрекъ опровергается примѣромъ крестоваго похода и славными подвигами Ордена Св. Іоанна и Ордена Храма! Грекъ и Римлянинъ сражались за себя, за временныя блага, за мечты верьховнаго владычества мїромъ и честїю; сражались

предъ очами благодарнаго отечества, предлагавшаго имъ лавры за ихъ заслуги: мужество рыцарей Христіянскихъ не имѣло нужды въ семъ пособіи и питалось собственнымъ своимъ неугасимымъ пламенемъ.

Но есть и другое обстоятельство, по которому показаніе наружной и внутренной участи сего духовно-рыцарскаго Ордена кажется мнѣ заслуживающимъ вниманія: сей Орденъ составляетъ притомъ политическое тѣло, основанное для нѣкоторой особенной цѣли, утвержденное на особенныхъ законоположеніяхъ и связанное особеннымъ узломъ. Онъ возникаетъ, составляется, цвѣтетъ и блекнетъ; однимъ словомъ открываетъ и заключаетъ все политическое бытіе свое предъ глазами нашими. Пунктъ зрѣнія, изъ котораго испытующій философъ смотритъ на каждое политическое общество, можетъ справедливо обращенъ быть и на сіе монашеско-рыцарское установленіе. Различные виды,

въ каковыхъ политическія общества составлялись, являются ему различными опытами, предпріемлемыми человѣчествомъ (хотя и безъ сего намѣренія) къ испытанію дѣйствительности извѣстныхъ обязательствъ къ особенной ли только, или къ общественной цѣли, всякихъ союзовъ вообще. Что можетъ быть достойнѣе нашего вниманія, какъ не то, чтобъ узнать слѣдствіе сихъ опытовъ, и видѣть прочность, или непрочность таковыхъ обязательствъ, для ихъ взаимныхъ цѣлей, доказанною живымъ примѣромъ? И такъ человѣческой родъ въ продолженіи временъ извѣдывалъ собственнымъ опытомъ, хотя и не съ тѣмъ намѣреніемъ, почти всѣ возможныя связи общественнаго благополучія; и дабы наконецъ доставить себѣ самую согласнѣйшую съ цѣлію, испытывалъ себя во всякихъ видахъ политическаго общества. Изъ таковойже точки зрѣнія взирать должно и на всѣ Духовные Рыцарскіе Ордены, коимъ

дала бытіе фанатическая вѣра, во времена крестовыхъ походовъ. Побужденія, которыя никогда прежде не являлись дѣйствующими, здѣсь, въ семъ союзѣ, и для сей цѣли, пріемлются впервые во основаніе политическаго тѣла; и слѣдствіе оныхъ то, что слѣдующее повѣствованіе представитъ читателю. Пламенный духъ рыцарской соединяется съ принужденными правилами Ордена; военная дисциплина съ дисциплиною монашескою; строгое самоотверженіе, какого требуетъ Христіянство, съ смѣлымъ воинскимъ упорствомъ, дабы противъ внѣшняго врага вѣры поставить непроницаемую фалангу, и съ равнымъ мужествомъ вѣчно сражаться съ сильнѣйшимъ внутреннимъ врагомъ ея — гордостію и сластолюбіемъ.

Младенчество Ордена отличается величественною и трогательною простотою; юность его увѣнчана блескомъ и честію: но вскорѣ подвергается онъ обыкно-

венному жребію человѣчества. Благоденствіе и сила, естественные спутники мужества и воздержанія, влекутъ его ускоренными шагами къ гибели. Не безъ прискорбія видитъ Гражданинъ Міра изчезающими величественныя надежды, которыя обѣщало толь прекрасное начало. — Но сей примѣръ подтверждаетъ только ту истинну: что ничто не имѣетъ твердости, что основано умоизступленіемъ и страстію; и что одинъ здравый умъ зиждетъ для вѣчности.

ИСТОРІЯ
ОРДЕНА Св. ІОАННА ІЕРУСАЛИМСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Со времени появленія Магомета, въ теченіи четырехъ сотъ лѣтъ, Христіянству нанесены многія смертоносныя раны: многія жестокія пораженія оно претерпѣло. Но ни одно изъ нихъ не пронзало его столь глубоко, какъ потеря обѣтованной земли и града Іерусалима. Съ той эпохи, какъ Христіянская религія, подъ правленіемъ Константина Великаго, получила новую жизнь, и собственно учинилась господствующею, Іерусалимъ никогда

не преставалъ быть цѣлію усерднѣйшаго странничества. Греки и Латины, исполненные благоговѣнія, стекались туда облегчить отягченную совѣсть на гробѣ Искупителя; и лежащія на пути Императорскія владѣнія обезпечивали имъ свободный входъ въ сію землю. Но жестокость преемниковъ Магометовыхъ лишала ихъ почти во все сего утѣшенія. Невѣрные хотя и почитали Іисуса за великаго Пророка: но варварство ихъ не мѣшало имъ находить во множествѣ усердныхъ посѣтителей золотой источникъ къ удовольствованію ихъ корыстолюбія. Какъ скоро они утвердили ногу свою въ Палестинѣ, то тяжкая дань затруднила Европейскимъ народамъ приходъ къ сему священному граду, не потуша однако благочестиваго ихъ жара. Цѣлыя три столѣтія Іерусалимъ былъ еще центромъ стеченія народовъ изъ

всѣхъ странъ Европы, которые имѣніе, благосостояніе свое, жизнь свою отваживали, дабы только посѣтить мѣста святыя. Въ половинѣ одиннатцатаго вѣка Египетскіе Калифы позволили наконецъ подданнымъ своимъ Греческимъ Христіянамъ поселяться въ Іерусалимѣ; но чтобы они не смѣшались съ Магометанами, отведена для нихъ была особая земля не подалеку отъ гроба Господня.

Когда же слава Карла Великаго пронесла блистательныя его побѣды въ самый центръ Азіи, то и для Латинскихъ Христіянъ открылись благопріятные виды. Гарунъ Алрашидъ, Государь великій, какого только зрѣла на своемъ престолѣ Аравія, по примѣру дѣда своего Алмурсура, перенесъ столицу свою въ Багдатъ. Величественный духъ Карла произвелъ въ семъ Монархѣ столь глубокое впечатлѣ-

кіе, что онъ, изъ уваженія къ нему, позволилъ и Латинскимъ Христіянамъ основать въ Іерусалимѣ пристанище для своихъ единовѣрцовъ. Но какъ по смерти Калифа и первыхъ его преемниковъ, наслѣдники Карла чрезъ слабость духа и оружія потемнили славу Нѣмецкаго Престола: то и уваженіе Восточныхъ Государей къ Западнымъ уменьшилось въ той же мѣрѣ, въ каковой оно прежде возрастало. Толь непріятная перемѣна угнѣтала наиболѣе подданныхъ Римскаго Императора. Ихъ лишили всѣхъ привиллегій, заперли имъ входъ въ Іерусалимъ, такъ что едва позволяли имъ, по примѣру другихъ Европейскихъ народовъ, за большую сумму денегъ, пробыть сутки въ тѣхъ мѣстахъ, которыя Искупитель освятилъ своимъ пребываніемъ: въ самомъ же городѣ не смѣли они, безъ крайней опасности своей жизни, искать себѣ

и ночлега. Магометане по природѣ имѣли столько отвращенія къ имени Христіянъ, что не давали имъ въ домахъ своихъ убѣжища; а Греки, со времени раздѣленія обѣихъ Церквей, не меньше Араповъ и Сарацинъ ихъ ненавидѣли.

Въ половинѣ одиннатцатаго вѣка разные Италіянскіе купцы, видя непріязненные поступки обоихъ народовъ, предпріяли наконецъ доставить Европейскимъ Пилигримамъ во святомъ градѣ навсегда надежное прибѣжище, гдѣ бы они не могли страшиться ни фанатической ревности Магометанъ, ни горькой ненависти отдѣлившихся Грековъ.

Купцы сіи были изъ Амальфи, одного городка въ Королевствѣ Неаполитанскомъ, находившагося тогда подъ властію Греческихъ Императоровъ. Обширные торги заставляли ихъ ежегодно путеше-

ствовать въ Египетъ. Драгоцѣнные товары и разныя искусныя издѣлія, привозимыя ими изъ Европы, скоро открыли имъ входъ ко двору Калифа. Разными дорогими подарками пріобрѣли они столько благосклонности его, что онъ безъ затрудненія далъ имъ наконецъ позволеніе построить въ Іерусалимѣ недалеко отъ гроба Господня особенную гостинницу для Латинскихъ Христіянъ. Сверьхъ того правительство долженствовало отвести имъ тамъ земли столько, чтобъ они могли построить собственную церковь для отправленія богослуженія. Сію послѣднюю назвали потомъ *Святою Латинскою церковію Пресвятыя Дѣвы Маріи*, для отличія отъ церквей Греческихъ. Отправленіе Богослуженія поручено было Бенедиктинцамъ. Недалеко отъ монастыря ихъ построены были еще другія два зда-

нія подъ гостинницы для Пилигримовъ обоего пола, въ которыя принимались какъ больные, такъ и здоровые. Каждое изъ сихъ зданій имѣло послѣ особенную Церковь, изъ которыхъ одна посвящена была Св. Іоанну Милостивому, другая Св. Магдалинѣ.

Многіе западные Христіяне, одушевленные Христіянскою любовію и ревностію къ вѣрѣ, предпріяли отказаться навсегда отъ своего отечества, дабы въ семъ святомъ жилищѣ посвятить себя непрерывному попеченію о странствующихъ и больныхъ. Между тѣмъ, какъ упомянутые купцы изъ Амальфи взялись собирать ежегодно въ Италіянскихъ городахъ милостыню на подкрѣпленіе благочестиваго ихъ заведенія, Бенедиктинцы все собранное обращали на содержаніе сихъ великодушныхъ прислужниковъ больныхъ.

Отсюда-то происхожденіе благороднаго Ордена Св. Іоанна — Ордена, который чрезъ исполненіе благотворныхъ добродѣтелей распространилъ сіяніе свое за предѣлы столѣтія своего — Ордена, коего превосходныя дѣянія пребудутъ, и послѣ тысящелѣтій, прекраснымъ, преславнымъ памятникомъ благотворнаго вліянія Христіянской Религіи. Гостепріимство и человѣколюбіе были причиною бытія его, и суть причиною его продолженія. Подъ сѣнію сего Ордена удрученное человѣчество находило безопасное убѣжище отъ жестокости и гоненія, утѣшеніе въ бѣдности, вспомоществованіе въ нуждахъ, и пищу благочестивымъ желаніямъ сердца. Здѣсь оставленный странникъ находилъ друга, здѣсь несчастный обрѣталъ дѣятельнаго помощника, больной умирающій тихую мирную кончину.

Но и сему Ордену, такъ какъ и всякому великому предпріятію, предоставлено было испытать общую участь великихъ дѣлъ. Какъ второй Геркулесъ долженствовалъ онъ въ самомъ младенчествѣ своемъ сражаться съ чудовищами, которые поклялись вѣчною къ нему ненавистію и его гибелью.

Протекли семнадцать спокойныхъ лѣтъ, и Іерусалимъ былъ счастливъ — счастливъ благословеніемъ благотворительности. — Но вдругъ ясное небо покрылось облаками и возстали на святый градъ военныя бури. Туркоманы ворвались въ сердце Палестины, напали на Іерусалимъ и изрубили гарнизонъ Калифовъ. Знатные и простые граждане имѣли не лучшую участь: большая часть изъ нихъ были удавлены, другіе казнены инымъ образомъ; больница Св. Іоанна была разграблена и самый

Св. гробъ остался бы безъ пощады, естьли бы корыстолюбіе ихъ не удержало. Варвары не хотѣли лишиться богатой дани, получаемой отъ западныхъ странниковъ, зная, что благочестивый странникъ презиралъ всякія несчастія и всякія препятствія, чтобы только достигнуть цѣли своего желанія. Но когда и прежде угнѣтали его, то теперь стали утѣснять вдвое; старыя требованія не только были возобновлены, но и увеличены. Сверьхъ того начали поступать варварски: не рѣдко изнуренному страннику, не смотря на исполненіе имъ всѣхъ тяжкихъ условій, во все отказывали входъ въ сіи мѣста. Ни бѣдность несчастныхъ, которые все свое имущество употребили на продолжительное трудное путешествіе, или лишились онаго отъ грабежей; ни жалостный вопль больныхъ и умирающихъ, которые

послѣднее дыханіе испускали на открытомъ полѣ, предъ вратами Іерусалимскими, съ неудовлетвореннымъ желаніемъ пламеннаго своего сердца — ничто не потрясало жестокосердія тирановъ.

Такіе безчеловѣчные поступки не могли остаться безъ дѣйствія. Изторгнувшіеся по счастливому сложенію ихъ тѣла, или по инымъ случайнымъ обстоятельствамъ, изъ предстоявшей имъ погибели, разсѣяли въ Европѣ печальные слухи о претерпѣнныхъ ими бѣдствіяхъ, и склонили въ свою пользу всѣхъ благочестивыхъ Христіянъ, которые тогда болѣе, нежели когда-либо, чувствовали: сколь постыдно для политической ихъ славы и для чести ихъ вѣры взирать на подобные случаи равнодушно и святую землю оставлять въ рукахъ невѣрныхъ.

Но что могла произвесть безсильная ревность ихъ противъ безчисленныхъ предстоявшихъ препятствій? Сила варваровъ превозходила ихъ силу, Греческій Императоръ былъ слабъ, Европейскіе владѣтели удалены отъ позорища сихъ наглостей и были въ несогласіи между собою; повсюду царствовала нерѣшимость, повсюду робость и страхъ — нигдѣ не было истинной храбрости — истинной дѣятельности.

Но одинъ человѣкъ, простой *Пустынникъ* или *Затворникъ*, изпровергъ всѣ сіи препятствія и обратилъ слабые способы въ страшное ополченіе, ко удивленію всея Европы и Востока.

Петръ Затворникъ или *Пустынникъ*, родомъ изъ Аміена, испытавшій самъ на себѣ многія изъ тѣхъ несчастій, о которыхъ мы говорили, принялъ смѣлое намѣреніе возвра-

тить святую землю въ руки Христіянъ. Въ семъ намѣреніи обратился онъ съ начала къ Греческому Патріарху Симеону, мужу славившемуся своимъ благочестіемъ, надѣясь чрезъ него побудить къ тому восточнаго Императора. Но состояніе восточной Имперіи было тогда самое ненадежное; и Имперія сохраняла только имя сіе, потерявъ всю прежнюю свою важность. Туркоманы, пользуясь внутренними ея раздорами и междуусобными войнами, отторгли большую часть ея провинцій, по Черному морю лежащихъ: другія области, при слабости Императоровъ, которыхъ въ тритцать лѣтъ было десять на Константиновомъ престолѣ, и большая часть кончили несчастнымъ образомъ жизнь свою, опустошаемы были набѣгами варваровъ. Самъ Алексій Комнено, Императоръ того времени, вступилъ на престолъ

также насильственно, низвергнувъ съ онаго Императора Никифора, и велъ несчастную войну съ родственниками сего послѣдняго, Робертомъ Гискаромъ и сыномъ его Богемондомъ, Принцами Нормандскими, которые прошли во Ѳракію, опустошили земли Императора и самаго его также бы низвергли, естьли бы другія дѣла не отозвали ихъ въ Италію. Туркоманы съ другой стороны производили удачныя нападенія и отняли у него городъ Никею.

Симеонъ изъяснилъ сему Монаху слабое сіе состояніе Имперіи Восточной, и далъ ему чувствовать, что онъ въ намѣреніи своемъ больше ожидать можетъ подпоры отъ западныхъ Государей. Петръ, хотя предвидѣлъ тѣже трудности и со стороны сихъ послѣднихъ, не оставилъ однакожъ своего предпріятія. Онъ упросилъ Патріарха

дать ему письмо къ Папѣ, въ которомъ бы изобразилъ состояніе Палестины въ самыхъ жалостнѣйшихъ чертахъ. Съ симъ письмомъ отправился онъ изъ Іоппіи, или Яфы, въ Италію, и со слезами представилъ Папѣ плачевное состояніе Христіянъ въ Іерусалимѣ, мѣстѣ освященномъ драгоцѣнною кровію Искупителя.

Хотя видъ и одежда простаго пустынника мало давали повода къ толь блистательной надеждѣ: но Урбанъ II. сидѣвшій тогда на Папскомъ престолѣ, родомъ Французъ изъ Шатильйона на Марнѣ, принялъ его благосконно и выслушалъ предложеніе его тѣмъ съ большимъ снисхожденіемъ, что онъ зналъ, что еще Папа Григорій VII. мнившій себя повелителемъ всѣхъ Государей, имѣлъ намѣреніе принудить властію своею Христіянскихъ Государей принять оружіе противъ

Магометанъ. Урбанъ II. (вступившій на Папской престолъ послѣ Виктора III.) не меньше его имѣлъ усердія; но бывъ болѣе разсудителенъ, не захотѣлъ прямо объявить свое рѣшеніе, не узнавъ расположенія и силъ Европейскихъ Государей. И такъ одобривъ усердіе и похваливъ намѣреніе пустынника, присовѣтовалъ ему ѣхать во всѣ Христіянскія земли и склонять всѣхъ владѣтелей и ихъ подданныхъ вооружиться къ освобожденію Св. земли, обѣщавъ ему всякую съ своей стороны помощь въ случаѣ успѣха его проповѣди.

Пустынникъ, принявъ Папское благословеніе, менѣе года пробѣжалъ почти всю Европу. Гдѣ онъ ни проходилъ, вездѣ приводилъ все въ движеніе трогательными своими описаніями угнѣтеній, претерпѣваемыхъ отъ невѣрныхъ, сильными и строгими увѣщаніями о помощи

собратіи, и чрезвычайною своею воздержностію, безкорыстіемъ и щедростію къ нищимъ, которымъ отдавалъ онъ все, гдѣ что ни получалъ. Такіе его поступки скоро заставили почитать его за Святаго, за Пророка; и вельможи, равно какъ и простой народъ, возпламенились ревніемъ итти во Св. землю для отмщенія за Спасителя и за собратій своихъ.

Папа, узнавъ о чрезвычайномъ дѣйствіи усердія проповѣдника, рѣшился согласіе свое сдѣлать гласнымъ. Онъ созвалъ въ томъ же 1095.
году два собора: одинъ въ Пьяченцѣ въ Италіи, другой въ Клермонтѣ во Франціи, въ провинціи Овернѣ. На соборѣ Пьяченцскомъ было до четырехъ тысячь духовныхъ и болѣе тритцати тысячь свѣтскихъ разнаго званія особъ; при чемъ находились и послы Греческаго Императора Алексія Комнена, при-

славшаго просить помощи противъ Туркомановъ, завладѣвшихъ Никеею и угрожавшихъ осадою самому Константинополю. Папа возпользовался симъ случаемъ и употребилъ сихъ Пословъ къ изображенію неистовствъ и безчеловѣчій, производимыхъ Магометанами въ земляхъ Христіянскихъ, особливо въ Палестинѣ. При повѣствованіи ихъ о семъ, все собраніе исполнилось жалости и гнѣва; тысячи голосовъ кричали, что надлежитъ итти защитить братій своихъ и отмстить за Іисуса Христа.

Такое же ревнованіе открылось и на соборѣ Клермонтскомъ, гдѣ послѣ трогательной рѣчи, говоренной Папою для возбужденія Христіянъ къ избавленію Св. земли отъ ига невѣрныхъ, все собраніе вскричало единогласно: *Богъ требуетъ того! Богъ требуетъ того!* Сіи три слова служили потомъ арміи девизомъ и

знакомъ къ сраженію: и дабы отличить рѣшившихся на такое святое предпріятіе; велѣно имъ было носить красный крестъ на правомъ плечѣ.

Едва соборы разошлись, какъ бывшіе на оныхъ Епископы начали проповѣдовать крестовый походъ по своимъ Епархіямъ; и имѣли такой успѣхъ, что всякъ хотѣлъ итти въ Азію, и казалось нѣтъ другой дороги къ небесамъ, какъ чрезъ Азію. Принцы, вельможи, дворяне, купцы, мѣщане и крестьяне, всякъ съ радостію оставлялъ все, что ни было ему любезно: жену, дѣтей, отца и мать. Такъ истинно то, что люди склоннѣе всего къ подражанію!

Крестное знамя возвѣяло предъ войсками, и съ громкими восклицаніями: *Богъ сего требуетъ!* необозримое множество людей слѣдовало за онымъ изъ Франціи почти

чрезъ всѣ Христіянскія земли.

Раймундъ де Сент-Жиль, Графъ Тулузской, храбрый воинъ и первый братъ крестовый, храбрости котораго свидѣтелемъ былъ еще Алфонсъ II. въ сраженіи противъ Араповъ и Сарациновъ — Гугонъ, прозванный *Великимъ*, братъ Филиппа I, Короля Французскаго — Робертъ, Герцогъ Нормандской, братъ Вильгельма *Рыжаго*, Короля Аглинскаго — Робертъ, Графъ Фландрской — Стефанъ, Графъ Шартресской и Блоасской — Готфридъ Бульйонской, Герцогъ Лотарингской и Брабантской съ братьями своими Евстахіемъ и Балдуиномъ — Балдуинъ дю Бургъ, ихъ родственникъ — сіи Герои предпріяли жертвовать кровію и жизнію за честь вѣры Христіянской. За ними слѣдовало еще безчисленное множество другихъ князей и дворянъ, большею частію данниковъ Французской Ко-

роны, кои продавали или заклалывали имѣнія свои, замки и земли для вспомоществованія издержкамъ на вооруженіе. Также присоединился къ нимъ съ знатнымъ корпусомъ Богемондъ, храбрый сынъ мужественнаго Гискарда.

Но между всѣми сими Европейскими принцами не было ни одного Короля, ни одного такого, котораго бы власть и могущество могли соединить въ одинъ пунктъ всѣ сіи раздѣленныя силы. Хотя на Императорскомъ Германскомъ престолѣ сидѣлъ тогда Генрихъ IV. отъ храбрости и политики котораго всего ожидать можно было, котораго и духъ и рука сильны были доставить успѣхъ предпріятію: но ссоры его съ Папскимъ престоломъ не позволяли ему оставить земли свои и предпринять что либо отважное, пока деспо-

тизмъ духовный держалъ любочестіе его и силу скованными въ цѣпяхъ анаѳемы. Другія войны, какъто съ Генсою, Королемъ Венгерскимъ, равно отвлекали инуда его дѣятельность. Прочіе Европейскіе Монархи занимались утвержденіемъ собственнаго престола, частію противъ враждебныхъ сосѣдей и вѣроломныхъ союзниковъ, частію противъ набѣговъ варваровъ.

Испанія особливо, со времени вторженія Сарацинъ, была сама непрестаннымъ зрѣлищемъ крестовыхъ походовъ; Христіяне изъ всѣхъ странъ Европы стекались туда обыкновенно для оказанія первыхъ опытовъ своей храбрости противу сихъ невѣрныхъ.

Россія, любезное отечество наше, сей колоссъ непоколебимый, была тогда раздѣлена на многія удѣльныя княженія; и хотя болѣе уже вѣка пребывала въ Христіян-

ствѣ, хотя имѣла уже нѣкоторыя связи съ прочими Европейскими державами, такъ что и сему Императору Генриху IV. въ войнѣ его съ Королемъ Венгерскимъ, подана была отъ нея помощь; Всеволодъ I. Ярославичь послалъ къ нему войско въ 1089 году съ сыномъ своимъ Владимиромъ Черниговскимъ: но раздоры между Князьями Россійскими ограничивали дѣйствія Россіи внутри самой себя, или вокругъ съ ближайшими сосѣдями. Въ сіе время царствовалъ на Великокняжескомъ престолѣ Святополкъ II. Святославичь, при коемъ первое положено начало къ согласію между враждующими Россійскими Князьями, которые на съѣздѣ въ 1097 году всѣ примирились другъ съ другомъ.

Крестовое воинство, назнача мѣстомъ сборища своего долины окрестъ Константинополя, слѣдовало туда изъ разныхъ мѣстъ раз-

ными дорогами; Венеція, Генуа, Пиза, сильныя въ тогдашнее время республики на морѣ, многихъ перевезли на судахъ въ Грецію. Папа предварилъ письмомъ Императора Греческаго; и объявляя о сей сильной арміи, идущей къ нему на помощь для избавленія святыхъ мѣстъ отъ владычества невѣрныхъ, просилъ его дать нужныя повелѣнія къ продовольствію оной съѣстными припасами, и наименовалъ ему главныхъ ея предводителей.

По прибытіи всего крестоваго воинства въ долины Константинопольскія, на всеобщемъ смотрѣ явилось ихъ сто тысячь человѣкъ конныхъ и до шести сотъ тысячь пѣшихъ, между коими счислялось множество священниковъ, монаховъ и даже женщинъ, переодѣтыхъ въ въ мужское платье. Алексій изпугался узнавъ, что вмѣсто требованной имъ умѣренной помощи, та-

кое чрезмѣрное множество народа, могущее предписать ему законы въ собственной его столицѣ, наводнило его области. Еще прежде испыталъ онъ оружіе Латинъ, когда храбрый Богемондъ явился его непріятелемъ. Дабы избавиться отъ такихъ союзниковъ, которые страшнѣе были явныхъ непріятелей, вознамѣрился онъ ласками, подарками и всякими угожденіями снискать довѣренность начальниковъ; а между тѣмъ пресѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ для ихъ воиновъ. По приказанію его всякой день привозили предводителямъ войскъ подарки и лакомства даже до излишества; и чтобъ отвратить всякаго рода подозрѣнія, обязался онъ принять самъ участіе въ крестовомъ походѣ, заключа съ ними трактатъ, въ коемъ торжественно обѣщалъ присоединить свой флотъ ко флоту крестовыхъ братьевъ,

снабдѣвать ихъ провіантомъ до самаго Іерусалима, и притти самъ къ нимъ съ войсками для совокупнаго дѣйствованія противу невѣрныхъ Туркомановъ, Араповъ и Сарацынъ.

Сіе притворство и хитрость Императора восточнаго надѣлали Латинскимъ Христіянамъ болѣе зла, нежели всѣ силы Туркомановъ. Обольщенные торжественными увѣреніями, они обязались взаимно, изъ благодарности, поставить первымъ предметомъ дѣйствій своихъ возвращеніе обратно Никеи Греческому престолу, или по крайней мѣрѣ доставить оному пристойную замѣну за потерю оной. Сіе обязательство свое утвердили они присягою, которую и исполнили вѣрно. Но не смотря на то, не могли они истребить подозрѣній Алексія, который въ быстрыхъ успѣхахъ оружія ихъ тѣмъ боль-

шую находилъ пищу своимъ страхамъ.

По тритцатичетырехдневной осадѣ, Никея сдалась крестовымъ воинамъ. Едва завоеваніе ея подтвердилось присылкою къ Алексію самой жены Султана Солимана съ дѣтьми ея: то Алексій, боясь промѣнять сосѣдей слабѣйшихъ на сильнѣйшихъ, рѣшился согласиться тайно съ Невѣрными, дабы помѣшать распространенію завоеваній Латинскихъ Христіянъ, и предпріялъ воспользоваться симъ самымъ случаемъ къ обезпеченію себя со стороны завоевателей. Въ семъ намѣреніи не только возвратилъ онъ Султану плѣнныхъ со всѣми увѣреніями дружества; но употребилъ еще всѣ придуманныя имъ средства, чтобы привлечь его въ свои виды и склонить къ общему союзу противъ крестовыхъ воиновъ: что и удалось ему. Съ сего времени

началъ онъ поступать съ Латинами какъ съ врагами и возмутителями: но, будучи довольно хитръ, продолжалъ скрывать свой умыселъ, и каждое злое намѣреніе прикрывалъ личиною притворства. Такъ приказалъ онъ войскамъ своимъ слѣдовать вдали за крестовыми воинами, подъ тѣмъ видомъ, что они будутъ закрывать тылъ ихъ отъ нечаянныхъ нападеній; а въ самомъ дѣлѣ назнача ихъ къ наблюденію за ними, и повелѣвъ именно всѣхъ отстающихъ, или удаляющихся отъ арміи для добыванія съѣстныхъ припасовъ или фуража, убивать безъ пощады.

Солиманъ, заключивъ союзный трактатъ съ Императоромъ, не довольно полагался на вѣрность его и искалъ другихъ союзниковъ, которымъ бы болѣе ввѣриться могъ. Онъ прибѣгнулъ къ Султанамъ Антіохійскому, Алепскому, Багдат-

скому и Персидскому, одной съ нимъ націи и одинакую имѣвшимъ выгоду въ возпрепятствованіи успѣхамъ Христіянъ. Всѣ они выставили страшныя арміи и всѣ совокупно устремились на сопротивленіе крестовому воинству.

Съ другой стороны Калифъ Египетской, котораго владѣнія простирались въ Сирію и даже до Лаодикеи, устрашась сего вооруженія Туркомановъ, и опасаясь, чтобы они подъ видомъ ополченія противу Христіянъ, не обратили оружія своего противъ него самаго, прислалъ пословъ къ крестовымъ воинамъ, кои постановили съ ними договоръ, чтобы Туркомановъ почитать за общихъ непріятелей, и каждому напасть на нихъ съ своей стороны; чтобы столица Іудеи съ принадлежащими къ ней мѣстами осталась въ рукахъ Христіянъ, а онъ получилъ бы во владѣніе другія

мѣста, отнятыя у него Туркоманами; естьли же удастся имъ распространить свои завоеванія въ самыя земли непріятелей, въ такомъ случаѣ раздѣлить оныя по равну.

Христіянскіе Принцы, подписавъ трактатъ, отправили оный на утвержденіе къ Калифу: но Калифъ, выжидая времени, на которую сторону обратится оружіе Туркомановъ и счастіе военное, долго удерживалъ пословъ ихъ подъ разными предлогами, не хотя ратификовать трактата. Наконецъ видя, что силы и Христіянъ и Туркомановъ отъ многочисленныхъ осадъ, приступовъ и сраженій ослабѣли, и овладѣвъ самъ Іерусалимомъ, отослалъ ихъ съ такимъ отвѣтомъ: „что бывъ столько счастливъ, что „однимъ своимъ оружіемъ возвра„тилъ себѣ тотъ городъ, кото„рымъ предки его съ четырехъ

„сотъ лѣтъ владѣли, онъ не и-
„мѣетъ нужды въ помощникахъ, и
„будетъ умѣть сохранить оный
„безъ всякой сторонней помощи;
„что впрочемъ входъ въ оный Хри-
„стіянскимъ странникамъ не бу-
„детъ возбраненъ, естьли только
„они приходить будутъ въ маломъ
„числѣ и безъ оружія.„

Между тѣмъ крестовые воины, не подозрѣвавшіе ни коварныхъ намѣреній Императора Греческаго, ни вѣроломства Калифа Египетскаго, продолжали побѣдоносное свое шествіе чрезъ Палестину, и завоевали Антіохію, Тарсисъ и Эдессу. При полученіи сего отвѣта Калифова, они взаимно отвѣтствовали ему: „что тѣми же клю-
„чами, которыми отворили они
„себѣ ворота Никеи, Антіохіи,
„Тарсиса и Эдессы, отворятъ они
„ворота и Іерусалима„ — и съ радостными восторгами прибыли

1099 7 Іюня. къ стѣнамъ онаго. Изъ сего безчисленнаго народа, отправившагося изъ Европы въ Азію, отъ разныхъ болѣзней, отъ сраженій и побѣговъ и отъ гарнизоновъ, которые надлежало оставлять въ покоренныхъ городахъ, оставалось у нихъ едва 20000 пѣхоты и 1500 конницы, когда они пришли къ Іерусалиму: но мудрая храбрость вождя ихъ Герцога Бульйонскаго равно и здѣсь подкрѣпила ихъ мужество и увѣнчала предпріятіе счастливымъ успѣхомъ. Невѣрные уступили превосходству храбрости; покореніе Іерусалима, по краткой осадѣ, увѣнчало благочестивыя желанія Христіянства. Всѣ сопротивлявшіеся были изрублены; городъ плавалъ въ крови; и побѣдители по кучамъ тѣлъ убитыхъ вступили въ Храмъ Гроба Господня, воспѣли благодарственное молебствіе въ честь Искупителя и возложили царской

вѣнецъ на мужественнаго Готфрида.

Исполненный благородныхъ намѣреній Готфридъ, подъ скромнымъ титуломъ: *Защитника Гроба Господня*, вступилъ въ правленіе новаго царства, не принявъ титула Царскаго, о которомъ разсуждаемо тогда было, что онъ не человѣку приличенъ, что единъ Царь Іерусалимской Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Между тѣмъ Калифъ Египетскій, узнавъ о осадѣ Іерусалима и не знавъ еще о завоеваніи онаго, вооружился и шелъ со многочисленною арміею на освобожденіе города. Лишь только пронесся слухъ о его приближеніи, какъ Готфридъ, собравъ разсѣянныя свои силы, пошелъ ему на встрѣчу, обратилъ въ бѣгство его войско, и возвратился въ столицу увѣнчанный новыми лаврами. Въ память сей и

предшествовавшей побѣды учредилъ онъ, какъ въ церкви Гроба Господня, такъ и въ церкви Храма Соломонова, Соборъ Латинскихъ Каноииковъ, котораго члены приняли правила блаженнаго Августина.

Готфридъ, хотя давно слышалъ о благотворительныхъ учрежденіяхъ Іоанновскихъ братьевъ, но государственныя заботы препятствовали ему обратить на нихъ должное вниманіе: теперь же, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ Крестовыхъ Рыцарей, прибылъ онъ въ сію первоучрежденную больницу, гдѣ достопочтенный *Герардъ* принялъ его съ достодолжнымъ уваженіемъ.

Сей Герардъ, родомъ съ острова Мартига въ Провансѣ, отправился въ Іерусалимъ обыкновеннымъ Пилигримомъ; и по краткомъ тамо пребываніи, поощренъ бывъ

примѣромъ гостепріимныхъ Іоанновскихъ братьевъ, рѣшился вступить въ ихъ общество. Въ тоже самое время одна благородная Римлянка, именемъ Агнеса, учредила пристанище для странствующихъ женскаго пола.

Въ гостинницу Іоанновскую принимались безъ различія Греки и Латины; даже Магометане находили тамъ призрѣніе; и всѣ жители вообще, не смотря на разность вѣръ, почитали Герарда отцемъ всѣхъ безпомощныхъ и покровителемъ всѣхъ злополучныхъ.

Готфридъ изумился, нашедши здѣсь такое множество Крестовыхъ воиновъ, которыхъ раненыхъ при взятіи города, принесли сюда для леченія и содержанія. Всѣ прославляли благодѣтельность и неусыпное попеченіе гостепріимныхъ Іоанновскихъ братьевъ съ жарчайшими чувствами благодарности.

Славный Кардиналъ Витри, во свидѣтельство гостепріимности сихъ мужей, разсказываетъ, что они на собственный свой столъ клали хлѣбъ изъ отрубей и мякины, дабы лучшій сберечь для больныхъ и раненыхъ.

Толь превосходные примѣры великодушія поощрили многихъ молодыхъ благородныхъ Рыцарей къ подражанію. Они рѣшились не возвращаться болѣе въ отечество и посвятить себя на служеніе страннымъ и больнымъ въ Іоанновской гостинницѣ.

Раймундъ дю Пюи изъ Дофине, Дюдонъ Компсъ оттуда же, Гастъ или Кастъ, коего собственное отечество и происхожденіе неизвѣстны, Кононъ Монтегю изъ провинціи Овернской, и многіе другіе, которые въ послѣдствіи сей исторіи упомянутся, были изъ числа оныхъ. Хотя въ особѣ сихъ мужей

Готфридъ лишался храбрыхъ, твердыхъ и надежныхъ подпоръ своего могущества: но чувство человѣколюбія и великодушія не позволило ему возпротивиться благородному ихъ намѣренію; и естьлибъ политическіе виды новаго его государства не удержали его остаться главою арміи, то онъ самъ бы ни минуты не умедлилъ послѣдовать ихъ примѣру. Дабы не быть празднымъ токмо зрителемъ попечительности ихъ о благѣ страждущаго человѣчества, онъ подарилъ дому Св. Іоанна мѣстечко Монтбуаръ со всѣми принадлежащими къ нему землями, составлявшими прежде часть его доходовъ въ Брабантѣ. Большая часть Князей и Вельможъ, слѣдовавшихъ за знаменами Готфрида въ Азію, старались тогда превзойти другъ друга подобными дарами; и въ короткое время больница сія увидѣла себя

обогащенною землями и доходами, какъ въ Палестинѣ, такъ и въ Европѣ.

Всѣ оныя дары въ рукахъ благочестиваго и человѣколюбиваго Герарда сдѣлались твердымъ капиталомъ, который обращалъ онъ на вспоможеніе бѣднымъ и страждущимъ. До сихъ поръ Герардъ имѣлъ только видъ обыкновеннаго надзирателя; и общество, въ коемъ онъ начальствовалъ, уподоблялось всякому другому добровольному дружескому союзу къ какимъ нибудь извѣстнымъ цѣлямъ: но тогда возродилось въ немъ желаніе устроить то общество, благочестивымъ намѣреніямъ котораго, казалось, само небо благопріятствовало. Размысливъ здраво о своемъ предпріятіи, приступилъ онъ къ самому дѣлу: собралъ всѣхъ братьевъ и сестръ, находившихся тогда частію въ гостинницѣ Св. Іоанна, частію въ

новоучрежденной больницѣ, и предложилъ имъ посвятить себя навсегда служенію больнымъ и страннымъ; отречься міра и дать сему союзу ихъ пристойный видъ и надлежащую прочность, и избрать Орденскую одежду. Предложеніе было принято; и съ сихъ-то поръ благочестивое сіе общество получило видъ Ордена, который подъ названіемъ Ордена Св. Іоанна долгое время продолжался въ Іерусалимѣ.

Одежда Орденская, по выбору Герарда, состояла изъ простой черной епанчи, на лѣвой сторонѣ которой вшитъ былъ холстинный осміугольный крестъ. Патріархъ Іерусалимскій самъ возложилъ сію одежду на братьевъ и сестръ Орденскихъ, и принялъ отъ нихъ при гробѣ Господнемъ три духовные обѣта.

Герардъ.

Герардъ

Чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ Папа Пасхалій II утвердилъ Орденъ сей торжественною буллою, освободя Орденскій домъ въ Іерусалимѣ, и всѣ зависящія отъ него владѣнія во всей Европѣ, отъ десятинной подати, придавъ надлежащую силу всѣмъ доселѣ бывшимъ и будущимъ дарамъ, и предоставивъ Орденскимъ братьямъ право, по смерти благочестиваго Герарда, избрать самимъ себѣ Настоятеля, безъ всякаго участія въ томъ всякой свѣтской и духовной власти.

Съ сего-то времени, какъ благотворительность Іоанновскихъ братьевъ получила новое побужденіе, и мудрая политика Готфрида охраняла престолъ, любезный миръ распростеръ паки крылѣ свои надъ землею, и науки и художества возникали съ юношескою силою. Война была кончана; и крестовые братья, сверша свои желанія, видѣли предъ

собою смѣлое дѣйствіе своей храбрости въ процвѣтающей надеждѣ; вдали златыя цѣпи отечества и любви, привлекающія сильно сердца ихъ. Снова собрались полки воиновъ; море возшумѣло подъ кораблями, и малый остатокъ перваго крестоваго ополченія летѣлъ со всѣхъ сторонъ къ возлюбленнымъ берегамъ отечества. Изъ всего множества крестоносцевъ, прибывшихъ изъ Европы въ Азію, осталось съ Готфридомъ только до двухъ тысячь пѣшихъ и триста человѣкъ конныхъ. Храбрый Танкредъ не захотѣлъ его оставить, и продолжалъ вспомоществовать ему храбростію своею и совѣтами. Балдуинъ, братъ Готфридовъ, удалился въ Эдессу въ Месопотаміи, которую покорилъ своимъ оружіемъ; Эвстахій, другой братъ Готфридовъ, возвратился во Францію; а Богемондъ, ставъ

Герардъ

Герардъ Княземъ Антіохійскимъ, остался въ Антіохіи.

Сколь охотно возвращающіеся рыцари оставляли мѣста̀, гдѣ тысящи ихъ братьевъ обрѣли свою погибель: столь сильно напротивъ того возпламенился духъ завоеванія въ другихъ Государяхъ и полководцахъ, которые снова ополчились и двинулись въ походъ во св. землю.

Готфридъ, не подозрѣвая скрытныхъ ихъ побужденій, приписывалъ множество ихъ усердію къ вѣрѣ; и почитая ихъ вѣрными подпорами политической своей силы, старался удержать ихъ раздачею имъ собственныхъ владѣній. Мало по малу сіи раздачи сдѣлались столь обыкновенны, что государственная сила, совокуплявшаяся прежде въ особѣ одного, раздѣлилась потомъ на многія отдѣленныя вѣтви. Помянутые военачальники, такъ какъ и прежніе, привели съ собою въ Па-

лестину множество рыцарей и дворянъ; и какъ надобно имъ было сіи военныя силы содержать, то всѣ они устремились доставать себѣ при дворѣ владѣнія и доходы, дабы въ состояніи быть удержать ихъ при себѣ. Такимъ образомъ добродушный Готфридъ, одно владѣніе за другимъ, отдѣлялъ отъ своей короны; и вмѣсто истинныхъ заслугъ, награждалъ усилія любочестія и властолюбія, и чрезъ то въ первомъ еще цвѣтѣ ослабилъ величіе силы своей. Герардъ

Возвращеніе странниковъ въ отечество было торжествомъ для Европы. — Повсюду разнеслась съ ними слава о Іоанновскихъ братьяхъ; благотворность ихъ учрежденій, безпредѣльная ихъ щедрость служили примѣромъ для Христіянъ того столѣтія. Но болѣе всего подѣйствовало на умы счастливое завоеваніе Іерусалима. Священно-гор-

дое желаніе видѣть знамя Христіянства водруженнымъ среди Азіи, оживотворило тысящи мужествомъ. Духъ странничества объялъ превеликое множество. Изъ всѣхъ званій и состояній, отъ вышшаго до самаго нижняго, цѣлыя толпы народа стремились въ Азію; гавани наполнились кораблями, Іерусалимъ Пилигримами, которые съ фанатическимъ жаромъ стекались ко гробу Господню радоваться о благополучномъ освобожденіи его изъ рукъ невѣрныхъ. Въ Іоанновской гостинницѣ всѣ находили надежное прибѣжище, призрѣніе, и вспоможеніе даже къ самому возвращенію.

Сей приливъ Христіянскихъ странниковъ продолжался непрерывно, и половину Европы переселилъ въ Азію. Слѣдствія сего были впрочемъ весьма полезны для новоучрежденнаго Ордена, который со всѣхъ сторонъ получалъ богатыя

владѣнія и всякаго рода дары. Связь его съ западными странами такъ тѣсно сплетена стала, и такъ сдѣлалась безчисленна, что не оставалось почти ни одной области, которая бы не заключала въ себѣ Орденскіе участки. Въ каждой имѣлъ онъ владѣнія, приносившія ему богатую жатву для благочестивыхъ его намѣреній. Іерусалимъ получилъ чрезъ то силу и знаменитость: деньги пришли въ обращеніе между жителями, гражданамъ открылись со всѣхъ сторонъ источники богатства, и трудолюбіе поощрилось. Не подалеку отъ той страны, гдѣ, по древнему преданію, обиталъ отецъ Іоанна Крестителя, Герардъ въ честь Св. Іоанна воздвигнулъ великолѣпный храмъ, къ которому присоединены были еще многія прекрасныя зданія, опредѣленныя, одни для жилища Орденскихъ членовъ,

Герардъ

Герардъ другія для помѣщенія странниковъ и больныхъ. Благочестивые Іоанновскіе братья поступали со всѣми съ равною благотворною попечительностію; и никто не вступалъ въ сіи убѣжища не возчувствуя живѣйшей благодарности, и не выходилъ изъ оныхъ безъ пролитія слезъ. Братья Ордена принимали на себя даже самыя низкія должности: обмывали ноги приходящимъ, подавали лекарства больнымъ, перевязывали раны увѣчнымъ; а священники отправляли Божію службу и пріобщали святымъ тайнамъ — кратко сказать: они обращались съ гостьми своими, какъ отецъ съ дѣтьми, и предупреждали малѣйшія ихъ нужды.

Благодѣтельная дѣятельность Іоанновскихъ братьевъ не ограничилась однимъ Іерусалимомъ, но благотворныя дѣйствія свои распространила и на западъ. Въ са-

мыхъ цвѣтущихъ приморскихъ городахъ Европы построены были на иждивеніи общества пространныя гостинницы. Сіи благотворныя вѣтви Іоанновскаго института въ Іерусалимѣ, которыя можно почитать за первыя *Коммандорства* Ордена, опредѣлены были собственно къ тому, чтобъ странникамъ, стекающимся сюда на посѣщеніе св. земли, доставить вѣрныя мѣста сборища. Сверьхъ того здѣсь уменьшались путевыя ихъ издержки; имъ доставляли корабли и проводниковъ, съ помощію которыхъ скоро и безопасно достигали они желаемаго мѣста. Впадшіе по несчастію въ болѣзни, и не могшіе продолжать пути, принимались благосклонно; о нихъ имѣли прилѣжное попеченіе, и они могли здѣсь пробыть до совершеннаго своего выздоровленія. Таковы были учрежденныя Госпинницы: *Сет-*

Герардъ

Герардъ *Жильская* въ Провансѣ, *Севильская* въ Андалузіи, *Тарентская* въ Италіи, *Мессинская* въ Сициліи, и множество другихъ, которыя Папа Пасхалій II. принялъ, такъ какъ и Іерусалимскую, въ особенное свое покровительство, и которымъ преемники сего Папы даровали разныя привиллегіи.

Между тѣмъ, какъ новый сей Орденъ разпространялъ славу свою по всей Азіи и Европѣ, Готфридъ Бульїонской привелъ въ движеніе всѣ пружины политики, дабы новопріобрѣтенному своему царству чрезъ спокойствіе и устройство доставить продолжительное существованіе. Онъ собралъ государственные чины, издалъ съ ними новые законы, которые подъ именемъ *граматъ Св. Гроба* хранились въ церкви при гробѣ Господнемъ. Потомъ поднялъ онъ вторично оружіе, дабы совершенно разрушить

силу непримиримаго своего непрія-
теля, утвердить колеблющійся престолъ свой, и чрезъ продолжаемыя завоеванія разширить свои предѣлы.

Предпріятія Готфрида и въ семъ случаѣ сопровождались успѣхомъ. Побѣдоносное его оружіе отняло у Исламитовъ не только Тиверіаду и многіе другіе окрестъ Геннезаретскаго моря лежащіе города, но и большую часть Галилеи. Сія послѣдняя отдана была храброму Танкреду, въ награду за вѣрныя и мужественныя его заслуги; и естьли бы судьба сохранила на престолѣ долѣе сего человѣколюбиваго Государя: то и вся Палестина учинилась бы по прежнему особливымъ и твердымъ государственнымъ тѣломъ, и западъ не имѣлъ бы нужды приносить новыя жертвы Азіи: но здѣсь положенъ былъ предѣлъ герою, котораго не могъ онъ прей-

Герардъ ти. ВЪ самомЪ цвѣтѣ счастія не-
1100 запная смерть скосила великаго
годЪ. Готфрида и похитила его сЪ позорища его величія.

СЪ смертію его Христіяне потеряли ревностнаго защитника и великаго Полководца; а Сарацыны избавились страшнаго непріятеля. КакЪ старшій братЪ ГотфридовЪ Эвстахій возвратился вЪ Европу: то БалдуинЪ, младшій братЪ, избранЪ былЪ его преемникомЪ, который, вступая на Іерусалимской ПрестолЪ, отдалЪ графство свое Эдессу родственнику своему Графу Балдуину дю БургЪ.

СЪ блестящимЪ шумомЪ взошелЪ на престолЪ *Балдуинъ* подЪ гордымЪ титуломЪ Короля Іерусалимскаго, какЪ будто наружный блескЪ могЪ закрыть скудость его духа. Хотя и сердце его было мужественно, и рука сильна подкрѣплять оное: но здѣсь самыя его

достоинства были совершенно пагубны; и недостатокъ въ прочихъ дарованіяхъ замѣняемъ былъ безразсудною дерзостію и скоростію. Сердце его было хладно къ истинной великости, но довольно склонно ко всякимъ впечатлѣніямъ чувственнаго сластолюбія. Съ вступленія его на престолъ началась мрачная эпоха раззоренія Палестины. Ангелы покровители ея навсегда отлетѣли отъ страны тщеславія и сластолюбія. При всемъ томъ надежда была неразлучною его спутницею, и предпріимчивый духъ его потухъ токмо съ жизнію его. Бывъ севодни прогнанъ до самыхъ ступеней престола своего, завтра тѣмъ яростнѣе, тѣмъ скорѣе спѣшилъ онъ изкупить честь свою оружіемъ. Но потеря была невозвратима; и завоеваніе Триполя, Акры и Сидона едва стоили многочисленныхъ издержекъ на во- Герардъ

Герардъ оруженія, безъ коихъ весьма бы могъ онъ обойтись. Всю жизнь свою въ царскомъ своемъ достоинствѣ провелъ онъ въ шумѣ военномъ, не будучи никогда спокоенъ, и по восмнатцатилѣтнемъ обладаніи престоломъ, кончилъ оную на жестокомъ приступѣ противъ Тира отъ случившейся ему болѣзни.

По немъ наслѣдовалъ Балдуинъ дю Бургъ, или Бургской, подъ именемъ *Балдуина II.* Сей Государь, вмѣсто того чтобъ залечить раны государства, какъ-то онъ самъ желалъ, и итти путемъ проложеннымъ отъ Готфрида, долженъ былъ раздѣлить свои силы, дабы отразить только отъ престола своего непріятелей.

Какъ съ смертію Готфрида Бульіонскаго политическое состояніе Іерусалима претерпѣло вредное потрясеніе: такъ съ смертію благочестиваго и вѣчно незабвеннаго *Ге-*

рарда Орденъ Св. Іоанна приведенъ былъ въ неменьше жалостное положеніе. Не мучительная болѣзнь прервала тонкую нить его жизни; конецъ его тихо и спокойно приблизился; съ веселою улыбкою чистой совѣсти склонилъ онъ сѣдую главу свою, подобно спѣлому колосу, отъ сильной бури пожинаемому — и слезы благодарности послѣдовали за благочестивымъ симъ мужемъ въ самую юдоль смертную.

Первое стараніе Ордена было избрать достойнаго ему преемника, и жребій палъ на *Раймунда дю Пюи*, Французскаго Барона изъ провинціи Дофине. Раймундъ дю Пюи

Съ появленіемъ сего мужа главою Ордена настала новая эпоха въ исторіи онаго. До сего времени Орденъ пребывалъ спокойно въ счастливомъ уединеніи и въ тишинѣ. Облегчать несчастія человѣковъ, братьевъ своихъ, была единствен-

Раймундъ дю Пюи

ная цѣль его: но вдругъ зрѣлище перемѣняется, и мирный монахъ выходитъ воиномъ и миролюбивое гостепріимство и уединеніе свое мѣняетъ на шумъ и страхъ военный.

Герардъ, при вступленіи своемъ въ общество Іоанновскихъ братьевъ, довольствовался тѣмъ только, чтобы связать между ними крѣпкой узелъ и утвердить оный нѣжными узами общаго трудолюбія и раченія о пользѣ человѣчества, и о распространеніи вѣры. Преемникъ его Раймундъ дю Пюи при семъ не остался. Онъ принялъ смѣлое намѣреніе соединить съ добродѣтелью благотворенія превосходство храбрости, и возложить на общество сугубыя должности.

Предпріятіе сіе для колеблющагося Іерусалимскаго престола было не только полезно, но и необходимо, естьли при толь худыхъ

обстоятельствахЪ хотѣлЪ онЪ удержать ослабѣвающую свою силу. ТакЪ называемое Королевство Іерусалимское тогда всего менѣе походило на государственное тѣло. Малый неважный округЪ, коего знатнѣйшимЪ членомЪ была столица, соединенный сЪ нѣсколькими маловажными городками, окруженный отовсюду Магометанскими владѣніями — вотЪ вся область, которой громкой титулЪ Королевства придалЪ блистательную наружность и искуственную жизнь. Ни безопасности, ни политической связи здѣсь не было. Отвсюду мечь СарациновЪ грозилЪ убійствомЪ и раззореніемЪ; и кто безЪ достаточнаго прикрытія осмѣливался изЪ одного города перевѣжжать вЪ другой, тотЪ рѣдко избѣгалЪ плѣна, или смерти. Самыя Христіянскія владѣнія были вездѣ наполнены Магометанскими жителями, кото- Раймундъ дю Пюи

Раймундъ дю Пюи

рые почитая Христіянъ за враговъ своея вѣры, при каждомъ случаѣ грабили ихъ и разбойнически убивали. Даже укрѣпленныя мѣста, прикрытыя отъ непріятельскихъ нападеній, не могли обнадежить Христіянъ въ безопасности. При тишинѣ ночи враги вторгались въ домы, убивали спящихъ и похищали имѣніе ихъ въ добычу. Къ сему прибавилось новое бѣдствіе, еще того ужаснѣйшее. Туркоманы и Египетскіе Сарацины, безъ всякаго между собою согласія, но съ одинакимъ намѣреніемъ вытѣснить Христіянъ изъ Сиріи и Палестины, вооружились въ одно время противъ сего ослабленнаго государственнаго тѣла. Слѣдствіе сего было то, что Латины принуждены были вести непрерывную войну. Слабость ихъ не позволяла имъ ни на одну минуту сходить съ поля; и когда наступившее зимнее время

возвращало войско въ домы: то непріятели производили набѣги на Христіянскія области, опустошали оныя огнемъ и мечемъ, убивали мужей и увлекали женъ съ дѣтьми въ жесточайшее рабство.

Раймундъ дю Пюи

Въ семъ плачевномъ состояніи Государства, не находившаго почти спасенія, Раймундъ дю Пюи выступилъ вооруженнымъ, въ намѣреніи противопоставить сильный оплотъ нападеніямъ варваровъ и доставить колеблющемуся престолу твердую всегдашнюю подпору.

Собравъ капитулъ, требовалъ онъ отъ своихъ братьевъ поднять оружіе на защищеніе отъ неукротимаго врага ихъ вольности и дабы сохранить гробъ Господень во владѣніи Христіянъ.

Достоинство Раймунда, утверждавшееся на благородствѣ сердца его и духа, имѣло весьма твердое

Раймундъ дю Пюи

основаніе въ умахъ его собратій, чтобъ могло дать мѣсто недовѣрчивости къ его намѣренію. Оно признано было новымъ доказательствомъ чистаго его усердія къ вѣрѣ и вѣрности къ обществу. Сколь ни великія препятствія встрѣчались сему предпріятію; сколь ни велика была противоположность въ соединеніи двухъ должностей, столь между собою противорѣчущихъ, должности монаха и должности солдата: однако умы удобно убѣждены были, и сомнѣнія уничтожены. Общество Раймундово состояло большею частію изъ людей военныхъ, которые въ первомъ крестовомъ походѣ противъ невѣрныхъ служили подъ знаменами Готфрида. Во всѣхъ сихъ умахъ тлилась еще искра храбрости, и только тишина уединенія удерживала ее отъ возгорѣнія: но стеченіе обстоятельствъ, въ коихъ са-

Раймундъ дю Пюи

мое человѣколюбіе, казалось, подавало руку мужеству, снова возпалило въ сердцахъ воинственный огнь — и гостепріимный Орденъ Св. Іоанна впервые предсталъ вооруженнымъ.

Однако должности благотворенія не должны были ничего потерпѣть отъ сей перемѣны. По чему рѣшились постановить между обѣими надлежащее сношеніе, и опредѣлить взаимныя ихъ связи и предѣлы. Во первыхъ положено было, чтобы часть Ордена, не оставляя прежней своей должности пещися о больныхъ и странникахъ, была всегда готова къ защитѣ государства отъ невѣрныхъ. Во вторыхъ, чтобъ не поднимала оружія ни противъ какой державы, какъ токмо противу невѣрныхъ, и чтобы единственною цѣлію ополченія ея было охраненіе св. гроба и защищеніе Христіянской вѣры.

Раймундъ дю Пюи

Раймундъ раздѣлилъ весь Орденъ на три главные класса. Къ первому принадлежали всѣ тѣ, которымъ порода и испытанная храбрость давали право носить оружіе — *Рыцари.* Второй классъ составляли духовные, которые, кромѣ обыкновенной съ званіемъ ихъ сопряженной должности, были еще обязаны отправлять во время войны по очереди званіе собирателей милостыни — *Священники.* Третій классъ, члены коего ни къ дворянству, ни къ духовенству не причислялись, имѣлъ имя *Служащихъ Братьевъ.* Они обыкновенно опредѣлялись Орденскими членами перваго класса къ нѣкоторымъ должностямъ, особенно имъ принадлежавшимъ и требовавшимъ присутствія ихъ то въ полѣ, то въ Іерусалимской гостинницѣ, а нерѣдко и въ отдаленныхъ западныхъ командорствахъ. Сіи послѣдніе отли-

Раймундъ дю Пюи

чены потомъ были и одеждою отъ Рыцарей, или Кавалеровъ: но сіе раздѣленіе не имѣло однакожъ никакого вреднаго вліянія на права и преимущества каждаго члена порознь. Всѣ были соединены неразрывнымъ союзомъ и составляли вмѣстѣ одно тѣло, имѣя одни права и преимущества.

Въ послѣдствіи, когда Орденъ чрезъ прибытіе множества молодыхъ дворянъ изъ Европы чрезвычайно размножился, сдѣлано было, кромѣ сего первоначальнаго, еще другое раздѣленіе на семь особенныхъ союзовъ, или *языковъ*, по превосходству числа прибывшихъ рыцарей, а именно: на *Прованской*, *Овернской*, *Французской*, *Италіянской*, *Аррагонской*, *Англинской* и *Нѣмецкой*; которое раздѣленіе, съ нѣкоторыми перемѣнами, оставалось и донынѣ.

Раймундъ дю Пюи

Первоначальная Орденская одежда состояла изъ чернаго кафтана и епанчи съ остроконечнымъ капишономъ тогожъ цвѣта, и на лѣвой сторонѣ, противъ сердца, вшивался холстинный крестъ. Сіе одѣяніе, равно какъ и наименованіе гостепріимныхъ братьевъ, или *Гостепріимцовъ*, въ первыя времена Ордена, было обще всѣмъ членамъ: но потомъ, когда *Гостепріимцы* принялись за оружіе, и отличавшіеся породою стали гнушаться вступать въ такой Орденъ, гдѣ они смѣшаны были съ *служащими братьями*: то Папа Александръ IV. чтобъ отнять сіе препятствіе, разсудилъ сдѣлать различіе между служащими братьями и рыцарями; и предписалъ, чтобы впредь одни рыцари носили дома епанчу чернаго цвѣта, а въ полѣ, или на войнѣ, *Соправестъ*, или *Супервестъ*, красный съ бѣлымъ крестомъ.

Раймундъ дю Пюи, получивъ отъ Іерусалимскаго Патріарха благословеніе на сіе новое учрежденіе, пошелъ съ братьями своими предложить услуги свои Балдуину.

Раймундъ дю Пюи

Не возможно изъяснить радости сего Государя, когда онъ увидѣлъ толь нечаянно исполненіе горячайшаго своего желанія. Никогда помощь не была ему такъ нужна, какъ теперь, когда колеблющійся престолъ его отовсюду окруженъ былъ вооруженными варварами, и онъ сверьхъ того долженъ былъ защищать Триполь и Эдессу; невѣрные ворвались также въ Антіохію, и Король не замедлилъ воспользоваться предложеніемъ благородныхъ Іоанновскихъ братьевъ. Храбрость сихъ воиновъ совершенно отвѣчала ихъ усердію, и снова оживотворила войски Балдуина. По продолжительномъ кровопролитномъ сраженіи, Туркоманы должны

Раймундъ дю Пюи

были уступить, и Балдуинъ возвратился въ столицу свою, увѣнчанный лаврами.

Теперь надѣялся онъ насладиться плодами своей побѣды — спокойствіемъ и миромъ: но едва принялъ паки кормило правленія, какъ непріятель, съ большимъ напряженіемъ силъ, вызвалъ его снова на войну кровопролитнѣйшую. Балакъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ Эмировъ Туркоманскихъ, напалъ на Графа Эдесскаго, и взялъ его въ плѣнъ. Балдуинъ поспѣшилъ на помощь Графу, чтобы спасти Эдессу: но при рекогносцированіи непріятеля былъ столько несчастливъ, что самъ попался въ плѣнъ. Ужасъ сего несчастнаго приключенія разсѣялъ часть его арміи: Іоанновскіе братья съ остаткомъ войскъ бросились въ Эдессу и другіе города для защищенія оныхъ противъ Балака. Сей случай Калифъ Египет-

скій обратилЪ вЪ свою пользу, и тотчасЪ отправилЪ одного изЪ своихЪ генераловЪ вЪ Іудею осадить Яфу. Среди двухЪ страшныхЪ непріятелей утѣсняемые Латины, казалось, не могли болѣе держаться: но одинЪ старый воинЪ Эвстахій Гарніеръ, ГрафЪ Сидонской и Кесарійской, избавилЪ ихЪ отЪ сего бѣдствія. СЪ седмью тысячами человѣкЪ, собранныхЪ имЪ вЪ малой своей области, и сЪ остаткомЪ ІоанновскихЪ братьевЪ, взятыхЪ имЪ изЪ Іерусалима, пошелЪ онЪ кЪ Яфѣ, разсѣялЪ непріятелей, прежде нежели они могли свѣдать о его приходѣ; обратился потомЪ сЪ войсками кЪ Аскалону и напалЪ на непріятеля такЪ нечаянно, что побѣда тотчасЪ рѣшилась вЪ его пользу. ВЪ тоже время Сарацины потеряли флотЪ, который при отступленіи ихЪ попался вЪ руки Венеціянскому Дожу Генриху Микіели. ГарніерЪ

Раймундъ дю Пюи

Раймундъ дю Пюи

былъ убитъ на послѣднемъ сраженіи. Вилгельмъ Бургской принялъ по немъ начальство надъ арміею и присоединился къ Микіели для осады Тира. Осада сія была продолжительна и упорна. Мечь Іоанновскихъ братьевъ былъ убійственъ и побѣдоносенъ. Запертый съ сухаго пути и съ моря, и лишенный всякой надежды на помощь, городъ наконецъ сдался.

Въ продолженіе осады Тира, Графъ Эдесской нашелъ случай уйти изъ плѣна, собралъ войски, разбилъ своего непріятеля, и собственною рукою закололъ его. Сею счастливою побѣдою освобожденъ былъ равно и самъ Балдуинъ, и возвратился въ свое государство.

Но едва огнь войны погасъ съ сей стороны, то возгорѣлся съ другой съ равною жестокостію. Двое Туркоманскихъ Князей возобновили нападенія на Антіохію. Балдуинъ

вышелъ противъ нихъ, двоекратно принудилъ ихъ къ бѣгству и овладѣлъ крѣпостью Рафою въ графствѣ Трипольскомъ. Раймундъ дю Пюи

Іоанновскіе братья находились при всѣхъ сихъ предпріятіяхъ: сила оружія ихъ была рѣшительна; непріятель трепеталъ при появленіи ихъ; Христіянство удивлялось ихъ храбрости. Но никто не отличился столько между ними, какъ Фулкесъ, Графъ Анжуйской, одинъ изъ величайшихъ полководцевъ своего времени. Онъ происходилъ отъ побочнаго сына Короля Французскаго Филиппа I. Огорченный смертію своей супруги, отправился онъ въ Іерусалимъ въ видѣ странника, и воинскими дарованіями своими сдѣлался такъ необходимъ для Балдуина, что онъ весьма неохотно отпустилъ его, когда попеченіе о дѣтяхъ потребовало наконецъ возвращенія его во Францію. Ни-

Раймундъ дю Пюи

что не могло Короля утѣшить въ потерѣ сего храбраго воина, кромѣ клятвеннаго его обѣщанія возвратиться назадъ, какъ скоро должности отца ему то позволятъ. Между тѣмъ явилось новое неожиданное явленіе, которое въ послѣдствіи сдѣлалось твердою подпорою Королевства, и одолжено бытіемъ своимъ счастливому вліянію человѣколюбія и благодѣтельности на умы того столѣтія.

Гугонъ де Пайенъ, Готфридъ Алдемаръ, и семь другихъ Французскихъ дворянъ, составили между собою общество, согласившееся пещися о безопасности странствующихъ, которые на продолжительномъ пути своемъ должны были преодолѣвать несказанныя трудности. Дабы защитить ихъ отъ нападеній, малое сіе общество разставило по опаснымъ мѣстамъ и въ узкихъ проходахъ между горъ

вооруженныя комманды, и давало путешествующимЪ проводниковЪ какЪ вЪ первомЪ, такЪ и при возвратномЪ ихЪ пути. Раймундъ дю Пюи

Сіе небольшое общество сЪ начала было только дѣло частное, которое ни на какихЪ опредѣленныхЪ правилахЪ не утверждалося, и никакими особенными обрядами не отличалось, имѣя предметомЪ единственно сопровожденіе путешественниковЪ, по собственной своей волѣ, или когда ихЪ о томЪ просили.

БромптонЪ, современный писатель, говоритЪ, что тогда вообще утверждали, что сіи дворяне были воспитанники ІоанновскихЪ братьевЪ, и долго жили благотворительностію ихЪ на ихЪ содержаніи. ВильгельмЪ Тирской сказываетЪ, что они избрали себѣ особенное жилище близь древняго Храма Соломонова: отЪ чего вЪ послѣдствіи и дано

Раймундъ дю Пюи

имъ названіе *Тамплїеровъ*, или *Темпельгеровъ*, то есть: *Рыцарей Храма.*

Нѣсколько времени спустя, помянутый Гугонъ де Пайенъ, главный основатель сего общества, посланъ былъ отъ Балдуина съ политическимъ препорученіемъ къ Папѣ. — Сей случай Гугонъ обратилъ въ свою пользу, представилъ своихъ товарищей сидѣвшему тогда на папскомъ престолѣ Онорію II. изъяснилъ благородную ихъ рѣшимость защищать путешествующихъ ко святымъ мѣстамъ, и изобразилъ цѣль своего учрежденія въ такомъ благопріятномъ видѣ, что Онорій, получившій уже по слуху весьма выгодныя мысли о семъ обществѣ, совершенно восхитился его описаніемъ, и одобрилъ желаніе его, чтобъ и оно, по примѣру Іоанновскаго собратства, составило изъ себя особливый духовно-военный Орденъ. Однакожъ дѣло сіе

препроводилъ онъ на рѣшеніе въ соборъ, собравшійся тогда въ городѣ Тройѣ, что въ Шампаніи. Раймундъ дю Пюи

Святые отцы оказались тотчасъ готовыми удовлетворить желанію благороднаго Гугона, и поручили св. Бернарду предписать сему новому Ордену приличныя правила и назначить пристойную орденскую одежду. Нѣкоторые отрывки изъ сихъ правилъ ордена дошли и до насъ. Между прочимъ предписывалось орденскимъ братьямъ каждый день прочитывать по нѣскольку разъ *Отче нашъ:* изъ чего нѣкоторые заключаютъ, что всѣ они тогда ни читать, ни писать не умѣли. Только три дни въ недѣлѣ могли они ѣсть мясо: въ прочіе дни столъ ихъ долженствовалъ состоять изъ трехъ только блюдъ. Во время войны позволялось имъ имѣть одного оруженосца, или служащаго брата, и не болѣе трехъ

Раймундъ дю Пюи

лошадей для ѣзды; при чемъ строжайше запрещалась имъ всякая роскошь и всякая суетная пышность, и орденская одежда долженствовала быть вся бѣлая. Папа Евгеній III. прибавилъ къ ней потомъ красный крестъ.

Получа такое рѣшеніе отъ сего собора, Гугонъ съ товарищами своими обратно отправился въ Римъ для полученія утвержденія отъ Онорія; и окончавъ препорученное ему отъ Короля Іерусалимскаго дѣло, возвратился въ Палестину. Но прежде отъѣзда его толпы дворянъ изъ Франціи, Германіи и Италіи стекались къ нему и желали быть приняты въ его орденъ. Гугонъ, радуясь толь знатному приращенію своего общества, принялъ охотно ихъ прозьбу, роздалъ имъ орденскую одежду, и возвратился въ Іерусалимъ съ цвѣтущимъ воинствомъ своимъ благополучно.

Вскорѣ сіе новое воинство еще знатнѣе умножилось; дворяне изъ самыхъ знатнѣйшихъ фамилій, самые Принцы, родственники Государей, желали сражаться въ одеждѣ и подъ знаменами рыцарей Храма; и сей орденъ тѣмъ болѣе сдѣлался для нихъ привлекательнымъ, что былъ единственно военный, и не подверженъ труднымъ и скучнымъ для гордости должностямъ рыцарей Іоанновскихъ, которыя они при больныхъ и бѣдныхъ отправляли. Раймундъ дю Пюи

Христіяне въ Азіи получили чрезъ то новыя силы къ отраженію всякаго непріятельскаго покушенія на Іерусалимской престолъ. Оба ордена старались, на перерывъ другъ предъ другомъ, превзойти одинъ другаго въ мужествѣ, храбрости, благотвореніи и усердіи къ вѣрѣ; и судьба увѣнчала ихъ блистательною славою въ самомъ началѣ ихъ существованія. Также скоро, какъ

Раймундъ дю Пюи

недавно предъ симъ Орденъ Іоанновскихъ братьевъ, возросъ и новый отпрыскъ онаго Орденъ Рыцарей Храма. Сіе приращеніе славныхъ и знаменитыхъ членовъ умножило силу и богатство его; и прекрасныя владѣнія, щедротою Европейскихъ монарховъ ему дарованныя, скоро привели его въ такое цвѣтущее состояніе, что Бромптонъ говоритъ о немъ: „Едва родившееся чадо ордена Іоанновскаго „было уже такъ могущественно и „такъ богато, что угрожало затмить блескъ родителя своего.„

И такъ чего Балдуинъ лишился съ одной стороны чрезъ неудачный конецъ Гугонова посольства, которое имѣло цѣлію новое приглашеніе къ крестовому походу, то пріобрѣлъ въ десять кратъ болѣе съ другой, чрезъ учрежденіе сего новаго Ордена. Удовольствіе его увеличилось еще болѣе чрезъ

возвращеніе любезнаго его храбраго Фулкеса, Графа Анжуйскаго, прибывшаго въ Іерусалимъ съ знатною свитою. Торжество о возвращеніи его было вмѣстѣ торжествомъ и брака его съ принцессою Мелизиндою, старшею дочерью Короля, съ которою вмѣстѣ признанъ онъ былъ и наслѣдникомъ короны Іерусалимской.

Раймундъ дю Пюи

Въ самое то время, какъ Дворъ занимался празднествами и веселостьми, Король получилъ извѣстіе, что молодой Богемондъ, другой зять его, убитъ на сраженіи съ невѣрными; при чемъ опасались, чтобы Антіохія не досталась въ руки варваровъ, оставшись безъ защитника; ибо Богемондъ отъ брака своего съ Аликсою не оставилъ по себѣ никого, кромѣ одной малолѣтной дочери Констанціи, которая была тогда еще груднымъ младенцомъ. Король тотчасъ самъ

Раймундъ дю Пюи

отправился въ Антіохію: но къ великому своему удивленію нашелъ ворота оной заперты, и изумленіе его было еще болѣе, когда онъ узналъ, что сіе учинено по повелѣнію вдовствующей его дочери. Сія гордая и честолюбивая принцесса, огорченная тѣмъ, что отецъ ея утвердилъ наслѣдіе короны Іерусалимской за одною ея сестрою, не увѣдомя о томъ ея, приняла намѣреніе сама остаться владѣтельницею Антіохіи, подъ видомъ опекунства надъ малолѣтною своею дочерью. Но благоразумнѣйшіе изъ жителей, чувствуя нужду въ королевской помощи, ввели тайно Короля въ городъ. Балдуинъ заставилъ жителей признать право его власти; поставилъ въ городѣ коммендантомъ такого человѣка, на вѣрность котораго полагался; принудилъ вдовствующую принцессу, дочь свою, выйти изъ города

и удалиться въ Лаодикею, которую назначилъ ей мѣстомъ ея пребыванія; и по установленіи въ Антіохійскомъ княжествѣ добраго порядка, возвратился въ свою столицу. Раймундъ дю Пюи

По прибытіи своемъ въ Іерусалимъ, онъ занемогъ, и чувствуя конецъ свой близкимъ, снова подтвердилъ Графа Анжуйскаго и принцессу Мелизинду наслѣдниками своей короны, препоруча имъ имѣть попеченіе и о малолѣтной Констанціи. Вскорѣ потомъ онъ умеръ; слезы и искренняя печаль его подданныхъ засвидѣтельствовала, сколь много былъ онъ любимъ и сколь дорого цѣнили его потерю.

Съ смертію сего Государя, казалось, цвѣтущіе дни Палестины совершенно прекратились и черныя громовыя тучи затмили весь горизонтъ ея. Фулкесъ тщетно устремлялъ всѣ свои силы на раз-

сѣяніе оныхъ: число непріятелей, силившихся со всѣхъ сторонъ проникнуть въ сердце Палестины, до того увеличилось, что не возможно было, чтобы который нибудь изъ нихъ не имѣлъ успѣха, между тѣмъ какъ Фулкесъ отражалъ другаго.

Едва Балдуинъ закрылъ глаза, какъ въ Антіохіи составились двѣ противныя партіи противъ правъ малолѣтной принцессы. Во первыхъ принцесса мать ея, которая по видимому столь же худая была и мать, сколь неблагодарная дочь, какъ скоро увидѣла Короля отца своего во гробѣ, умыслила присвоить себѣ право на Княжество Антіохійское, принадлежавшее ея дочери. Понцій, Графъ Трипольской, и молодой Куртеней, Графъ Эдесской, приняли тайно ея сторону; и нѣкоторые изъ жителей Антіохіи обѣщали ввести въ городъ ихъ войски.

Тѣмъ временемъ составилась другая партія, безъ вѣдома сей первой, не меньше страшная. Рожеръ, Герцогъ Калабрской, а потомъ Король Сицилійской, родственникъ малолѣтной принцессы, считалъ себя въ правѣ на наслѣдство сего Княжества по превосходству мужескаго пола надъ женскимъ. Онъ также имѣлъ своихъ сообщниковъ въ городѣ; и всѣ сіи замыслы производилися съ великою тайностію и осторожностію.

Раймундъ дю Пюи

Но были въ городѣ и такіе жители, которые, не приставая ни къ той ни къ другой партіи, увѣдомили о сихъ заговорахъ комменданта, оставленнаго въ Антіохіи Балдуиномъ, который, чувствуя себя недовольно сильнымъ къ сопротивленію толь многимъ участникамъ изъ самыхъ жителей, извѣстилъ о семъ Короля, и прося у него помощи, заклиналъ его,

Раймундъ дю Піои

чтобы онъ самъ поспѣшилъ въ Антіохію, не теряя времени.

Король тотчасъ отправился самъ: но какъ надлежало ему проходить въ Антіохію чрезъ земли Графа Трипольскаго, который, не смотря на то, что былъ вазаллъ короны Іерусалимской, соединясь съ Графомъ Эдесскимъ, возпротивился его походу: то Король, видя съ одной стороны толь явную противъ себя измѣну, съ другой необходимую нужду предупредить сихъ Графовъ и войти въ Антіохію прежде, и не имѣя при себѣ довольно войска, чтобъ открыть себѣ путь вооруженною рукою, притворился, будто уступаетъ силѣ ихъ; и чтобъ обмануть ихъ шпіоновъ, тотчасъ поворотилъ съ войскомъ своимъ назадъ. Но во время ночи, отдѣлясь отъ онаго, въ сопровожденіи двухъ только своихъ любимцовъ, изъ коихъ одинъ былъ

Жубертъ, рыцарь Іоанновской, бывшій потомъ Великимъ Магистромъ сего Ордена, достигъ до берега морскаго, и сѣдши на судно, прибылъ къ устью рѣки Оронта, въ пристань св. Симеона, отстоящую въ пяти миляхъ отъ Антіохіи: откуда тайно проѣхалъ къ сему городу и введенъ былъ въ оный коммендантомъ. Раймундъ дю Пюи

Прибытіе его и твердость его духа устрашили заговорщиковъ; онъ велѣлъ арестовать начальниковъ ихъ; и дабы отвратить впредь подобные умыслы, предпринялъ, съ согласія Патріарха и знатнѣйшихъ чиновъ Антіохіи, выдать немедленно Констанцію за́-мужъ, и избрать ей мужемъ такого принца, который бы служилъ ей вмѣсто отца и былъ бы способенъ защищать ея владѣнія.

Приданое Княжны Антіохійской было столь знатно, что она не

Раймундъ дю Пюи

могла имѣть въ женихахъ недостатка: но при сихъ обстоятельствахъ нуженъ былъ такой принцъ, который бы искусствомъ и храбростію своею могъ воздерживать бунтующихъ и отражать непрестанныя нападенія невѣрныхъ: къ чему не всякой представлявшійся женихъ для Констанціи былъ способенъ. Фулкесъ въ семъ случаѣ обратилъ мысли свои на Раймунда, Графа Поатьерскаго, принца мужественнаго и отличныхъ достоинствъ. Жубертъ принявъ на себя посольство по сему дѣлу, отправился въ Европу къ Графу съ брачнымъ предложеніемъ, и нашедъ его при дворѣ родственника его Генриха I. Короля Англинскаго, склонилъ его на оное.

Графъ и посолъ отправились изъ Англіи во Францію, и изъ Прованса хотѣли сѣсть на корабль и ѣхать въ Сирію. Случилось, что

Раймундъ Пюи

въ пристаняхъ Провански́хъ не нашлось ни одного судна, отправляющагося на востокъ; и они не могли иначе отъѣхать какъ съ флотомъ помянутаго Рожера, Герцога Калабрскаго, бывшаго потомъ Королемъ Сицилійскимъ, который отправлялъ онъ на помощь Антіохійскимъ своимъ сообщникамъ. Успѣхъ всего дѣла зависѣлъ отъ тайности и поспѣшности, чтобы скрыть свое намѣреніе и предупредить предпріятіе Рожерово, который, не смотря на всю осторожность и скрытность Жубертову, провѣдалъ о намѣреніи его отправиться съ Графомъ въ Сирію, и далъ повелѣніе захватить ихъ, естьли они прибудутъ въ его гавани. Но Жубертъ умѣлъ обмануть бдительность Рожеровыхъ шпіоновъ. Переодѣвшись самъ, и переодѣвши Раймунда, они разстались, и розно пріѣхали въ Калабрію: откуда на двухъ разныхъ

Раймундъ дю Пюи

корабляхъ, подъ именемъ купцовъ, отправились въ ближайшій портъ къ Антіохіи; и сіи корабли были изъ флота, вооруженнаго самимъ Рожеромъ. Нѣсколько дней спустя Патріархъ, въ присутствіи Короля, обручилъ сего Графа съ Княжною Антіохійскою; и на всеобщемъ собраніи государственныхъ чиновъ Графъ торжественно признанъ Княземъ Антіохійскимъ, и всѣ вельможи княжества сего учинили обыкновенную присягу ему въ вѣрности.

Но между тѣмъ какъ Фулкесъ утверждалъ спокойствіе въ Антіохіи, собственныя его области опустошаемы были набѣгами варваровъ. Наибольшею опасностію грозили ему Арапы и Сарацины, изъ коихъ послѣдніе средоточіемъ дѣйствій своихъ избрали Аскалонъ, откуда производили сильные набѣги.

Аскалонъ съ сей стороны былъ ключемъ къ Палестинѣ. Калифы давно уже усматривали важность его, и потому употребили все стараніе, чтобы сдѣлать его твердѣйшею крѣпостью. Здѣсь былъ росадникъ Сарацинской военной силы, здѣсь всякой занимался оружіемъ; нѣжное юношество воспитывалось воинами, и заранѣе внушаема ему была ненависть и жестокосердіе противъ Христіянъ. — Ежедневно, ежечасно, жители сего города выходили толпами въ открытое поле, скрывались въ засадѣ и нападали на земледѣльцовъ и на путешествующихъ чрезъ Яфу въ Іерусалимъ. Раймундъ дю Пюи

Жалобы на сіе, дошедшія ко двору Іерусалимскому, были безчисленны, и побудили наконецъ Королеву Мелизинду, въ отсутствіе мужа своего, принять мѣры къ отвращенію сего несчастія. По разныхъ

Раймундъ дю Пюи

о томъ совѣтованіяхъ, дворъ нашелъ возстановленіе стѣнъ Берсабеи, или Вирсавеи, единственнымъ надежнымъ средствомъ къ доставленію съ сей стороны безопасности Государству. Сія крѣпость, принадлежавшая древле къ колѣну Симеонову, не подалеку была отъ горъ Сеирскихъ, раздѣляющихъ обѣтованную землю отъ каменистой Аравіи, и отстояла отъ Аскалона только въ шести миляхъ. Положено было, по укрѣпленіи ея, содержать въ ней достаточный гарнизонъ, для удержанія набѣговъ отъ Арановъ и жителей Аскалонскихъ. Работы были начаты со всевозможною ревностію, и скоро приведены къ окончанію. Защищеніе крѣпости поручила Мелизинда Іоанновскимъ братьямъ, и чрезъ то доставила всей области безопасное убѣжище и защиту, къ пользѣ всего Государства, которое почти запер-

то было, и какъ бы въ блокадѣ держано отъ Туркомановъ, жителей пустой Аравіи. Раймундъ дю. Пюи

Іоанновскіе рыцари, и также рыцари храма, великодушными своими предпріятіями, ревностію, храбростію и мужественными подвигами пріобрѣли удивленіе и почтеніе отъ всего Христіянства; и уваженіе къ нимъ было тѣмъ болѣе, что сохраненіе св. земли почиталось тогда весьма важнымъ предметомъ. Взоры всѣхъ, и самыхъ отдаленнѣйшихъ народовъ, устремлены были на судьбу сей страны. Отъ знаменитѣйшаго дворянства, отъ самаго престола до послѣдняго класса людей, всѣ занимались жребіемъ ея. Славнѣйшимъ подвигомъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ успокоенію своея совѣсти было защищеніе обѣтованной земли. Изъ сего понятно будетъ, отъ чего сіи рыцари пріобрѣли та-

Раймундъ дю Пюи

кую важность, что каждый Государь, каждый зажиточный частный человѣкъ охотно жертвовалъ своимъ имуществомъ къ подкрѣпленію ихъ предпріятій и къ умноженію ихъ сокровищъ. — Въ сіе время мудрено было видѣть какое либо завѣщаніе, или духовную, въ которой бы не было завѣщано чего нибудь рыцарскимъ орденамъ. Многіе Государи желали даже по смерти своей погребены быть въ одеждѣ того, или другаго ордена. Сей фанатической духъ набожности до того тогда распространился, что самые Главы цѣлыхъ Государствъ оставляли свои престолы и присоединялись къ знаменамъ орденскихъ рыцарей; другіе по смерти своей ихъ дѣлали наслѣдниками своихъ Государствъ.

Достопамятнымъ примѣромъ сего служитъ духовная Алфонса I, Короля Наваррскаго и Аррагонскаго,

присвоявшаго себѣ титулъ Императора Испанскаго. Сей Государь, почитавшійся величайшимъ полководцемъ своего времени, и одержавшій двадцать девять побѣдъ на войнѣ противъ Мавровъ, при концѣ своей жизни, въ 1131 году, будучи бездѣтенъ, отказалъ въ духовной своей наслѣдство короны Аррагонской и Наваррской обоимъ военнымъ орденамъ, вмѣстѣ съ канониками, или рыцарями гроба Господня. Главное намѣреніе его при семъ безъ сомнѣнія было то, чтобы воинскую дѣятельность орденскихъ рыцарей обратить къ исполненію своихъ плановъ въ разсужденіи Сарацинъ и Мавровъ. Предъ кончиною своею онъ подтвердилъ духовную вторично; и собранные чины обоихъ Королевствъ, въ угодность своему Государю, подписали завѣщаніе, котораго исполнять никогда не думали.

Раймундъ дю Пюи

Раймундъ дю. Пюи

Алфонсъ, не знавшій никакихъ опасностей, собралъ еще остатокъ своихъ войскъ и съ слабою силою пошелъ противъ варварскихъ народовъ. Арміи сошлись у Фраги. Алфонсъ началъ сраженіе яростнымъ нападеніемъ, которое лишило его послѣднихъ силъ и подвергло превосходству непріятеля. По ужасномъ кровопролитіи съ обѣихъ сторонъ, армія Королевская была разбита, и самъ Король пропалъ на сраженіи. Тщетно искали тѣла его между мертвыми: либо непріятель зарылъ оное, либо такъ оное изувѣчилъ, что не можно было его узнать. Сколь ни вѣроятна сія догадка: но простой народъ, обожавшій сего Государя, и любящій вѣрить невѣроятному, не хотѣлъ увѣриться, чтобъ Алфонсъ погибъ въ сраженіи; а утверждалъ, что грызеніе совѣсти о пролитіи столь многой Христіанской крови

заставило его уйти въ Палестину, дабы тамъ, у гроба Господня, оплакать согрѣшенія свои — и что, по краткой отлучкѣ, онъ паки возвратится въ свое королевство и приметъ кормило правленія.

Раймундъ дю Пюи

Такъ увѣрялъ себя простой народъ: но вельможи не дали себя обольстить пустою мечтою, и спѣшили чрезъ избраніе новаго Короля отвратить притязанія орденскихъ рыцарей. Изъ сего родился споръ между сими двумя народами, угрожавшій гибелью всему государству. Каждая нація хотѣла возвесть своего принца; и сей раздѣленный интересъ двухъ народовъ разорвалъ даже самый политическій узелъ, соединявшій ихъ 60 лѣтъ. Оба народа возвели на престолъ каждый своего Государя: Наварцы Дона Рамира, принца отъ крови древнѣйшихъ Королей; Аррагонцы брата великаго Алфонса, называвшагося также Рамиромъ.

Раймундъ дю Піи

Сей последній носилъ уже 40 лѣтъ монашескую одежду и отправлялъ разныя духовныя должности. при всемъ томъ онъ почелъ себя пріобрѣтшимъ довольно свѣдѣній въ управленіи Государственномъ и принялъ охотно поднесенное ему достоинство отъ народа. Папа разрѣшилъ его отъ духовныхъ его обѣтовъ, и онъ женился на Агнесѣ, дочери Вильгельма, Графа Антіохійскаго. Плодъ сего брака была также дочь, именемъ Петронилла. Вскорѣ потомъ Агнеса умерла, и съ смертію ея положеніе Короля перемѣнилось. Онъ возчувствовалъ ужасное грызеніе совѣсти, отъ котораго ничѣмъ не могъ освободиться; и такъ наконецъ рѣшился, оставя престолъ, для котораго увидѣлъ себя неспособнымъ, возвратиться въ мирныя стѣны своей кельи, въ которыхъ прежде наслаждался спокойствіемъ и удоволь-

ствіемъ. Онъ не замедлилъ исполненіемъ сего своего рѣшенія, и избравъ мужемъ своей дочери Дона Раймунда Беренгера, Графа Барцеллонскаго, возвратился въ мирное свое уединеніе и насладился лучшимъ жребіемъ.

Раймундъ дю Пюи

Между тѣмъ слухъ о неправильномъ завладѣніи престола обоихъ народовъ, въ обиду завѣщанныхъ наслѣдниковъ, достигъ въ Палестину. Патріархъ Іерусалимской, яко Настоятель канониковъ гроба Господня, и Магистры обоихъ Орденовъ, по многихъ совѣтахъ съ главнѣйшими чиновниками, рѣшились отправить посольство въ Испанію, съ предъявленіемъ права Орденскихъ братьевъ на Королевской престолъ, дабы по крайней мѣрѣ получить приличную замѣну за сію потерю.

Раймундъ дю Пюи, съ нѣсколькими изъ старшихъ Іоанновскихъ братьевъ, назначенъ былъ въ сіе

Раймундъ дю Пюи

посольство, къ которымъ рыцари храма, и также Патріархъ Іерусалимской, прибавили еще отъ себя депутатовъ. Прибывъ въ Испанію, послы начали свою негоціацію со всѣмъ жаромъ, какого обстоятельства требовали: но они встрѣтили такія непреодолимыя трудности, что во-все отчаялись въ успѣхѣ своего дѣла, и конечно бы оставили совсѣмъ оное, естьлибы льстивыя обѣщанія Испанцовъ не манили ихъ надеждою.

Какъ престолы обоихъ народовъ были заняты до прибытія еще пословъ: то и не было никакого вѣроятія, чтобы обладатели оныхъ захотѣли добровольно отъ нихъ отказаться и уступить ихъ чужеземцамъ. Но оба Короля всячески старались отвратить явный разрывъ съ Орденами; и для того избѣгали всякаго письменнаго опредѣлительнаго отвѣта, доволь-

ствуясь вмѣсто того удерживаніемъ пословъ чрезъ лестныя обнадеживанія и отсрочкою со дня на день исполненія оныхъ до того, что наконецъ завели ихъ въ такой лабиринтъ, изъ котораго не было уже выхода. Тогда Наварцы сняли съ себя личину и рѣшительно объявили, что Король не имѣлъ власти располагать короною своевольно, въ обиду природныхъ наслѣдниковъ престола, и въ нарушеніе правъ народа, по которымъ, въ случаѣ недостатка въ наслѣдникахъ, дозволялось замѣнить оный выборомъ. Такимъ неожиданнымъ объявленіемъ вдругъ изчезла вся надежда пословъ съ сей стороны: но Король Аррагонской поступилъ съ ними великодушнѣе и обѣщалъ созвать государственные чины, дабы требованіямъ рыцарей орденскихъ оказать по крайней мѣрѣ нѣкоторую справедливость.

Раймундъ дю-Пюи

Въ послѣдствіи обѣ стороны согласились, чтобы престолъ Аррагонской, естьли Петронилла и супругъ ея не оставятъ наслѣдниковъ, достался обоимъ военнымъ орденамъ и капитулу гроба Господня безпрекословно: до сего же времени позволялось имъ содержать нѣкоторое число кораблей во всѣхъ гаваняхъ, которыя впредь взяты будутъ у Мавровъ. Напротивъ того рыцари Ордена, какъ вазаллы Испанской короны, обязывались подкрѣплять духовное воинство сей земли въ сраженіяхъ противу сихъ невѣрныхъ. Сверьхъ того уступлены имъ разныя земли и замки, изъ коихъ послѣдніе могли вмѣщать большіе гарнизоны. Къ симъ землямъ придана еще была десятая часть доходовъ съ королевства и пятая изъ дани, получаемой съ Мавровъ. Сверьхъ того утверждено еще, чтобы Король Аррагонской

не вступалъ ни въ какой мирный договоръ съ невѣрными безъ включенія въ оный Патріарха Іерусалимскаго и обоихъ рыцарскихъ орденовъ. Раймундъ дю Пюи

Сей трактатъ подписанъ былъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1141 года, и утвержденъ папою Адріаномъ IV и Королемъ Іерусалимскимъ.

Такимъ образомъ Раймундъ дю Пюи, кончивъ дѣло благополучно, возвратился съ спутниками своими въ Палестину. Онъ принятъ былъ отъ собратій своихъ съ восторгомъ, какого заслуживали истинныя его достоинства. Бромптонъ и Роджеръ Говедонъ, два Англинскіе историка того столѣтія, называютъ его съ сего времени *Великимъ Магистромъ*, подъ каковымъ именемъ и мы также его и преемниковъ его описывать будемъ.

Около сего времени храбрый Фулкесъ скончался, и съ смертію

Раймундъ дю Пюи

его государство поверглось въ новыя неспокойствія. Онъ оставилъ двухъ малолѣтныхъ сыновей, которымъ ввѣрить правленіе было еще невозможно; и потому произошли обыкновенныя несогласія междуцарствія. Мелизинда управляла королевствомъ до того времени, пока старшій ея сынъ коронованъ былъ Королемъ подъ именемъ *Балдуина III*.

Но до вступленія его въ правленіе, Христіяне потеряли Графство Эдессу, извѣстное тогда подъ именемъ *Руги*, или *Рогаиса*. Ослабленная расточительностію и изнѣженностію распутнаго своего обладателя сія провинція, не могши противиться предпріимчивому духу Султана Омадеддина Зенги, впала въ руки Туркомановъ.

Паденіе ея было какъ бы предвѣстіемъ новой непрестанной бури, сильно потрясшей престолъ Іеру-

салимской, и погребшей его нако- Раймундъ дю Пюи
нецъ подъ собственными его развалинами. Прежнихъ подпоръ его силы, тѣхъ храбрыхъ Героевъ, которые исторгли святый гробъ изъ рукъ Магометанскихъ и воздвигли паки царство Іерусалимское, уже не было. Преемники ихъ, упоенные разслабляющею Азіатскою роскошью, провождали жизнь въ непрестанномъ распутствѣ, которое, среди грозящихъ опасностей, отняло у нихъ все мужество и твердость духа. Младый Балдуинъ и оба рыцарскіе Ордена были единственные столпы, поддерживавшіе Государство. — Въ нихъ горѣлъ еще тотъ прежній воинственный огнь, который извелъ предковъ ихъ изъ мирныхъ хижинъ ихъ въ поле сраженія. Но силы ихъ не могли равняться съ превосходнымъ могуществомъ непріятелей, которые со всѣхъ сторонъ угрожали Іеру-

Раймундъ дю Пюи

салиму. Дабы разсѣять сію силу съ надежнымъ успѣхомъ, требовалось знатнаго подкрѣпленія. Но откуда было ожидать онаго, какъ не отъ усердія къ вѣрѣ Европейцовъ? И такъ принято было намѣреніе побудить Европу къ новому крестовому походу. На сей конецъ отправили Епископа Завулонскаго во Францію, гдѣ первый крестовый походъ былъ предпринятъ, и гдѣ удобнѣе надѣялись побудить и ко второму.

Судьба, казалось, благопріятствовала сему предпріятію. На престолѣ Французскомъ сидѣлъ тогда Людовикъ VII. Мучительное грызеніе совѣсти, по причинѣ многаго пролитія крови своихъ подданныхъ, дѣлало для него Королевское время несноснымъ и побуждало его сложить съ себя оное на нѣкоторое время, дабы въ шумѣ сраженій въ Азіи, и въ крови не-

вѣрныхъ утушить пламя палящей совѣсти; и какъ скоро представился къ тому сей случай, то Людовикъ не мѣшкалъ возпользоваться онымъ. Раймундъ дю Пюи

Онъ извѣстилъ о намѣреніи своемъ Папу Евгенія III. и для успѣшнѣйшаго исполненія онаго, просилъ его, чтобы онъ, по примѣру Урбана II. велѣлъ проповѣдовать крестовый походъ во всѣхъ земляхъ Христіянскихъ. Папа, осыпавъ похвалами благочестивое намѣреніе Людовика, разослалъ всюду о томъ грамоты свои, и особенно поручилъ св. Бернарду, оракулу того времени, проповѣдовать о семъ во Франціи и Германіи: самъ же раздавалъ полныя индулгенціи всѣмъ тѣмъ, которые обязались итти въ сей походъ. Покойный Г. Болтинъ, въ примѣчаніяхъ своихъ на Леклерка; между прочимъ описалъ довольно сіи индулгенціи, какого ча-

Раймундъ дю Пюи

что были онѣ страннаго и удивительнаго рода.

Разсказываютъ, что св. Бернардъ при проповѣди своей употребилъ и искусство, или чудодѣйственную силу. Увидя хромаго мальчика, онъ, въ присутствіи Императора, сдѣлавъ надъ нимъ знакъ крестный, поднялъ его на ноги, и при всемъ собраніи велѣлъ быть здраву и ходить: и хромый сдѣлался здравъ. Тогда Бернардъ, обратясь къ Императору Конраду, сказалъ ему: „что сіе знаменіе было „для него, дабы онъ не сомнѣвался, „что Богъ пребудетъ съ нимъ, и „что сіе предпріятіе угодно Богу.„

Послѣ сего множество знатныхъ дворянъ во Франціи и Германіи, почитая св. Бернарда за новаго Моисея, который знаменіями и чудесами многими хочетъ ввести ихъ въ обѣтованную землю, устремились къ сему походу съ

Раймундъ дю Пюи

такимъ ревнiемъ, что Конрадъ и Людовикъ собрали каждый до 70000 войска, не считая конницы; и усердiе ко св. землѣ распространилось до того, что естьли кто изъ способныхъ къ оружiю отрекался отъ сего похода: то крестовые герои посылали къ тому пряслицу* и веретѣно, какъ недостойному почитаться мущиною. Напротивъ того самыя женщины явились новыми Амазонками, вооруженными, и на коняхъ, и составили цѣлые эскадроны, коихъ главою была сама Королева Французская Элеонора. Фанатической духъ сего вѣка былъ таковъ, что одно убiйство надлежало заглушать другимъ, и кровь Христiянская, пролитая въ Европѣ, долженствовала омыта быть кровiю варваровъ въ Азiи.

Появленiе западнаго войска паки возродило бодрость въ Христiянахъ Iерусалимскихъ. Думали уже,

Раймундъ дю Пюи

что враги вѣры совершенно испровержены будутъ, и они насладятся толь давно желаннымъ счастливымъ миромъ. Но чѣмъ знатнѣе была сія незапно полученная помощь, чѣмъ болѣе величались и гордились ею: тѣмъ болѣзненнѣе было несчастное слѣдствіе сего предпріятія; тѣмъ уничижительнѣе была неудача западныхъ Государей. Они прибыли съ грозною надменностію, съ смѣлыми надеждами: но возвратились съ смиреннымъ стыдомъ и скорбнымъ раскаяніемъ. Невѣрный жребій усмирилъ ихъ гордость и испровергъ властолюбивые замыслы. Вѣроломство боязливыхъ Грековъ, которые отравляли даже колодцы, и поднимали цѣну на хлѣбъ до чрезвычайной дороговизны; незнаніе дорогъ, подкупленные проводники предали ихъ въ руки непріятелей. Тысячи погибли: прочіе, избѣгнувшіе смерти, должны

Раймундъ дю Нюи

были купить жизнь свою постыднымъ и отчаяннымъ бѣгствомъ. Естьли вѣрить историкамъ, то въ семъ несчастномъ походѣ погибло не менѣе двухъ сотъ тысячь Христіянъ; и гордые ихъ полководцы, по неописанныхъ трудахъ, не взявъ ни одного города у невѣрныхъ, съ бѣднымъ остаткомъ изнуренныхъ войскъ, возвратились въ отечество безъ трофеевъ и безъ тріумфовъ: а Палестина осталась также несчастною, какъ и прежде.

Всеобщее уныніе послужило къ ободренію непріятелей. Съ большими силами вторгнулись они во владѣнія Христіянъ, и гордясь своимъ превосходствомъ, приближались въ неисчетномъ множествѣ къ стѣнамъ Іерусалимскимъ, и угрожали святому граду неизбѣжною гибелью. Отважный духъ Балдуина и сильное подкрѣпленіе отъ рыцарскихъ орденовъ были единствен-

Раймундъ дю Пюи

ные столпы престола и защитники Государства. Съ безпримѣрною храбростію бросились они на ворвавшихся непріятелей, и кровію своею купили себѣ еще краткое и томное пребываніе, которое наконецъ долженствовало подвергнуться общей участи вещей временныхъ.

Дабы привесть Государство съ южной стороны въ безопасность отъ нападенія Египтянъ, Балдуинъ приказалъ починить стѣны древней Газы, и препоручилъ правленіе оной ордену Храма. Сіи мужественные воины построили здѣсь крѣпость, и удерживали набѣги Аскалонскаго гарнизона, который издавна раззорялъ окрестныя мѣста.

1148. Между тѣмъ Антіохія пришла въ крайнюю опасность. Нораддинъ съ многочисленною силою вошелъ въ сіе княжество и разбилъ Графа

Раймунда, выступившаго противЪ него сЪ слабыми силами. НорадинЪ обратилЪ ихЪ вЪ бѣгство, убилЪ самаго Раймунда, и завоевалЪ нѣкоторыя мѣстечки. РаймундЪ дю Пюи

СЪ другой стороны СултанЪ Иконійской напалЪ на Эдессу; и слабый владѣтель оныя, молодой Куртеней, взятЪ былЪ вЪ плѣнЪ и вскорѣ потомЪ умерЪ вЪ оковахЪ сего варвара. Все бѣжало отЪ него; и почти всѣ Христіяне, видя себя безЪ защиты, оставляли отечество и домы свои, дабы не подвергнуться тиранскому игу. БалдуинЪ сЪ дворянствомЪ и сЪ обоими рыцарскими орденами выступилЪ вЪ поле, чтобЪ по крайней мѣрѣ закрыть бѣгство ХристіянЪ. ВсѣхЪ искавшихЪ у него спасенія принималЪ онЪ подЪ свою защиту; и умножа ими свои войски, пошелЪ сЪ симЪ ополченіемЪ кЪ Антіохіи. НораддинЪ не хотѣлЪ уступить деше-

Раймундъ дю Пюи

во свою добычу и поспѣшилъ съ конницею ему на встрѣчу. Онъ преслѣдовалъ армію съ боку, и со всѣхъ сторонъ ее безпокоилъ. Но откуда ни хотѣлъ произвесть нападеніе, всегда находилъ или Балдуина, или Графа Трипольскаго, съ Іоанновскими братьями, или рыцарями Храма, уничтожавшихъ всѣ его замыслы: и Король съ войскомъ своимъ благополучно пришелъ въ Антіохію.

Между тѣмъ, какъ онъ сопротивлялся непріятелю съ сей стороны, съ другой былъ онъ въ опасности потерять свою столицу. Два владѣльца изъ народа Туркоманскаго, пользуясь его отсутствіемъ, хотѣли завоевать Палестину, изъ которой предки ихъ выгнаны были Христіянами. Съ многочисленною арміею пошли они чрезъ Дамаскъ въ Христіянскія области, и ко всеобщему ужасу

Христіянѣ расположились станомѣ на западной сторонѣ горы Масличной, или Элеонской, предѣ святымѣ градомѣ. Непріятели надѣялись вѣ слѣдующійже день безѣ дальняго труда овладѣть Іерусалимомѣ, вѣ которомѣ, знали они, что Король не оставилѣ гарнизона. Но самонадежность ихѣ послужила кѣ собственной ихѣ погибели. Жители Іерусалимскіе, освободясь отѣ перваго ужаса, ободрились и принялись за оружіе. Соединясь сѣ остаткомѣ Іоанновскихѣ рыцарей и рыцарей Храма, рѣшились они нечаянно напасть на непріятеля, который по малому числу ихѣ заключалѣ, что они развѣ только вѣ стѣнахѣ противиться могутѣ. Вѣ семѣ намѣреніи жители, при темнотѣ ночной, вышли изѣ города, напали на непріятелей спавшихѣ крѣпкимѣ сномѣ, зажгли ихѣ палатки, и распространили повсюду смерть и

Раймундѣ дю Пюи

Раймундъ дю Пюи

ужасъ. Осаждавшіе сами искали спасенія въ скоромъ бѣгствѣ, и при Іерихонѣ попались въ руки самому Королю, который поспѣшалъ уже на помощь своей столицѣ. Пять тысячь было убито: прочіе разсѣяны.

Въ отмщеніе за сіе дерзкое покушеніе противъ столицы, Балдуинъ вознамѣрился опустошить страну Аскалонскую; и въ сопровожденіи великихъ Магистровъ обоихъ орденовъ и знатнѣйшихъ чиновъ королевства, выступилъ съ своею арміею, опустошилъ всю страну, и приближась наконецъ къ самому городу, осадилъ оный. Онъ пригласилъ все дворянство своего королевства подкрѣпить его предпріятіе и всѣ стремились отвсюду къ нему на помощь. Самые пилигримы, едва только оставившіе корабли свои, усталые отъ долговременнаго пути; даже старики, за-

веденные въ Палестину во время первато еще крестоваго похода, всѣ собрались подъ знамена его участвовать въ семъ предпріятіи. Раймундъ діо Пюи

Балдуинъ съ счастливымъ присутствіемъ духа соединялъ чрезвычайную храбрость, и показывая во всемъ примѣръ собою, тѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ на сердца. Предпріятіе сіе продолжалось медлительно; осада была жестокая и упорная: но съ другой стороны и сопротивленіе было равно сильно и убійственно. Счастіе осаждающихъ возходило часто на верьхъ надежды, и склонялось опять къ сторонѣ осаждаемыхъ. Наконецъ, по прошествіи пяти трудныхъ мѣсяцовъ, преклонилось оно на сторону первыхъ. — Многочисленный Египетскій флотъ, состоявшій изъ 70 галеръ, съ съѣстными припасами, оружіемъ и свѣжими войсками, показался на высотѣ Аскалона,

Раймундъ дю Пюи

и безъ всякаго сопротивленія со стороны Христіянскаго Адмирала, имѣвшаго только пятнатцать галеръ, ввелъ сію помощь въ крѣпость. Она принята была съ радостными криками отъ гарнизона и жителей, которые со стѣнъ и башенъ съ насмѣшкою кричали и спрашивали Христіянъ: „скоро ли „они думаютъ возвратиться въ Іе„русалимъ? и какова дорога имъ по„кажется?„ Вся надежда осаждающихъ казалась совершенно была уничтожена, и нѣкоторые готовились уже къ отступленію: но Великій Магистръ Іоанновскихъ рыцарей, подкрѣпленный Патріархомъ Іерусалимскимъ и многими другими знатнѣйшими чинами, возпротивился робкому сему намѣренію. По многихъ совѣтованіяхъ Балдуинъ самъ принялъ ихъ мнѣніе; и собравъ всѣ силы, учинилъ приступъ и ворвался въ городъ.

Но счастіе ослѣпило побѣдителей; и въ самую ту минуту, какъ они почитали уже себя увѣренными въ своей побѣдѣ, рыцари храма, которые первые взошли на стѣны, польстясь на добычу, бросились въ богатѣйшіе домы Сарацинъ и вдались въ грабежъ. Между тѣмъ побѣжденные, улуча время оправиться, съ яростію напали сами на разсѣянныхъ завоевателей, обратили ихъ въ бѣгство, и снова укрѣпили городъ.

Раймундъ дю Гюй

Король возкипѣлъ гнѣвомъ узнавъ о недостойномъ поступкѣ рыцарей храма, и клялся всѣмъ, что есть свято, что не отойдетъ отъ стѣнъ города, пока не увидитъ его въ своихъ рукахъ. Гнѣвъ Монарха и собственные упреки совѣсти одушевили рыцарей храма новымъ рвеніемъ; они рѣшились омыть стыдъ свой въ крови непріятелей. Жители же Аскалона, обо-

Раймундъ дю Пюи

дренные своею удачею, равномѣрно съ новымъ мужествомъ напрягли всѣ свои силы. Присоединясь къ Египетскому гарнизону, сдѣлали они вылазку, напали съ яростію на осаждающихъ, разрушили ихъ укрѣпленія, разорвали палатки, и прошли до самаго намета королевскаго. Сей Государь, окруженный своимъ дворянствомъ, сражался съ непоколебимою храбростію, и чрезъ то доставилъ время войскамъ своимъ оправиться отъ смятенія, въ которое они приведены были чрезъ сіе нападеніе. Рыцари Храма, оживленные усердіемъ къ своей чести, съ яростію ударили на непріятеля; Іоанновскіе же, также не хотя быть ими превзойдены, вдавались неустрашимо во всѣ опасности: но съ не меньшею храбростію сражались и Египтяне. Побѣда долго оставалась нерѣшимою; сраженіе продолжалось

Раймундъ дю Пюи

съ утра до вечера: наконецъ Египтяне стали уступать и принуждены были бѣжать въ свою крѣпость. Чрезъ сію несчастную вылазку жители лишились всей бодрости, такъ что начали просить перемирія, подъ видомъ, будто имѣли нужду въ очисткѣ домовъ своихъ отъ тѣлъ убитыхъ; но въ самомъ дѣлѣ, чтобъ выиграть время къ отдыху и укрѣпленію, или найти случай достать отъ непріятеля выгодную капитуляцію. Христіяне не оставили возпользоваться симъ благопріятнымъ случаемъ; и наконецъ, по многихъ препятствіяхъ и затрудненіяхъ, увидѣли себя обладателями такого мѣста, которое паки открыло имъ немалую надежду къ будущему спокойствію.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ завоеванія Іерусалима, сіе послѣднее было важнѣйшее и полезнѣйшее изъ всѣхъ,

Раймундъ дю Пюи

какія только имъ доставляло ихъ оружіе и счастіе.

Извѣстіе о сей неожиданной побѣдѣ привело западныхъ Христіянъ въ радостный восторгъ, и умножило почтеніе къ новымъ заслугамъ храбраго Раймунда, который былъ главною причиною сего происшествія. Сіе всеобщее почтеніе принесло Іоанновскимъ рыцарямъ новыя выгоды, и побудило Папу Анастасія IV. подтвердить и нарочито умножить многочисленныя ихъ привиллегіи: къ числу коихъ принадлежитъ и то, что онъ позволилъ рыцарямъ во всѣхъ ихъ владѣніяхъ и земляхъ строить церкви и кладбища, и умершихъ братьевъ своихъ погребать на нихъ со всѣми церковными обрядами, не смотря ни на какія запрещенія, отъ кого бы оныя ни происходили. Еще позволилъ онъ имъ, разъ въ году, отправлять безпрепятственно богослуженіе въ

прочихъ запрещенныхъ церквахъ, въ случаѣ естьли нѣкоторые изъ членовъ ихъ по дѣламъ, порученнымъ отъ ихъ начальниковъ, должны будутъ посѣщать тѣ мѣста, гдѣ храмы Божіи заперты подобными запрещеніями. Хотя большая часть правъ и привиллегій, данныхъ Анастасіемъ Іоанновскимъ братьямъ, въ присланной къ Раймунду буллѣ, были только подтвержденія старыхъ, предками его дарованныхъ преимуществъ: но они произвели зависть въ Латинскихъ Епископахъ и Патріархѣ Іерусалимскомъ; ибо они уменьшали ихъ власть и доходы. И такъ орденъ замѣшанъ сталъ чрезъ то во вражду съ ними.

Раймундъ дю Пюи

Изъ всѣхъ церковныхъ наказаній, какія Папы и Епископы употребляли противъ грѣшниковъ, всего чаще было отлученіе отъ церкви; особливо оное употреблялось про-

Раймундъ дю-Пюи

тивъ Государей, которыми Папы были недовольны. Тогда отлученіе сіе падало и на невинныхъ ихъ подданныхъ. Обрядъ, при семъ употребляемый, былъ самый печальный и страшный. Съ олтарей сымалися священные покровы; кресты, мощи, образа вынимались изъ мѣстъ своихъ, и полагаемы были на-земь; и въ знакъ сѣтованія, закрывались. Колокольный звонъ запрещался; и самые колокола снимались прочь. Изъ таинъ церковныхъ дозволялось только крещеніе новорожденнымъ младенцамъ, и исповѣдь и причащеніе умирающимъ. Служба въ церквахъ отправлялась токмо при запертыхъ дверяхъ. Мясо ѣсть запрещалось какъ и въ постъ, и даже запрещаемо было бриться, чесаться и кланяться встрѣчаясь другъ съ другомъ: что все часто побуждало подданныхъ къ возмущеніямъ противъ собствен-

ныхъ своихъ Государей, отлученныхъ Папами. И такъ неудивительно, что Патріархъ съ Епископами недовольны были тѣмъ, что Іоанновскіе рыцари изъяты были изъ той ихъ власти, которой сами Государи были подвержены. Раймундъ дю Пюи

Духовенство, не могши убѣдить рыцарей отказаться отъ сихъ толь важныхъ преимуществъ и правъ, обратилось наконецъ прямо къ Папскому престолу, и съ обѣихъ сторонъ посланы были депутаты съ жалобами: но сидѣвшій тогда на Папскомъ престолѣ Адріанъ IV. пребылъ твердымъ въ прежнемъ рѣшеніи; и духовенство чрезъ сей послѣдній шагъ выиграло только то, что ему даны были пустыя обѣщанія, которыя никогда не исполнились.

Новые дары изъ рукъ знатнѣйшихъ Государей Европейскихъ богато наградили орденъ за сіе пре-

терпѣнное оскорбленіе; и симъ щедрымъ подаркамъ не будутъ слишкомъ удивляться, когда помыслятъ, къ какой достохвальной цѣли члены ордена обращали сіе стекающееся къ нимъ богатство.

Сіи люди, на открытомъ полѣ съ геройскою храбростію сражавшіеся, возвратясь въ свои кельи, являлись со всѣмъ иными людьми. Сложивъ съ себя кровавое оружіе, и надѣвъ смиренную орденскую одежду, предавались они всѣмъ тѣмъ миролюбнымъ упражненіямъ, къ которымъ законы ихъ учрежденія ихъ призывали. Одинъ ходилъ за больными, другой угощалъ странниковъ, третій чистилъ ихъ оружіе; повсюду царствовалъ духъ дѣятельности и спокойствія, повсюду благоговѣйная тишина; на каждомъ лицѣ изображалась нѣкая глубокомысленная важность, означавшая благородное занятіе духа.

Раймундъ дю Пюи

„Сіи достойные мужи, „говоритъ св. Бернардъ, „живутъ въ пріятномъ сообществѣ, но уединенно „и воздержно; безъ женъ, безъ дѣтей, не имѣя ничего собственнаго, ниже собственной воли; свободны отъ всѣхъ заботъ, отравляющихъ сладостное наслажденіе жизнію другихъ смертныхъ. „Никогда не найдешь ихъ въ праздности, или разсѣяніи. Возвратясь съ сраженія, занимаются „они или исправленіемъ своего оружія, или исполненіемъ благотворныхъ должностей, или священными размышленіями. Никогда непристойное слово, или неумѣренный смѣхъ не прерываютъ всеобщей тишины, царствующей въ „стѣнахъ сихъ. Малѣйшій шумъ „наказывается строжайшимъ выговоромъ. Они гнушаются разорительными играми; не позволяютъ себѣ дикихъ забавъ звѣ-

Раймундъ дю Пюи

,,риной ловли, не расточаютъ времени на пустыя посѣщенія; театры, актерскія кривлянья и буйныя пѣсни смертельно ненавидятъ. Покоятся мало, одѣваются просто, ходятъ съ загорѣвшимъ лицемъ и съ простымъ, но важнымъ, видомъ. Когда ржаніе коня возвѣщаетъ имъ о близкомъ сраженіи: тогда они, вооружа сердце вѣрою, руку мечемъ, и не обезображивая излишними украшеніями благородной простоты своей одежды, и ниже конскаго прибора, идутъ безстрашно противу враговъ Христіянства; единственный нарядъ ихъ оружіе, которое употребляютъ съ неустрашимою храбростію въ самыхъ чрезвычайныхъ опасностяхъ; при коихъ не боятся ни числа, ни силы непріятелей. Все упованіе возлагаютъ на Господа Силъ; и поборая по правдѣ, въ шумѣ сраженія ищутъ они или

„вѣрной побѣды, или славной смер- „ти.„ Раймундъ дю Пюи

Сіе краткое, но сильное начертаніе предлагаетъ намъ строгій судія и очевидецъ тогдашняго состоянія Ордена Іоанновскаго св. Бернардъ. И мы тѣмъ менѣе можемъ почесть сіе заодну льстивую похвалу, что исторія представляетъ намъ многія доказательства истинныхъ достоинствъ сихъ рыцарей.

Величественный ихъ примѣръ, блескъ ихъ подвиговъ, и слава ихъ добродѣтелей возбудили благородное соревнованіе между знатнѣйшимъ дворянствомъ въ Испаніи.

Извѣстно, что въ восьмомъ вѣкѣ Мавры отняли у Гоѳовъ самую большую часть Испаніи. Малый остатокъ Христіянъ, изъ сего народа, ушелъ въ Астурійскія горы, гдѣ собравшись подъ знаменами Пелага, выступилъ для защищенія

Раймундъ дю Пюи

свободы своея вѣры. Счастіе благопріятствовало Пелагу. Онъ положилъ первое основаніе къ малому государственному правительству, которое со временемъ возрасло въ большое государственное тѣло. Преемники храбраго Пелага, слѣдуя его путемъ, равно имѣли успѣхи. Они отняли у Мавровъ многія провинціи и учредили новыя царства. Сіе-то есть собственно происхожденіе Королевствъ Леонскаго, Кастильскаго, Наварскаго, Аррагонскаго, Португаліи, Валенціи, и проч. Мавры съ своей стороны раздѣлили между собою свои завоеванія; и Короли Толедской, Кордовской, Мурційской и Гренадской находились подъ властію ихъ. Продолжительныя пагубныя войны, нѣсколько столѣтій веденныя Испанскимъ престоломъ съ сими послѣдними, возбудили наконецъ рѣшимость въ разныхъ дворянахъ Ко-

ролевства учредить, по примѣру Іоанновскихъ и Храмовыхъ рыцарей, военные ордены къ защищенію вѣры и Государства. Раймундъ дю Пюи

Донъ Санхо, третій Король Кастильской, отнявъ у Мавровъ городъ Калатраву, крѣпость смежную съ королевствами Кастильскимъ и Толедскимъ, отдалъ оный Храмовымъ рыцарямъ: но сіи рыцари, услыша, что Мавританскіе Короли съ великими силами идутъ осадить сей городъ, и будучи весьма малочисленны для защищенія онаго, отдали его обратно Королю.

Санхо, не въ состояніи бывъ доставить туда достаточный гарнизонъ, имѣя нужду въ войскахъ для защищенія королевства своего Кастиліи, которому равно угрожали Мавры, объявилъ, что естьли сыщется такой смѣлый и сильный воинъ, который бы снялъ на себя защиту Калатравы, то онъ отдастъ

Раймундъ дю Пюи

ему во владѣніе сей городъ. Но страшная сила Мавровъ сдѣлала всѣхъ вельможъ робкими, и никто не вызывался на сіе предпріятіе. Король отчаялся уже сохранить сей городъ, какъ одинъ монахъ въ Наваррѣ, Діего Веласкесъ, служившій прежде на войнахъ со славою, предложилъ Аббату своему Дону Раймунду принять на себя защиту сего города своими людьми и своимъ иждивеніемъ. Король принялъ предложеніе ихъ, и Аббатъ съ симъ монахомъ привели изъ Наварры до дватцати тысячь набранныхъ ими Наварцовъ и Французовъ, къ которымъ присоединились послѣ многіе Кастильскіе дворяне, и съ оными удержали Калатраву противъ Мавровъ. — Такъ нынѣ Кардиналъ Руфо представилъ въ себѣ своему Королю защитника, какого сей Государь не нашелъ въ своихъ Генералахъ и офицерахъ.

Сей рѣшимости монаха обязанъ бытіемъ своимъ Орденъ Калатрава. Дворяне Наварскіе и Кастильскіе, находясь въ Калатравѣ для обороны сего города, составили изъ себя военный орденъ сего имени въ 1158 году. Первое его начало, такъ какъ и всѣ новыя заведенія, обратило на себя удивленіе того столѣтія. Онъ соединялъ въ себѣ, въ пристойной мѣрѣ, благородныя качества обоихъ своихъ предшественниковъ, ордена Іоанновскихъ и ордена Храмовыхъ рыцарей; и естьли сіи заслуживаютъ славу, какъ виновники его происхожденія, то и орденъ Калатравской не менѣе заслужилъ оную счастливымъ своимъ подражаніемъ. Раймундъ дю Пюи

Подобная причина въ 1175 году произвела въ Испаніи другой военный орденъ *Мега св. Іакова*, и въ 1212 орденъ *Алкантары*. Сіи при Испанскіе ордена различались цвѣ-

Раймундъ дю Пюи

тами крестовъ своихъ: но всѣ имѣли лиліи, можетъ быть въ честь Французовъ, которые всегда участвовали во всѣхъ войнахъ противъ невѣрныхъ.

Но счастливая эпоха всѣхъ такихъ славныхъ учрежденій продолжалась всегда едва одно столѣтіе. Первобытная прелесть оныхъ мало по малу изчезала, и истинный предметъ терялся всегда подъ кичливою пышностію. Суетный Героизмъ возторжествовалъ наконецъ надъ любовію къ вѣрѣ; честолюбіе и корыстолюбіе, гордость и глупое тщеславіе сдѣлались пружинами каждаго великаго предпріятія, успѣхъ коего давалъ только новую пищу симъ страстямъ. Мечь обращать стали только туда, гдѣ надѣялись мзды и наградъ; и такъ наконецъ затмили честь самаго учрежденія.

Ясный примѣръ сему подали около сего времени самые Іоанновскіе рыцари, отказавшіеся принять на себя защищеніе Панеи, пока Онфрой Торонъ, которому принадлежалъ сей городъ, не обязался раздѣлить съ ними владѣніе и доходы. Раймундъ дю Пюи

Панея, городъ Финикійской, называвшійся прежде Кесаріею Филиппійскою, лежалъ при подошвѣ горы Ливана и былъ пограничною крѣпостью къ Дамаску, провинціи страшнаго Нораддина: а по тому защищеніе ея было крайне важно; и Онфрой, не видя иной помощи, принужденъ былъ согласиться на требованія Іоанновскихъ рыцарей. Какъ скоро далъ онъ имъ въ томъ увѣреніе, то рыцари отправились изъ Іерусалима съ военными и съѣстными припасами: но тотчасъ наказаны были за свое корыстолюбіе, на которое промѣняли

они прежнія свои чувства братолюбія, благотворности и безкорыстнаго мужества. Нораддинъ, извѣстясь о ихъ походѣ, заградилъ всѣ дороги и окружилъ весь караванъ. Рыцари оборонялись храбро; но наконецъ должны были уступить превосходству силы и выгодному мѣстоположенію непріятеля. Они почти всѣ погибли; и Нораддинъ, пользуясь своею побѣдою, прошелъ къ самому городу. Сила и храбрость его чрезъ нѣсколько дней предали оный въ его руки. Жители ушли въ крѣпость, гдѣ надѣялись еще удержаться до прибытія Короля Іерусалимскаго, который скорыми шагами поспѣшалъ къ нимъ на помощь. Какъ скоро Нораддинъ узналъ о приближеніи Короля: то зажегши городъ, отступилъ въ такія мѣста, гдѣ не такъ легко было на него напасть. Король вступилъ въ городъ безъ сопроти-

вленія, поправилъ его, снабдилъ новыми войсками и съѣстными припасами, и пошелъ въ обратный путь. Но успѣхъ сего предпріятія сдѣлалъ его слишкомъ самонадежнымъ. Какъ онъ шелъ безъ осторожности: то Нораддинъ, выступя изъ своего убѣжища, напалъ на Короля при одномъ узкомъ переходѣ, и разсѣялъ войска его почти безъ сопротивленія. Самъ Король едва избѣгнулъ плѣна: большаяже часть чиновниковъ его попались въ полонъ. Рыцари Храма были при семъ случаѣ стольже несчастливы, какъ и Іоанновскіе при предшествовавшемъ нападеніи Нораддина; самый ихъ великій Магистръ Бертрандъ Бланшфортъ взятъ былъ въ плѣнъ.

Раймундъ дю Пюи

Вторичное завоеваніе Панеи было первымъ слѣдствіемъ сей побѣды. Но счастіе побѣдителей паки остановилось у крѣпости, куда гарни-

Раймундъ дю Пюи

зонъ и жители вторично удалились. Между тѣмъ, въ слѣдующій годъ, Нораддинъ предпринялъ осаду крѣпости Сюеты, или Светы, одного древняго города, служившаго также ключемъ къ провинціи Дамаской. Король Іерусалимской поспѣшилъ на помощь сей крѣпости, толико важной для Христіянъ. Нораддинъ пошелъ ему на встрѣчу, и въ долинѣ Путагѣ началось сраженіе между ними. Король, предводительствуя своимъ дворянствомъ, подкрѣпляемый обоими военными орденами, напалъ на неприятеля съ непреодолимою силою, и тотчасъ привелъ въ смятеніе переднія его войска. Потомъ напалъ на линіи Генерала Сиракона, состоявшія изъ старыхъ опытныхъ воиновъ; и тогда-то начался самый жестокой бой. На обѣихъ сторонахъ бились долго съ равнымъ упорствомъ: но Христіяне,

разъяренные столь неожиданнымъ и столь долгимъ сопротивленіемъ, и ободренные увѣщаніями мужественныхъ своихъ Полководцевъ, собравшись съ силами и устремившись съ новою яростію на непріятеля, принудили его наконецъ къ отступленію: однакожъ онъ отступилъ въ наилучшемъ порядкѣ. Но вдругъ явился тогда Король съ Графомъ Фландрскимъ и съ многочисленною конницею, которую сей Графъ ему привелъ въ подкрѣпленіе, прорвался въ линіи невѣрныхъ и обратилъ ихъ въ бѣгство совершенно. Шесть тысячь непріятелей легло на мѣстѣ и гораздо большее число было взято въ полонъ. Сею рѣшительною побѣдою Христіянство пріобрѣло то, чѣмъ давно уже не наслаждалось; а имянно: нѣкоторый отдыхъ, или краткой покой. Раймундъ дю Піон

1160. Около сего времени умерЪ достопочтенный великій МагистрЪ Ордена РаймундЪ дю Пюи. Обремененный глубокою восьмидесятилѣтнею старостію, покрытый ранами и увѣнчанный славою, сей храбрый поборникЪ ІисусовЪ, за нѣсколько уже лѣтЪ удалившійся вЪ мирное свое жилище, кончилЪ жизнь свою вЪ объятіяхЪ братьевЪ своихЪ такЪ спокойно и равнодушно, какЪ мужественно и славно ее препровождалЪ. Рыцари Іоанновскіе и всѣ Христіяне на востокѣ, свидѣтели его добродѣтелей, по тогдашнему обыкновенію, причли его кЪ лику блаженныхЪ; и онЪ принятЪ былЪ вЪ число святыхЪ.

ОжерЪ Балбенъ. ПреемникомЪ ему избранЪ былЪ ОжерЪ БалбенЪ, Французской дворянинЪ изЪ Провинціи Дофине — человѣкЪ, коего просвѣщенный разумЪ и истинное усердіе кЪ вѣрѣ оправдали довѣренность кЪ нему

Ожеръ Балбенъ

ордена, и коего вліяніе имѣло большую силу въ самыхъ политическихъ совѣщаніяхъ Короля. Едва провелъ онъ два года въ сей должности, какъ и въ толь краткое время отличился уже многими важными происшествіями.

Тогда произошло раздѣленіе западной церкви между Папою Александромъ III и Анти-папою Викторомъ III же. На соборѣ, собранномъ въ Назаретѣ, должны были рѣшить: котораго изъ нихъ признаетъ Палестина Папою. Голоса были раздѣлены; и Король, опасаясь раздоровъ, предложилъ не объявлять себя ни той ни другой стороны, а ожидать рѣшенія Церкви. Большая часть согласилась на сіе предложеніе: но Ожеръ Балбенъ и Архіепископъ Тирской возпротивились тому съ твердостію, признавъ Папою Александра III, яко законнаго обладателя св. престола, и объявя каж-

дое колеблющееся отлагательство, въ признаніи его, законопротивнымъ; ихъ ревность и убѣдительные доводы произвели то, что весь соборъ призналъ его за законнаго.

Другой примѣръ твердости и благоразумія своего сей достойный великій Магистръ Іоанновскихъ рыцарей оказалъ при другомъ раздѣленіи, угрожавшемъ самому государству величайшимъ бѣдствіемъ. Балдуинъ, храбрый, знаменитый Король, на 33 году подвигоположной своей жизни, отравленъ былъ ядомъ отъ одного жидовскаго, или Арапскаго врача, и умеръ бездѣтенъ. По узаконенію Готфрида Бульіонскаго престолъ принадлежалъ тогда по наслѣдству брату Бальдуинову Алмариху: но большая часть вельможъ, имѣвшихъ тайные умыслы на царское достоинство, объявили Іерусалимъ избирательнымъ государствомъ, утверждая,

Ожеръ Балбенъ

что даже и тѣ, которые донынѣ наслѣдовали престолъ, вступали на оный не по наслѣдству, а по личному ихъ достоинству. Многіе дворяне, обольщенные подозрѣніями, которыя внушили имъ противъ Алмариха, приняли ихъ сторону. Но между тѣмъ и сей Принцъ былъ не безъ сообщниковъ: духовенство и народъ были на его сторонѣ; и онъ, яко наслѣдникъ Яфы и Аскалона, и по сему самому могъ имѣть право на Іерусалимскую корону. Противная сторона раздѣлена была противоположными видами; каждый готовился подкрѣплять требованія свои оружіемъ, и оставалось испытать плачевныя слѣдствія междуусобной брани, угрожавшей всему Христіянству на востокѣ. По чему всѣ благомыслящіе съ радостію обратились на сторону почтеннаго Ожера Балбена, когда онъ раздѣлившимся вель-

можамъ представилъ опасность такого ихъ предпріятія. Почтенному сему старцу удалось наконецъ укротить строптивые умы, и Алмарихъ въ 1165 году 18 февраля былъ коронованъ въ церкви гроба Господня.

Престарѣлый великій Магистръ недолго жилъ послѣ сего счастливаго происшествія. Незапная смерть возпрепятствовала ему служить долѣе добродѣтелями своими братьямъ своимъ.

Арнольдъ Компсъ

Тогда главою ордена избранъ былъ *Арнольдъ Компсъ*, изъ одного знатнаго дому въ провинціи Дофине. Новыя нападенія Сарацинъ, вскорѣ по вступленіи его въ сіе достоинство, вызвали его въ поле и представили ему случай явить, что онъ столь же могъ равняться и въ достоинствахъ почтенному своему предшественнику, сколько былъ подобенъ ему лѣтами. Поводъ къ новой войнѣ былъ слѣдующій.

Когда Балдуинъ III. возстановилъ Газу и завоевалъ Асколонъ, то получилъ возможность нападать безпрестанно на Египетскія границы. Калифъ Элфеисъ, для обезпеченія своихъ владѣній, предложилъ ему платить дань. Но наслѣдникъ его Адгадъ, или лучше сказать Министръ его Саннаръ, который подъ именемъ Египетскаго Султана неограниченно владычествовалъ, вдругъ отказался платить оную; и чтобъ торжественно разорвать толь постыдный для народа его договоръ, выступилъ въ поле съ сильною арміею и опустошалъ предѣлы Іудеи.

Арнольдъ Компсъ

Алмарихъ, который, казалось, съ престоломъ брата своего наслѣдовалъ и храбрость его и присутствіе духа, возкипѣлъ мщеніемъ, и въ сопровожденіи своего дворянства и обоихъ орденовъ, спѣшилъ наказать вѣроломнаго данника.

Арнольдъ Компсъ

Объ стороны изготовлялись уже къ рѣшительному бою, какъ вдругъ новый военный подкопъ, взорвавшись внутри Египта, принудилъ Султана оставить здѣшній театръ войны и обратить оружіе свое въ ту страну. Легко бы можно было Королю Іерусалимскому возпользоваться симъ скорымъ удаленіемъ Султана: но духъ рѣшительности оставилъ его въ то самое время, когда онъ наиболѣе имѣлъ въ немъ нужду; и такимъ образомъ Палестина изъ сего благопріятнаго случая ничего болѣе не пріобрѣла, какъ только краткій отдыхъ отъ бурь военныхъ.

Для лучшаго разумѣнія повѣствуемаго происшествія и тѣхъ случаевъ, которые впредь приведены нами будутъ, должны мы нѣсколько отступить отъ нашей исторіи и возвратиться къ временамъ Магомета и первыхъ его преемниковъ.

По смерти Магометовой возстали многіе Князья изъ его племени, объявившіе себя, подъ титуломъ Калифовъ, законными наслѣдниками его престола и пророческаго сана; и чтобъ болѣе придать себѣ важности, каждый написалъ собственныя толкованія на Алкоранъ. Арнольдъ Компсъ

Абулаббасъ, проименованный Саффа, внукъ Магометовъ, или по крайней мѣрѣ отъ его крови происходившій, былъ торжественно признанъ Калифомъ, и далъ начало *Аббасинской* сектѣ, утвердившейся въ Багдатѣ. Тритцать семь сихъ Калифовъ слѣдовали непрерывно одинъ за другимъ, и были отъ всѣхъ Азіатскихъ магометанъ, особливо отъ Селгейсидскихъ Туркомановъ, признаваемы за законныхъ наслѣдниковъ Магомета.

Около 908 года по рождествѣ Христовѣ явилась въ Африкѣ дру-

Арнольдъ Компсъ

другая секта подъ названіемъ *Фатьминской*, отъ Алія сына Фатьмы, дочери Магометовой. Спустя 64 года Калифъ Моэзъ Динилла прошелъ въ Египетъ, покорилъ его своей власти и принудилъ жителей вообще признать ученіе Алія за единственно истинное, запретивъ наистрожайше вѣровать ученію Омара и Аббасинскихъ Калифовъ. Сіи послѣдніе, утвердившіе, какъ выше сказано, престолъ свой въ Багдатѣ, жили, со временъ первыхъ Калифовъ до помянутаго Адгада, въ непрестанной враждѣ съ Фатьминскою линіею.

Между тѣмъ достоинство Калифовъ сего дома затмилось совершенно смертію Моэза; и кормило правленія слабо держалось въ рукахъ изнѣженныхъ его потомковъ, которые всѣ государственныя дѣла оставляли въ рукахъ первыхъ своихъ Министровъ, назы-

вавшихся Султанами и господство- Арнольдъ Компсъ
вавшихъ въ государствѣ подъ ихъ именемъ. Мало по малу сіи Министры сдѣлались независимыми. Они всегда старались о томъ, чтобы Калифы рѣдко, или со всѣмъ никогда не просыпались изъ усыпляющей ихъ нѣги, затмѣвавшей умъ ихъ. Сіи тѣни Монарховъ, запершись въ своихъ сераляхъ, окруженные толпами дышущихъ сладострастіемъ женъ, до того предавались наслажденіямъ роскоши, что наконецъ потеряли понятіе о цѣли Царскаго сана; и Министры оставляли Государямъ своимъ едва слабый блескъ ихъ величества. Правда, что на монетахъ выбивали еще гербъ Калифовъ, и Калифъ первый упоминался въ народныхъ молитвахъ; Султаны ихъ отъ нихъ возводимы были въ сіе достоинство и получали знаки онаго также изъ рукъ сего мечтательнаго

Монарха: но сей пустой обрядъ одинъ только и былъ, который отличалъ особу Калифа отъ особы Султана. Но горе было бы имъ, естьлибъ они когда осмѣлились воспротивиться требованіямъ какого нибудь своего Султана!

Подобною тѣнію Правителя былъ въ Египтѣ Калифъ Абгедъ, или Абгадъ, при которомъ Саннаръ, или Саверъ, яко Султанъ, владычествовалъ самодержавно. Когда сей Министръ предпріялъ напасть на Христіянъ: то сильный заговоръ противъ него самаго, въ отсутствіе его, отрѣшилъ его отъ его сана. Гарганъ, предводитель сего заговора, возведенъ былъ на его мѣсто, и получилъ начальство надъ арміею. Сей неожиданный случай принудилъ Саннара немедленно оставить свои планы противъ Христіянъ, для защищенія собственной чести и пользы.

Арнольдъ Компсъ

Гарганъ, новый Султанъ, родомъ Сарацинъ, едва уничтожилъ власть своего соперника, то и выступилъ съ арміею противъ Короля Іерусалимскаго. Начался у нихъ кровопролитный бой, на которомъ легко вооруженные, полунагіе Египтяне, коихъ оружіе состояло только въ лукѣ и стрѣлахъ, были разбиты и прогнаны. Алмарихъ овладѣлъ мѣстомъ сраженія; непріятели разсѣялись и оставили богатый военный свой лагерь въ рукахъ Христіянъ, которые тогда прошли въ Египетскія провинціи; и подъ предводительствомъ своего Монарха разсѣвали всюду страхъ и ужасъ предъ собою.

Гарганъ, видѣвшій близкую свою гибель, въ отчаяніи прибѣгнулъ къ такому средству, которое столь-же было опасно, какъ и то зло, отъ котораго хотѣлъ онъ тѣмъ избѣгнуть. Дабы остановить стре-

мленіе непріятеля, и имѣть время получить подкрѣпленіе изъ верхняго Египта, приказалъ онъ отворить Нильскія плотины и затопить всю землю. Между тѣмъ какъ чрезъ сіе почиталъ онъ себя совершенно обезопасеннымъ со стороны Христіянъ, съ другой стороны возстала новая, не менѣе страшная, буря.

Саннаръ, котораго лишилъ онъ Султанскаго достоинства, ушелъ къ Нораддину, Султану Алепскому, и призвалъ его себѣ на помощь. Онъ обѣщалъ Султану учиниться данникомъ его и платить третью часть изъ доходовъ, получаемыхъ съ Египта, естьли онъ поможетъ ему противъ Гаргана, и возставитъ его въ прежнее его достоинство. Нораддинъ стольже тонкій политикъ, какъ и великій полководецъ, вознамѣрился употребить сей случай въ свою пользу, дабы самому взойти

на престолъ Египетской. Кромѣ сего честолюбиваго желанія, онъ держался еще Аббасинской секты; и потому имѣлъ сильное участіе въ интересахъ Багдатскаго двора. Сверьхъ того казалось ему должностію вѣры его истребить разколъ Магометанской церкви чрезъ искорененіе Фатьминской секты; и онъ тѣмъ скорѣе согласился на прозьбу Саннара о избавленіи его отъ одного непріятеля, что могъ представить ему другаго, страшнѣйшаго еще, въ собственномъ своемъ лицѣ. Договоръ былъ заключенъ съ наивозможною поспѣшностію и подписанъ съ обѣихъ стоpонъ. Нораддинъ выставилъ многочисленную армію, и для виду поручилъ начальство надъ оною Египтянину: но между тѣмъ далъ воинамъ своимъ тайное повелѣніе быть въ неограниченномъ повиновеніи у вѣрнаго полководца его Сиракона, или Ширковиха.

Арнольдъ Компсъ

Арнольдъ Компсъ

Чрезъ сіе неожиданное происшествіе Гарганъ приведенъ былъ въ совершенную крайность. Онъ не могъ двинуться впередъ; ибо разлитіе Нила грозило ему гибелью, и Христіяне наблюдали всѣ его движенія; а сзади заграждала ему путь армія Нораддинова. Въ семъ ужасномъ положеніи, изъ двухъ противныхъ способовъ избралъ онъ наконецъ для себя легчайшій. Онъ предложилъ миръ Королю Іерусалимскому. Алмарихъ согласился на его предложеніе, подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ обязался платить безпрекословно положенную дань. Сверьхъ того Король требовалъ знатной суммы денегъ за причиненныя войною издержки. Гарганъ, почитая, что въ толь бѣдственномъ положеніи купить миръ всякою цѣною будетъ не дорого, подписалъ все; и освободя себя съ сей стороны, пошелъ съ бодростію

противъ Туркомановъ. Сраженіе было упорное и кровопролитное: но побѣда склонилась на сторону Нораддина. Самъ Гарганъ погибъ въ сраженіи. Чрезъ сіе счастливое окончаніе Саннаръ вступилъ паки въ прежнее свое достоинство; могущество его явилось паки въ прежнемъ своемъ блескѣ, и всѣ его противники пали къ ногамъ его. Онъ наградилъ своихъ сообщниковъ, предалъ смерти своихъ враговъ; и ослѣпленный счастіемъ, позабылъ благодарность, которою обязанъ былъ покровителю своему Султану Нораддину, потому ли, что не имѣлъ болѣе нужды въ его помощи, или потому, что чрезъ сію побѣду почиталъ себя освобожденнымъ отъ всякой обязанности къ побѣдителю.

Арнольдъ Компсъ

Нораддинъ далъ повелѣніе полководцу своему Ширковиху наказать неблагодарность Египта. Въ

Арнольдъ Компсъ

слѣдствіе чего онъ тотчасъ взялъ приступомъ городъ Александрію и Белбаисъ, называвшійся прежде *Пелузіумъ.* Саннаръ, въ смущеніи своемъ, прибѣгнулъ къ Королю Іерусалимскому, и обѣщалъ ему не только умножить ежегодную дань, утвержденную его предшественникомъ, но и сверьхъ того заплатить еще знатную сумму за помощь. Алмарихъ подписалъ договоръ и послалъ оный на утвержденіе самому Калифу. Посланный,
1166. допущенъ бывъ на аудіенцію къ Калифу, подалъ ему трактатъ, который для формы Калифъ и утвердилъ: но посолъ требовалъ, чтобъ онъ по примѣру Короля его, въ вѣрность союза, далъ ему свою руку. Калифъ затруднился, какъ дать коснуться руки своей неправовѣрному, и обернулъ ее въ платье: но Христіянинъ, почитая сіе за презрѣніе, не принялъ его закры-

той руки, и требовалъ непремѣнно чтобъ онъ, въ знакъ чистосердечнаго желанія жить съ Королемъ его государемъ въ дружбѣ, далъ ему, такъ какъ Король его далъ посламъ Калифовымъ, голую руку. Калифъ принужденъ былъ разкрыть свою руку, и дать ее послу Алмарихову.

Арнольдъ Компсъ.

По заключеніи такимъ образомъ торжественно сего трактата, Алмарихъ, соединясь съ Саннаромъ, разбилъ армію Нораддинову; и обѣ завоеванныя крѣпости, Белбаисъ и Александрія, по краткой осадѣ, сдались и возвращены прежнему ихъ владѣтелю. При осадѣ Александріи находился начальствующимъ въ оной *Салагедгинъ*, или *Саладинъ*, племянникъ Сираконовъ, молодой воинъ, отличавшійся своею храбростію и воинскимъ искусствомъ. Въ три мѣсяца, которые продолжалась осада, Алмарихъ не болѣе успѣлъ, какъ и въ первый день: но

Арнольдъ Комисъ

недостатокъ въ съѣстныхъ и военныхъ припасахъ принудилъ его сдаться. Разсказываютъ, что при выходѣ изъ города, сей молодой герой, явившій потомъ себя великимъ полководцемъ, увидя Онфроя Торона, Коннетабля Королевства Іерусалимскаго, котораго храбрости былъ онъ свидѣтелемъ во все время осады, подошелъ къ нему и просилъ его, какъ самаго храбрѣйшаго рыцаря, какого только онъ зналъ, сдѣлать его своею рукою рыцаремъ: что Коннетабль, съ дозволенія Короля, сказываютъ, и исполнилъ, въ уваженіе отличнаго его мужества и искусства, оказанныхъ при защищеніи города. Сей Саладинъ будетъ потомъ играть важную роль въ сей исторіи.

Такимъ образомъ Саннаръ снова вступилъ въ обладаніе похищенной у него власти; а Алмарихъ увѣнчанный славою, возвратился въ свое королевство.

Сіе происшествіе, въ которомъ и орденскіе рыцари, къ несчастію, много участвовали, вскорѣ послужило къ помраченію сего блеска славы. Алмарихъ былъ изъ числа тѣхъ Государей, у которыхъ корысть и честолюбіе начертываютъ имъ дальновидные и смѣлые планы. По возвращеніи изъ Египта, образъ величія и богатства, который оставила сія земля въ душѣ его, никогда не выходилъ изъ его мыслей. Онъ видѣлъ въ толь сильномъ государствѣ страшнаго сосѣда, противъ котораго скоро будетъ трудно защитить св. землю. Онъ видѣлъ, сколь легко вооруженному Калифу, или Султану, сдѣлать Палестину паки Египетскою провинціею, какъ она была до временъ Готфрида. Дабы утвердить царство свое и обезпечить обладаніе онымъ наслѣдникамъ своимъ, вознамѣрился онъ завоевать Египетъ.

Арнольдъ Компсъ

1167.

Арнольдъ Компсъ

Желаніе получить сокровища Калифовы одушевляло сіе намѣреніе; а извѣстность трусости народа ободряла его мужество.

Но для толь важнаго предпріятія силы его были недостаточны. Недоставало у него ни денегъ, ни войскъ; особливо не было флота, которымъ бы можно было запереть Египетскія гавани. Для сего надлежало имѣть союзника, который бы все сіе могъ дополнить: и такого союзника видѣлъ онъ въ Эммануилѣ Комненѣ, Императорѣ Константинопольскомъ. Вильгелмъ Архидіаконъ, и потомъ Архіепископъ Тирской, отправленъ былъ посломъ къ Императору съ предложеніемъ о союзѣ противъ Египта. Переговоры счастливо были кончаны, и Комнено велѣлъ немедленно снарядить флотъ. Надеждою полученія флота исполнился главный

пунктъ для преднамѣреваемаго завоеванія; и такъ оставалось Алмариху умножить только сухопутныя свои силы.

Между тѣмъ Арнольдъ Компсъ умеръ, и на мѣсто его великимъ Магистромъ Іоанновскихъ рыцарей избранъ *Гилбертъ Ассалитъ*.

Гильбертъ Ассалитъ

Король разными лестными обѣщаніями и блистательными представленіями склонилъ Гильберта на свою сторону: но не такъ легко ему было преклонить прочихъ членовъ ордена. Мнѣнія были весьма раздѣлены. Старшіе Іоанновскіе рыцари находили предпріятіе сіе противнымъ цѣли ордена, которая обязывала ихъ къ сраженію для защиты токмо св. земли, а не для новыхъ завоеваній. Великій Магистръ и Король имѣли многія о томъ конференціи; и Ассалитъ представилъ Королю, что для склоненія членовъ его ордена на сіе

Гильбертъ Ассалитъ

предпріятіе, требующее большихъ издержекъ, надлежитъ предложить имъ знатную за то награду; и согласились оба, чтобы по завоеваніи города Белбаиса, Король уступилъ оный ордену: братьямъ же своимъ представилъ Ассалитъ важность сего мѣста; — что въ случаѣ, естьли Туркоманы, становящіеся со дня на день страшнѣйшими, овладѣютъ Палестиною, то тогда орденъ можетъ перенесть свою столицу въ Белбаисъ: откуда нетрудно будетъ, при перемѣнѣ обстоятельствъ, опять войти въ св. землю и выгнать снова варваровъ. Молодые рыцари, друзья великаго Магистра, или задаренные отъ Короля, пристали къ мнѣнію Ассалитову, утверждая при томъ, что какъ невѣрные, и Туркоманы и Сарацины, когда только могли съ выгодою напасть на Христіянъ, какіе ни были заключаемы съ ними трак-

Гильбертъ Ассалитъ

таты, всегда нарушали оные: что и Христіяне въ свою пользу могутъ поступить также; — что варвары и послѣдній трактатъ не очень хранятъ вѣрно; — что есть вѣрныя извѣстія, что гарнизоны ихъ не перестаютъ производить набѣги: однимъ словомъ, Орденъ согласился наконецъ подкрѣплять Алмариха въ предпріятомъ завоеваніи Египта. Великій Магистръ уполномоченъ былъ взять изъ банковъ Флорентинскаго и Генуэзскаго деньги на вооруженіе; и онъ принялъ великое число войскъ на жалованье Ордена. Блистательныя надежды завоеванія Египта, и чаяніе раздѣлить его сокровища, привлекли еще многихъ волонтеровъ, съ коими Ассалитъ въ состояніи былъ подкрѣпить Короля многочисленною силою. Рыцари Храма не хотѣли имѣть никакого участія въ семъ предпріятіи, потому ли, что не

Гильбертъ Ассалитъ

надѣялись сравняться въ блескѣ съ Іоанновскими рыцарями, или потому, что они почитали, какъ-то говорили, войну сію неправедною, особливо начинаемую безъ предшествовавшаго объявленія чрезъ герольда о разрывѣ продолжающагося мира.

Но Алмарихъ выступилъ въ походъ съ многочисленною сею арміею въ сопровожденіи великаго Магистра Ассалита.

Мирный договоръ, существовавшій между Египетскимъ дворомъ и Королемъ Іерусалимскимъ, былъ нарушенъ; и прежде, нежели дошелъ въ Египетъ слухъ о предпріятіи Алмариховомъ, онъ былъ уже подъ стѣнами Белбаиса. Однако осаждающіе нашли гораздо большее сопротивленіе, нежели чаяли. Сынъ самаго Саннара и одинъ изъ сго племянниковъ начальствовали въ городѣ, и по тому оборонялись

съ храбростію и мужествомъ. Оса- Гильбертъ Ассалитъ
да стоила много крови храбрымъ
воинамъ: но наконецъ осажденные 1168.
должны были отворить ворота.
Тогда побѣдители съ яростію бросились въ сопротивный городъ и распространили повсюду смерть и раззореніе. Жены и юноши, дѣти и старцы — все было жертвою военнаго свирѣпства; городъ утопалъ въ крови; казалось не будетъ конца убійствамъ; можно было подумать, что Христіяне хотѣли превзойти невѣрныхъ въ жестокости и звѣрствѣ; напослѣдокъ корыстолюбіе взяло верьхъ надъ лютостію. Простой народъ былъ большею частію побитъ; малое число оставшихся знаменитыхъ гражданъ пощажено было только для того, чтобы отдать въ руки палачей своихъ скрытыя свои сокровища. Требованія грабителей были непомѣрны; и кто не могъ

Гильбертъ Ассалитъ

удовольствовать ихъ, того безжалостно увлекали въ жесточайшее рабство. Алмарихъ, по состоявшемуся договору, отдалъ крѣпость сію великому Магистру: а самъ съ войскомъ своимъ обратился къ Каиру, городу сосѣдственному съ Вавилономъ, который, по раззореніи сего послѣдняго, былъ столицею Египта.

Огорченіе Султана, когда онъ узналъ о завоеваніи Белбаиса и о плѣнѣ сына своего и племянника, было неописанно. Какъ онъ мало могъ полагаться на храбрость неопытныхъ своихъ войскъ; то не оставалось ему инаго средства, какъ повергнуться въ руки Султана Нораддина, съ которымъ не задолго предъ тѣмъ поступилъ толь вѣроломно. А чтобы улучить время къ испрошенію сей помощи и къ собранію разсѣянныхъ въ провинціяхъ своихъ войскъ, надѣлъ онъ

личину притворства и отправилЪ кЪ Королю Іерусалимскому пословЪ, которые всякими лестными обѣщаніями должны были задержать его вЪ его походѣ. За мирЪ и за выкупЪ плѣнныхЪ принцовЪ обѣщано было 2 миліона золотомЪ — непомѣрная сумма по тогдашнимЪ временамЪ, которая едва ли во всемЪ Египтѣ могла набраться.

Гильбертъ Ассалитъ

АлмарихЪ, коего корыстолюбіе находило вЪ семЪ предложеніи богатый золотый рудникЪ, бывшій ближе кЪ его сердцу, нежели завоеваніе цѣлаго государства, сопряженное сЪ великими тратами, принялЪ оное безЪ дальняго разсужденія; и тотчасЪ, вЪ задатокЪ обѣщанной за выкупЪ плѣнниковЪ суммы, получилЪ 100000 золотыхЪ, сЪ извиненіемЪ, что для сбору сЪ провинцій остальнаго числа надо имѣть время, и что по тому самому нужно, хотя на малое время,

Гильбертъ Ассалитъ

сдѣлать перемиріе; чтобъ Король или остался на настоящемъ мѣстѣ, или бы шелъ впередъ медленно, дабы не возтревожить и не возмутить жителей.

Алмарихъ на всѣ сіи условія склонился безъ затрудненія, и мысленно наслаждался уже роскошными плодами смѣлаго своего предпріятія, не подозрѣвая никакъ обмана, и не слушая остереженій и совѣтовъ своихъ вельможъ. Саннаръ непрестанно отправлялъ къ нему разные подарки и припасы, и присылалъ курьеровъ за курьерами съ извиненіями, подъ разными предлогами, въ замедленіи платежемъ договорной суммы; между тѣмъ изготовился самъ къ страшному нападенію, и успѣлъ склонить на свою сторону Султана Нораддина, который прислалъ къ нему на помощь Генерала своего Сиракона съ многочисленною арміею. Едва Ал-

марихъ услышалъ о приближеніи непріятельскаго вспомогательнаго войска: то собралъ свои силы, и пошелъ ему на встрѣчу, дабы помѣшать соединенію его съ Саннаромъ. Но Сираконъ рачительно избѣгалъ всѣхъ случаевъ къ сраженію, пробирался по неизвѣстнымъ дорогамъ и скрытнымъ мѣстамъ; и наконецъ привелъ благополучно войски свои къ арміи Султана.

Гильбертъ Ассалитъ

Корыстныя и неправедныя предпріятія рѣдко не ведутъ сами за собою наказанія предпріемлющимъ. Такъ и въ семъ случаѣ Алмарихъ самъ лишалъ себя всего плода начальнаго своего успѣха; и вмѣсто удовлетворенія алчности и тщеславія своего, близокъ былъ потерять собственное свое владѣніе.

Казалось все соединилось тогда чтобы ввергнуть несчастнаго Короля въ погибель, которую собственное его легкомысліе ему при-

Гильбертъ Ассалитъ

готовило: флотъ Императора Константинопольскаго, на который возлагалъ онъ всю надежду, былъ разбитъ бурею; армія его ежедневно уменьшалась; что щадила болѣзнь, то похищали побѣги, которые стали быть повседневные. Алмарихъ, потерявъ всю надежду удержаться противъ сихъ соединенныхъ силъ, почелъ немедленное отступленіе единственнымъ средствомъ къ своему спасенію. Не надѣясь сохранить противу толь многочисленнаго непріятеля Белбаиса, города лежащаго внутри непріятельской земли и лишеннаго всякаго способа къ полученію помощи, онъ вывелъ и изъ него гарнизонъ и взялъ съ собою, и оставилъ и сіе единственное завоеваніе въ рукахъ Египтянъ. Съ малымъ остаткомъ арміи, покрытый стыдомъ и посрамленіемъ, возвратился онъ въ свою столицу, огор-

Гильбертъ Ассалитъ

ченный своею неудачею, своею легковѣрностью, своими совѣтниками.

Еще удручительнѣе были слѣдствія сей неудачи для великаго Магистра, который чрезъ согласіе свое на предпріятіе Короля имѣлъ немалое въ томъ участіе. Царедворцы, защищая младаго Монарха, всю вину сего покушенія сложили на несчастнаго Гильберта Ассалита. Братья орденскіе осыпали его всякими укоризнами, торжественно обвиняли его неограниченнымъ властолюбіемъ и тщеславіемъ, введшими его въ несчетныя издержки, чрезъ которыя орденъ задолжалъ 200000 червонныхъ — сумма, по тогдашнему времени чрезвычайная.

Не могши перенесть презрѣнія и укоризнъ, Гильбертъ въ торжественномъ собраніи ордена сложилъ съ себя достоинство великаго

Магистра, учинившееся тогда для него бременемъ, и навсегда оставилъ Палестину. Въ слѣдствіе сего торжественнаго отреченія, собраніе обратилось къ новой избирательной капитуляціи и ввѣрило достоинство великаго Магистра престарѣлому монаху *Гасту*, или *Касту*, котораго отечество и родъ неизвѣстны.

Гастъ 1169.

Скорое отступленіе Короля Іерусалимскаго, хотя съ одной стороны принесло облегченіе Саннару; однако съ другой онъ видѣлъ себя не менѣе въ тѣсномъ положеніи. Ужасный непріятель наблюдалъ всѣ его движенія — непріятель, который тѣмъ былъ опаснѣе, что являлся подъ личиною дружества. Сей непріятель былъ Сираконъ, который, хотя по повелѣнію своего Государя и пришелъ къ нему на помощь, но подъ условіемъ не прежде отъ него возвратиться, какъ

по полученіи удовлетворительнаго возмездія за неблагодарность Султана къ прежнему своему союзнику. Оба полководца наблюдали всѣ шаги другъ за другомъ, оба стремились къ противоположнымъ цѣлямъ. Саннаръ не смѣлъ двинуться, пока Сираконъ будетъ находиться близь него; выдумывалъ всякіе способы, чтобы избавиться его, не щадилъ ни ласкъ, ни обѣщаній: но все было тщетно. Сираконъ оставался не трогаясь съ мѣста, и не снимая съ себя маски. Намѣреніе его было достать вѣроломнаго Саннара въ свои руки. По многихъ тщетныхъ стараніяхъ, наконецъ хитрость его возторжествовала надъ неосторожностію соперника. Ему удалось заманить Саннара въ свой станъ, гдѣ тотчасъ велѣлъ онъ его заколоть, и потомъ съ своими войсками обратился къ Каиру, завладѣлъ всѣмъ Египтомъ и прину-

дилъ самаго Калифа признать его своимъ Султаномъ.

Сираконъ не долго наслаждался счастіемъ своимъ: вскорѣ онъ умеръ съ славою вѣрнаго и храбраго полководца, и начальство надъ войсками Нораддина оставилъ помянутому нами племяннику своему Саладину, или Салагедгину, котораго Калифъ Египетской — сія тѣнь верховной власти — долженъ былъ также признать своимъ Султаномъ. Дѣйствительно и самъ Нораддинъ не смѣлъ возпротивиться младому сему воину, котораго сильная партія могла бы легко произвесть опасный бунтъ противъ него самаго. Онъ удовольствовался тѣмъ, что далъ повелѣніе новому Султану не упоминать въ публичныхъ молитвахъ имени Калифа Адгада, а на мѣсто онаго поставить имя Мостадги XXXIII. отъ поколѣнія Аббасинскаго. Потомъ велѣлъ ему

смѣнить всѣхъ священниковъ и Кадіевъ, державшихся секты Аліевой, которой Адгадъ, яко Калифъ, былъ главою и первосвященникомъ.

Адгадъ недолго жилъ послѣ сей несчастной перемѣны. Саладинъ, самъ ли собою, или по приказанію Нораддина, велѣлъ умертвить его въ банѣ. Съ смертію его пресѣклось Фатьминское поколѣніе въ Египтѣ, въ 1171 году по рождествѣ Христовѣ, а въ 567 эгиры.

Вся власть какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго правленія въ Египтѣ, перешла тогда въ руки Саладина, который, чтобъ придать себѣ болѣе важности, принялъ утвержденіе въ оной отъ Аббасинскаго Калифа, въ Багдатѣ пребывающаго.

Саладинъ, или Салагедгинъ-Юсуф-бен-Аюб-бен-шади, собственно былъ чужестранецъ; онъ съ дядею своимъ Сирakономъ, вступилъ въ службу къ Князю Алепскому и

Гастъ Дамасскому Нуреддину Зенги, котораго обыкновенно знаютъ подъ именемъ Нораддина. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ пылкихъ головъ, которыя за все берутся и часто соединяютъ въ себѣ самыя противорѣчущія свойства. Былъ довольно рѣшителенъ, чтобы въ сомнительныхъ случаяхъ отважиться на самую крайность; но не упускалъ и другихъ всякихъ средствъ, естьли могъ какими скорѣе достигнуть своей цѣли. По смерти Адгада, овладѣвъ его сокровищами, онъ роздалъ ихъ своимъ солдатамъ, и можно сказать, что онъ купилъ себѣ имперію. Ни одинъ полководецъ не расточалъ такой великой суммы для пріобрѣтенія себѣ любви отъ своихъ воиновъ. Но сколь былъ онъ щедръ въ наградахъ, стольже строгъ и непреклоненъ въ военной дисциплинѣ. По правиламъ вѣры былъ онъ непримиримый врагъ ры-

царей Іоанновскихъ и рыцарей Храма: въ прочемъ былъ онъ тихаго и плѣняющаго свойства, и всѣмъ отдавалъ всякую справедливость. Все, къ чему онъ устремлялъ свои желанія, долженствовало уступить его храбрости, или покориться его хитрости. Онъ былъ великій полководецъ, и вмѣстѣ простой неупомимый храбрый воинъ. Онъ-то изъ развалинъ толь многихъ другихъ государствъ соорудилъ себѣ одно великое царство, освободилъ Азію отъ страшнаго ея непріятеля, и Христіянской престолъ въ Іерусалимѣ зарылъ навсегда подъ его развалинами.

гастъ

Во все время жизни Нораддина, Саладинъ оказывалъ ему совершенную преданность и непремѣнную вѣрность. Сію маску носилъ онъ еще нѣсколько времени и по смерти Султана, въ разсужденіи сына его и наслѣдника престола, кото-

раго имя велѣлъ онъ поминать въ мечетяхъ на молитвахъ послѣ имени Калифова: но когда привелъ себя со всѣхъ сторонъ въ безопасность, то скинувъ съ себя личину, обратилъ оружіе свое противъ молодаго Султана; взялъ приступомъ Алеппъ и покорилъ Дамаскъ, знатную часть Сиріи, Аравіи, Персіи и Месопотаміи.

Къ совершенному торжеству его недоставало только Палестины, завоеваніе которой занимало тогда всѣ его мысли. Сколь предпріимчивъ былъ его духъ, столь смѣлы были и дѣйствія его. Съ 40000 войска пошелъ онъ къ замку Дарону, въ четырехъ только миляхъ отстоявшему отъ Газы: но нашедъ тутъ храброе сопротивленіе, обратилъ оружіе свое противъ самой Газы. Однако мужество рыцарей Храма, которымъ крѣпость сія была ввѣрена, вскорѣ принудило

его снять и сію осаду. Дабы отмстить за сіе уничтоженіе его плановъ, онъ опустошилъ всѣ мѣста вокругъ сихъ двухъ городовъ огнемъ и мечемъ, между тѣмъ какъ часть его арміи подвергла семуже жребію Антіохію и Финикію.

Рыцари Іоанновскіе, такъ какъ и рыцари Храма, собрали всѣ свои силы, чтобъ отвратить нападенія Саладина и положить преграды его успѣхамъ: но мужество ихъ не имѣло силы, равной ихъ жару. Алмарихъ увидѣлъ нужду въ новой помощи для колеблющагося своего престола. Новый крестовый походъ казался ему единственнымъ средствомъ къ спасенію отъ разрушенія Христіянскаго владычества въ Палестинѣ. И такъ онъ немедленно отправилъ посольство подъ начальствомъ Епископа Акрскаго къ западнымъ государямъ, съ прошеніемъ о помощи. Но по-

гасшъ

мощь сія была далека и недостовѣрна; и такъ, чтобъ получить пособіе въ настоявшей уже нуждѣ, вознамѣрился онъ самъ ѣхать къ Императору Константинопольскому Эммануилу, на племянницѣ котораго женатъ былъ, дабы выпросить у него или войска, или денегъ на необходимыя военныя издержки.

При отъѣздѣ своемъ поручилъ онъ правленіе государства великимъ Магистрамъ обоихъ орденовъ.
Жубертъ Гастъ между тѣмъ умеръ, и *Жубертъ*, человѣкъ съ великими достоинствами, тотъ самый, который, какъ мы выше упоминали, при защищеніи Антіохіи, оказалъ столько мужества, храбрости, искусства и благоразумія, избранъ былъ на его мѣсто. Довѣренность Короля служила для сихъ великихъ Магистровъ орденскихъ новою побудительною причиною къ усугу-

бленію ихъ ревности и попеченія о защищеніи слабаго государства отъ дерзкихъ предпріятій Саладина. Къ вящшему злополучію Христіянъ, возсталъ тогда противъ нихъ другой новый непріятель, соединявшій собственныя выгоды съ выгодами Саладина. Жубертъ

Малая Арменія, сосѣдственная провинція съ Сиріею, была тогда обитаема Христіянами нѣкоторой особенной секты, которая въ большей части обрядовъ и членовъ вѣры уклонилась какъ отъ Греческой, такъ и отъ Латинской церкви. Они имѣли Патріарха, называвшагося преимущественно *Каволическимъ*, и управлялись собственными князьями, которые во время частыхъ возмущеній, бывшихъ въ восточной Имперіи, сдѣлались отъ нея независимыми; и бывъ благопріятствуемы положеніемъ земли своей и многими крѣпкими мѣста-

Жубертъ ми, удержали свою свободу. Өоросъ, или Өеодоръ, управлявшій тогда симъ государствомъ, заключилъ съ Восточными Латинами союзъ противъ Грековъ, и столько благопріятствовалъ симъ своимъ союзникамъ, что позабылъ даже разность вѣры, и не только позволилъ рыцарямъ Іоанновскимъ и рыцарямъ Храма строить въ областяхъ своихъ церкви; но даже не возпрепятствовалъ брату своему Меліеру, или Милону, отступить отъ своего исповѣданія и вступить въ орденъ Храмовыхъ рыцарей; и чтобы связать крѣпче узы дружбы съ Латинами, онъ выдалъ еще сестру свою за одного знатнаго Латина. Плодъ отъ сего брака былъ принцъ, именемъ Өома, или Томасъ, котораго Өеодоръ объявилъ потомъ наслѣдникомъ своего престола. Но когда онъ, по смер-
1171. ти Өеодора, хотѣлъ вступить во

владѣніе областей его: то Армяне возпротивились сему, отрекаясь дать правленіе надъ собою еретику. Жубертъ

Изъ сего народнаго отвращенія къ Томасу, Меліеръ почерпнулъ для себя надежду; оставилъ орденъ, соединился съ Саладиномъ, и бывъ отъ него подкрѣпленъ многочисленною арміею, выгналъ изъ Арменіи своего племянника и вступилъ самъ въ отправленіе царской власти. Потомъ напалъ онъ на Антіохію, и съ войсками своими прошелъ до предѣловъ Палестины. Повсюду оставлялъ онъ ужасные слѣды своей жестокости, наипаче же дышалъ смертельною ненавистію къ рыцарямъ Іоанновскимъ и къ рыцарямъ Храма. Съ хладнокровіемъ приказывалъ онъ умерщвлять, или подвергать ужасной неволѣ всѣхъ ихъ, попадавшихся въ его руки.

Жубертъ

Опасность, угрожавшая святой землѣ на Египетскихъ границахъ отъ Саладина, удерживала всю силу Христіянъ въ сей сторонѣ, и препятствовала противодѣйствовать нападеніямъ неистовствующаго отступника. Но Жубертъ послалъ наконецъ противъ сего непріятеля одного изъ своихъ рыцарей, который, будучи тамъ Коммендантомъ, охранялъ границы съ Сирійской стороны. Богемондъ III. Князь Антіохійской, съ нѣкоторымъ числомъ рыцарей Храма, присоединился къ Іоанновскимъ рыцарямъ противъ Меліера. — Король Алмарихъ возвратился изъ Константинополя болѣе осыпанный почестями и обнадеживаніями, нежели подкрѣпленный настоящею помощію, и готовился также лично самъ итти противъ вѣроломныхъ Армянъ. Но сей измѣнникъ имѣлъ мало мужества и смѣлости къ сра-

женію въ открытомъ полѣ, и ушелъ въ высокія горы, гдѣ окопавшись въ узкихъ проходахъ, безопасенъ былъ отъ всѣхъ нападеній. Жубертъ

Между тѣмъ Туркоманы осадили Аракъ, или Кракъ, городъ лежащій при входѣ въ каменистую Аравію, дабы сдѣлать чрезъ то диверсію въ пользу Армянъ. Какъ скоро дошла сія вѣсть до Іерусалима: то оба рыцарскіе ордена соединенными силами обратились къ мѣсту осады, и непріятель принужденъ былъ снять оную и искать спасенія въ бѣгствѣ.

Какъ частный порокъ, или преступленіе одного члена не должны по справедливости служить къ порицанію цѣлаго общества: то и помянутое отпаденіе Меліера не должно служить къ поношенію ордена Храма. Но другое обстоятельство, случившееся въ сіе время, бросаетъ большую тѣнь на

Жубертъ тогдашній духъ сего ордена. Примѣръ сей приводимъ мы здѣсь болѣе для того, что онъ ознакомливаетъ насъ съ особеннымъ классомъ людей тогдашняго времени, можетъ быть единственнымъ въ своемъ родѣ, который однакожъ не однократно будетъ упоминаться въ сей исторіи.

За нѣсколько вѣковъ предъ симъ поселился въ горахъ Финикіи, между Тортозою, или какъ тогда называли Анторадою, и Триполемъ, нѣкоторый родъ людей, которые имѣли великое сходство съ бандитами нашего времени. Они составили особенное общество; по наружности слѣдовали они ученію Магометову: но въ самомъ дѣлѣ не имѣли ничего общаго съ прочими его послѣдователями, кромѣ непримиримой ненависти къ Христіянамъ, распространившейся по всей Азіи. Главная черта свой-

Жубертъ

ства сего варварскаго народа состояла въ *вѣроломствѣ* противъ другихъ и въ *безпримѣрномъ повиновеніи* къ своему начальнику.

Сей начальникъ обыкновенно избирался по большинству голосовъ, и не имѣлъ другаго титла кромѣ *старшины*, или *Сеніора* — наименованіе, которое мало по малу превратилось потомъ въ слово Seigneur, въ основаніи своемъ тоже значущее. Онъ назывался *Старшина*, или *Князь Горской*; потому что страна, гдѣ они жили, состояла изъ однихъ горъ и почти неприступныхъ каменныхъ утесовъ. Но съ симъ простымъ титломъ *Старшины*, или *Атамана*, соединялъ онъ неограниченную власть, превосходившую даже власть сильнѣйшаго Монарха, которая тѣмъ была надежнѣе, что основывалася на членѣ вѣры, состоявшемъ въ томъ: что всякой, кто будетъ столько

Жубертъ счастливъ, что найдетъ случай пожертвовать жизнію своему *Старшинѣ*, учинится по смерти обитателемъ рая и обладателемъ неизчетныхъ сокровищъ. На семъ буйномъ мнѣніи Старшина ихъ утверждалъ всѣ свои предпріятія. Довольно было одного его взора къ истребленію каждаго непріятеля, кого онъ хотѣлъ только. Самые Князья, внутри дворцовъ своихъ и посреди своихъ тѣлохранителей, не были безопасны отъ его кинжаловъ. Никакія муки, которымъ исполнители такихъ повелѣній могли подвергнуться, не отвращали ихъ отъ исполненія, съ удивительною твердостію, звѣрскихъ повелѣній ихъ начальника.

Сіе общество можно было почесть за школу *убійцъ*. Чтобы не легко быть узнаваемымъ, они не носили другаго оружія, кромѣ малаго кинжала, который по Персид-

ски называется Гассисинъ: откуда, вѣроятно, произошло слово *assassin*, *убійца;* названіе, которое послѣ вообще дано было всей сей націи, и подъ которымъ и мы означать сихъ людей будемъ.

Жубертъ

Область, которою управлялъ сей старшина, или Атаманъ разбойниковъ, была не во-все маловажна. Кромѣ замковъ, разсѣянныхъ повсюду на верьхахъ превысокихъ горъ, или на каменныхъ утесахъ, имѣла она многія деревни, въ долинахъ и лощинахъ между горъ разсѣянныя, и часто содержавшія въ себѣ болѣе 60 тысячь жителей, кои всѣ вообще отличались одинакою лютостію и преданностію къ своему атаману. Они наслаждались совершенною безопасностію, сколько по причинѣ мѣстоположенія своего, столько и по причинѣ сей самой дерзкой ихъ отважности и слѣпой преданно-

Жубертъ сти къ своему начальнику, которая наводила страхъ на самыхъ сильнѣйшихъ Князей и владѣльцовъ.

Исторія тогдашняго времени между характеристическими чертами сихъ свойствъ ихъ повѣствуетъ слѣдующій примѣръ тому. Султанъ Дамасксkой угрожалъ нѣкогда сему старшинѣ, по имени *Гацему*, раззореніемъ его области, естьли онъ долѣе медлить будетъ заплатою дани, которую сей Гацемъ свергнулъ съ себя своевольно. Гацемъ, выслушавъ спокойно посла Султанскаго, по окончаніи его рѣчи, оборотился къ окружавшимъ его оруженосцамъ и велѣлъ одному тотчасъ броситься съ высокой башни, а другому въ тоже время пронзить себя кинжаломъ. Оба въ тужъ минуту исполнили его повелѣніе, къ изумленію посла, котораго Гацемъ отпустилъ потомъ съ сими словами: „объяви своему Государю

„что ты видѣлъ и слышалъ, и ска- Жубертъ
„жи: что *Атаманъ убійцъ* имѣетъ
„во власти своей 60000 человѣкъ,
„которые всѣ также ему вѣрны и
„также преданы, какъ сіи два„. —
Сей случай такъ подѣйствовалъ на
Султана, что онъ отнюдъ не мыслилъ уже требовать дани.

Большая часть, какъ Христіянскихъ, такъ и Магометанскихъ владѣльцовъ, часто посылали сему Атаману разбойниковъ дары, дабы онъ жилъ съ ними въ мирѣ: но рыцари Храма, которыхъ нѣкоторыя владѣнія находились близко земель его, презирали его и объявили ему войну. Въ первые возтрепетали варвары, привыкшіе ко всякому убійству; они знали силу и связи ордена, и не надѣялись получить выгоды отъ тайныхъ убійствъ; знали, что естьлибъ и удалось имъ поразить кинжаломъ великаго Магистра: то явится другой, столь-

Жуберть же страшный начальникЪ ордена, и они не найдутЪ спасенія вЪ одномЪ убійствѣ. И такЪ не оставалось имЪ инаго средства, какЪ только знатною суммою денегЪ преклонить орденЪ кЪ заключенію сЪ ними мира.

ЧрезЪ нѣсколько времени послѣ сего Старшина вдругЪ прислалЪ посла кЪ двору Іерусалимскому сЪ увѣреніями, что онЪ и всѣ его подданные желаютЪ принять крещеніе, естьли только Король поможетЪ имЪ избавиться отЪ тягостной дани 2000 золотыхЪ, наложенной на нихЪ великимЪ МагистромЪ ордена рыцарей Храма. АлмарихЪ охотно принялЪ предложеніе, и обѣщалЪ употребить свое стараніе кЪ склоненію великаго Магистра сложить сЪ нихЪ сіе бремя; одарилЪ щедро посла, и для безопасности его далЪ ему одного изЪ своихЪ тѣлохранителей вЪ проводники.

Они проѣхали уже Триполь и пробирались въ горы, какъ вдругъ одинъ скрывшійся рыцарь Храма выскочилъ изъ-за холма и поразилъ посла кинжаломъ. Сей коварный убійца назывался дю-Мениль, и причиною злодѣянія его была одна закоснѣлая ненависть къ націи посланника.

Жубертъ

Извѣстіе о семъ недостойномъ поступкѣ раздражило Короля, и побудило требовать отъ великаго Магистра немедленной выдачи преступника. Но великій Магистръ, противъ всякаго чаянія, отвѣчалъ Королю: „что дю-Мениль не состоитъ подъ властію Іерусалим-„скаго двора, а слѣдовательно и „выдачи его требовать онъ не мо-„жетъ; что впрочемъ онъ не оставитъ безъ наказанія толь дерзкаго „поступка, и что онъ уже далъ „приказаніе арестовать преступ-„ника и посадить въ оковы. Но

Жуберт ,,какъ весь орденъ, и слѣдовательно ,,каждый членъ онаго, непосред-,,ственно принадлежалъ Папскому ,,престолу: то онъ за нужное по-,,челъ участь виновнаго предоста-,,вить рѣшенію Его Святѣйше-,,ства. При чемъ великій Магистръ запретилъ всякому, подъ страхомъ изгнанія, нападать на дю-Мениля, и въ оправданіе свое ссылался на права ордена.

Чрезъ сей отвѣтъ возпалился гнѣвъ въ Алмарихѣ; и онъ, не смотря на всѣ угроженія великаго Магистра, взялъ силою преступника, велѣлъ заключить его въ темницу, и безъ сомнѣнія показалъ бы на немъ примѣрную месть, естьли бы смерть не прекратила собственную жизнь его.

Тогда возшелъ на престолъ *Балдуинъ IV*, который также былъ слабъ духомъ, какъ немощенъ тѣломъ. Природа произвела его на

свѣтъ чахотнымъ и больнымъ; и казалось, что первое вступленіе его въ жизнь было уже приступъ ко гробу: но судьба медленно вела его къ оному. Жубертъ.

По причинѣ его слабости, дѣлавшей его неспособнымъ ко всякимъ политическимъ и военнымъ трудамъ, и по причинѣ продолжавшагося еще малолѣтства его, вскорѣ по возшествіи его на престолъ, приставленъ къ нему былъ опекуномъ Графъ Трипольскій, Раймундъ III, прои́менованный *Молодымъ*.

Во время малолѣтства и слабаго правленія сего Короля, Христіянское Государство болѣе и болѣе склонялось къ своему паденію; и съ уменьшеніемъ силъ онаго страшно возвышалось могущество Саладина. Онъ завоевалъ уже большую часть земель Нораддина, и женясь на женѣ его, овладѣлъ самымъ Дамаскомъ; но между тѣмъ, какъ онъ

Жуберть должен был на нѣкоторое время возвратиться въ Египетъ, Графъ Трипольской предпринялъ осаду замка Гарема, принадлежавшаго къ Алеппу. — Князь Антіохійской, Графъ Неверской, великій Магистръ Іоанновскихъ рыцарей, съ братомъ своимъ, равно и рыцари Храма и многіе другіе пришли къ нему на помощь. Осада продолжалась долго: но чрезъ тайный подкупъ Турками Графа Трипольскаго, кончилась постыднымъ образомъ.

Между тѣмъ Саладинъ возвратился въ Палестину. Балдуинъ съ 3500 человѣкъ, которыхъ могъ только набрать въ скорости, выступилъ противъ него самъ, и нашелъ его при Аскалонѣ съ арміею изъ 26 тысячь: но учинивъ нападеніе ночью, поразилъ все войско невѣрныхъ, такъ что самъ Саладинъ едва убѣжалъ полунагой на верблюдѣ.

Жубертъ

ВЪ слѣдующій годЪ БалдуинЪ предпринялЪ еще построить крѣпость на непріятельской землѣ. СаладинЪ сильно возпротивился произведенію вЪ дѣйство сего сколь опаснаго, столь и постыднаго для него предпріятія. СкрывЪ войско свое вЪ засадѣ, нечаянно напалЪ онЪ на ХристіянЪ, и почти вся Христіянская армія досталась вЪ его руки: часть была побита, другая разсѣяна. ЖубертЪ, великій МагистрЪ Іоанновской, покрытый ранами, едва спасся вплавь чрезЪ ІорданЪ, и ушелЪ вЪ крѣпость БофортЪ; ОдонЪ де СентЪ-АмантЪ, великій МагистрЪ рыцарей Храма, взятЪ былЪ вЪ плѣнЪ.

Можно судить о тогдашнемЪ смятеніи всего восточнаго Христіянства. Побѣдителю открытЪ былЪ путь вЪ самое сердце Палестины; никакое войско, никакой полководецЪ не останавливали его

Жубертъ шествія: онъ опустошалъ землю и разрушалъ крѣпости и замки. Скорое перемиріе оставалось единственнымъ средствомъ къ удаленію на нѣсколько времени близкой гибели. Саладинъ позволилъ ку-
1176. пить оное большою суммою денегъ; потому что голодъ, опустошавшій тогда его провинціи, привелъ его самаго въ тѣсное положеніе.

Около сего времени Орденъ св. Іоанна лишился достопочтеннаго своего великаго Магистра Жуберта. Одни Историки повѣствуютъ о немъ, что онъ, по уходѣ своемъ въ крѣпость Бофортъ, которую также осадилъ Саладинъ, долго въ оной защищался, не хотя слышать о здачѣ; и когда оная взята была приступомъ, то Саладинъ, раздраженный упорнымъ его сопротивленіемъ, бросилъ его въ ужасную темницу и уморилъ голодомъ. Дру-

гіе пишутъ, что Жубертъ, видя паденіе царства Іерусалимскаго, умеръ съ печали, не бывъ въ плѣну у невѣрныхъ.

Преемникъ его *Рожеръ де Муленъ* обращалъ всѣ силы къ возстановленію государства; особливо старался онъ побудить правителя къ непрестанному продолженію войны, дабы мало по малу упомить силы непріятеля: но стараніямъ его противополагались великія препятствія. —— Пагубные раздоры и властолюбіе вельможъ непрестанно престолъ окружали, и слабость монарха не въ состояніи была разрушить коварные ихъ ковы. Къ сему присовокупилась еще возродившаяся зависть другъ къ другу между орденами, сильнѣйшими подпорами государства. Рожеръ де Муленъ

Орденъ Храма, какъ извѣстно, былъ отрасль ордена Іоанновскаго, по времени возростшая въ спра-

шное древо. Сей самый успѣхъ его, возвышая гордость его съ одной стороны, съ другой возбуждалъ зависть и соперничество между сею отраслью и ея корнемъ. Каждый орденъ старался проложить себѣ особый путь къ славѣ и величію, которыя бъ могли затмить блескъ его соперника. Желаніе излишнихъ сокровищъ, желаніе господствовать и преимуществовать на войнѣ и въ совѣтахъ были несчастные плоды сихъ вредныхъ сѣмянъ раздѣленія, которое, непрестанно разпространяясь, превратилось наконецъ въ явную вражду, доходившую напослѣдокъ до того, что они стрѣлялись между собою всякой разъ, когда встрѣчались другъ съ другомъ. Сіе поведеніе, толь непристойное для монаха, хотя не перемѣняло воинской ихъ храбрости; но Христіянская любовь конечно весьма ослабла въ обоихъ орденахъ.

КакЪ сіи монахо-воины признавали одного Папу себѣ главою: то Король увѣдомилЪ о семЪ Папу Александра III. который принудилЪ ихЪ примириться. По повелѣнію его заключенЪ былЪ мирный трактатЪ, который оба великіе Магистра подписали, сЪ такою оговоркою:,, что ,,они подписываютЪ *по совѣту и по ,,изъявленной волѣ обоихъ капитуловъ.,,* ИзЪ сего акта, или трактата, видѣть можно, что Папа повелѣлЪ обоимЪ орденамЪ, вЪ случаѣ могущихЪ случиться впредь споровЪ, выбрать сЪ каждой стороны трехЪ старшихЪ рыцарей того языка и Пріорства, вЪ которомЪ спорЪ произошелЪ, и отдать оный на ихЪ рѣшеніе. Естьлиже и они между собою не согласятся: тогда выбрать общихЪ пріятелей, и разобраться третейскимЪ судомЪ, или отнестись кЪ самому Папѣ. СимЪ предписаніемЪ Папа Алек-

Рожеръ де Муленъ

Рожеръ де Муленъ

сандръ III. хотя и утишилъ раздоръ, но во все прекратить онаго не могъ.

Между тѣмъ въ Константинополѣ, куда Императоръ Эммануилъ Комнено привлекъ покровительствомъ своимъ многихъ Іоанновскихъ братьевъ, большая часть оныхъ, по ненависти Греческаго народа къ Латинской церкви, въ случившемся мятежѣ были побиты и домъ орденской разграбленъ.

При самомъ дворѣ, какъ уже сказано, дѣланы были также ковы противъ кововъ, дабы овладѣть престоломъ. Балдуинъ, котораго болѣзни отчасу увеличивались, и давно уже лишили его всякой надежды имѣть наслѣдника, выдалъ старшую сестру свою Сибиллу, бывшую прежде за Маркизомъ Монтфератскимъ, за Графа Гвидона Лузиньяна, и препоручилъ ему всѣ дѣла правленія. Вскорѣ потомъ

сдѣлалъ онъ его Графомъ Яфскимъ и Аскалонскимъ и объявилъ своимъ наслѣдникомъ. Сей шагъ раздражилъ до крайности честолюбивыхъ вельможъ: но никто нечувствовалъ себя столько оскорбленнымъ, какъ прежній регентъ Раймундъ, Графъ Трипольскій. Онъ, какъ знатнѣйшій и сильнѣйшій вазаллъ Іерусалимской короны, ласкался ближе всѣхъ имѣть право на оную, и честолюбивый духъ его не могъ спокойно видѣть разрушеніе своей надежды. Мщеніе было первою и осталось послѣднею его мыслію, и случай къ оному былъ недалекъ: обвиняютъ его, что отъ сего времени онъ вступилъ въ тайныя связи съ Саладиномъ.

Рожеръ де Муленъ

Перемиріе между симъ Султаномъ и Королемъ Іерусалимскимъ еще продолжалось. Политика перваго требовала скораго разрыва. Справедливъ ли онъ будетъ, или

Рожеръ де Муленъ

нѣтъ, мало то его безпокоило; а желалъ онъ единственно того только, чтобы можно было вину онаго сложить на Христіянъ. Для сего Саладинъ далъ тайное повелѣніе одному пограничному своему Губернатору выгнать на непріятельскія засѣянныя поля нѣсколько стадъ овецъ и другаго скота, нарочно для того, чтобы они были схвачены жителями; и въ тоже время посадилъ въ оковы 1500 Христіянъ, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе неподалеку отъ Даміетты, оправдывая въ томъ себя непріязненными поступками Ренальда де Шатильйона, который часто позволялъ себѣ подобныя наглости противъ Магометанъ.

Сей Ренальдъ былъ молодой пришлецъ, который, не смотря на низкое происхожденіе, устремилъ желанія свои на дочь Князя Антіохійскаго, именемъ Констанцію, и

потомъ успѣвъ въ снисканіи ея склонности, на ней женился. Все состояніе его зависѣло отъ оружія, и потому часто производилъ онъ набѣги на Магометанскія земли изъ принадлежавшей ему крѣпости Корахъ, гдѣ онъ находился со многими рыцарями Храма. Невѣрные почитали его за злѣйшаго своего непріятеля, потому что ни съ какой стороны не могли обнадежить себя въ мирѣ съ нимъ; ибо не только нужды его, но и укоренившаяся склонность къ грабежу побуждала его къ симъ нападеніямъ. Нерѣдко разграблялъ онъ цѣлые караваны, увлекалъ странниковъ въ Корахъ, налагалъ на нихъ оковы, и поступалъ съ ними весьма жестоко. Тогда пронесся слухъ, что сей самый Ренальдъ хотѣлъ напасть на Медину и Мекку и ограбить гробъ Магометовъ. Но сей умыселъ его былъ открытъ Ара-

Рожеръ де.Муленъ

Рожеръ де Муленъ

вѣйскимъ Губернаторомъ Саладина, и скоро принятыми мѣрами уничтоженъ.

И такъ Султанъ, подъ предлогомъ мщенія за сіи частыя насильства, захватилъ 1500 странниковъ; и заключивъ ихъ въ неволю, послалъ къ Іерусалимскому двору требовать скораго удовлетворенія за множество стадъ, похищенныхъ Ренальдомъ у его подданныхъ, съ объявленіемъ: что въ случаѣ отказа онъ воздастъ равнымъ и поступитъ съ плѣнными Христіянами, какъ поступлено съ его стадами.

Король весьма желалъ отвратить отъ себя угрозы Султана возвращеніемъ похищенныхъ стадъ, но не могъ склонить Ренальда и рыцарей Храма на сію выдачу. Саладинъ, искавшій только благовиднаго къ войнѣ предлога, поспѣшилъ исполненіемъ своихъ угрозъ.

Съ знатнымъ вооруженіемъ переправясь чрезъ Іорданъ, онъ опустошалъ все, что мечу его на пути встрѣчалось; женъ и дѣтей повергалъ въ рабство, домы превращалъ въ пепелъ, раззорялъ поля, и предался всѣмъ лютостямъ, къ какимъ только властолюбіе и мщеніе способны.

Рожеръ де Муленъ

Сіе заставило Христіянъ со всѣмъ жаромъ приняться за оружіе. Король выставилъ въ поле всю армію, и самъ потерявъ отъ проказы зрѣніе и лишившись даже употребленія рукъ и ногъ, назначилъ вмѣсто себя повелителемъ войскъ зятя своего Лузиньяна. Все зависѣло тогда отъ рѣшимости полководца: но зависть прочихъ военачальниковъ противилась его планамъ, и лишала его всей смѣлости, такъ что онъ предъ малочисленнымъ непріятелемъ простоялъ долѣе недѣли въ бездѣй-

Рожеръ де Муленъ

ствіи, и допустилъ его въ глазахъ своихъ производить грабежи и возвратиться чрезъ Іорданъ съ плѣнными и добычею, не осмѣлясь выйти изъ своихъ окоповъ. Сія нерѣшительность стоила ему однакожъ мѣста его; онъ потерялъ званіе предводителя арміи и лишился всей довѣренности у двора. Всеобщій ропотъ солдатъ и офицеровъ принудилъ Короля смѣнить его; и какъ онъ впалъ совершенно въ его немилость: то отъ него отнято было также и Графство Яфа, какъ отъ такого человѣка, которому не можно ввѣрить толь важнаго мѣста, которое было ключемъ къ Іерусалиму; и при томъ Король объявилъ наслѣдникомъ престола своего сына сестры своей Сибиллы отъ перваго брака, молодаго Балдуина, имѣвшаго едва пять лѣтъ. Сія государственная перемѣна произвела многія партіи въ Королевствѣ. Лузиньянъ уда-

лился въ Асқалонъ, и тамо укрѣпился было съ начала противъ противной ему партіи: но какъ онъ былъ того свойства, что кромѣ жалобъ и пустыхъ словъ не могъ ничѣмъ инымъ изъявить свое негодованіе: то скоро опять возвратился ко двору, и въ замѣну потерянной короны, согласился получить опять Графство Яфу, которое было возвращено ему подъ именемъ пенсіона.

Рожеръ де Муленъ

Начальство надъ арміею купно съ правленіемъ государства препоручилъ Балдуинъ Графу Трипольскому. Къ сему побудили его собственно не довѣренность, или какое отличное уваженіе къ Раймунду: но болѣе опасность, чтобы Раймундъ, естьли вторично обойденъ будетъ, не произвелъ явнаго возмущенія въ государствѣ. Графъ Трипольской, руководствовавшій всѣ партіи раздоровъ при Дворѣ, съ на-

Рожеръ де Муленъ

чала отказался отъ правительства, зная напередъ, что кромѣ его никто не осмѣлится принять на себя оное, и заставилъ Короля убѣдительнѣйше просить себя о томъ: послѣ чего онъ склонился будто бы на усильныя и многократныя прозьбы Государя, сдѣлавъ напередъ договоръ, чтобъ военные Ордены сняли на себя защиту тѣхъ мѣстъ и областей, которыя наиболѣе подвержены были нападенію непріятельскому.

Прежде нежели предпріялъ онъ что нибудь рѣшительное, вознамѣрился онъ истощеннымъ силамъ государства доставить отдохновеніе; и для того старался склонить Саладина къ перемирію, которое получилъ онъ только за знатную сумму, въ заплату военныхъ издержекъ.

Едва переговоры были кончаны, то въ Іерусалимѣ приготовились

Рожеръ де Мулепъ

къ посольству въ Европу, дабы побудить западныя державы къ новому крестовому походу. Сіе намѣреніе производилось съ великою дѣятельностію, и всѣ надежды изтощеннаго государства утверждались на ономъ; но успѣхъ не отвѣчалъ ожиданію.

Ираклій, Патріархъ Іерусалимской, человѣкъ высокомѣрный, напросился самъ въ сіе посольство. Къ нему принуждены были пріобщить и обоихъ великихъ Магистровъ, сколько для воздержанія опрометчивости Патріарха, по его горячему нраву и неопытности въ такихъ дѣлахъ: столько и для того, чтобъ чрезъ достоинство великихъ Магистровъ, по уваженію, какое пріобрѣли Ордены на западѣ, сдѣлать вѣрнѣе успѣхъ переговоровъ. Но лестныя увѣренія, богатыя обѣщанія и рекоммендательныя письма отъ одного двора къ другому —

Рожеръ де Мулень

вотъ все, что они получили. Въ Англіи однакожъ привлекли они на свою сторону многихъ, которые по настоянію Короля Генриха II, присужденнаго Папою къ крестовому походу на три года, за участіе его въ смерти св. Томаса, Епископа Кантербурійскаго, взяли крестъ, и отправились на востокъ на общемъ иждивеніи Генриха и Французскаго Короля Филиппа II, коего также они на сіе склонили. Но чего можно было ожидать отъ толпы народа, непредводительствуемой никакимъ опытнымъ и искуснымъ вождемъ, котораго бы достоинство и твердость духа могли подчинить храбрость воиновъ строгой дисциплинѣ начальства, и дѣйствовать раздѣленными силами къ единой цѣли?

Патріархъ Іерусалимской долго настоялъ съ жаромъ, чтобъ Генрихъ, Король Англинской, во испол-

неніе Папскаго приговора, самъ шелъ въ Палестину съ войсками. Король, извиняясь старостію, отдалъ сіе дѣло на разсмотреніе парламенту, который, понявъ довольно желаніе Государя, рѣшилъ и даже прислалъ къ нему депутатовъ своихъ съ прозьбою, чтобы онъ не оставлялъ своего государства, съ которымъ обязательства его существовали еще прежде того обязательства, которое онъ на себя принялъ по смерти Епископа Кантербурійскаго. Патріархъ требовалъ послѣ сего, чтобъ Король послалъ съ войсками одного изъ своихъ сыновей: но Генрихъ отозвался тѣмъ, что ихъ ни одного не было въ Англіи, а по заочности ни котораго назначить онъ не можетъ. Отвѣтъ Короля привелъ Патріарха въ безразсудную запальчивость, которую съ трудомъ могъ воздержать великій Магистръ Іоан- Рожеръ де Муленъ

Рожеръ де Муленъ

новской. Сей поступокъ извѣстенъ сдѣлался и въ Іерусалимѣ; всѣ возстали противъ Патріарха, возвратившагося не съ тѣмъ успѣхомъ, какой онъ всѣмъ обѣщалъ, и замѣчали даже и то, что истинный крестъ Господень потерянъ былъ при Патріархѣ сегоже имени.

Палестина между тѣмъ находилась въ самомъ печальномъ положеніи. Умирающій Король, малолѣтный наслѣдникъ престола, властолюбивый правитель королевства, съ честолюбивыми замыслами и въ согласіи съ невѣрными; оканчивающееся перемиріе съ Саладиномъ; сильный непріятель, готовый къ нападенію; недостатокъ въ войскѣ и деньгахъ; ссоры вельможъ и внутреннія безпокойствія — вотъ сколько несчастныхъ обстоятельствъ соединялись противъ участи Христіянскаго государства на востокѣ! И въ сихъ-

то смутныхъ обстоятельствахъ Король Балдуинъ IV. окончилъ бѣдственную жизнь свою; а чрезъ семь мѣсяцевъ потомъ послѣдовала кончина и наслѣдника его Балдуина V. Причину сей скоропостижной смерти нѣкоторые приписывали Графу Трипольскому; другіе утверждали, что въ семъ участвовало болѣе честолюбіе матери, стремившейся къ верьховному обладанію престоломъ, и желавшей вручить оный второму мужу своему, Графу Лузиньяну. По крайней мѣрѣ многія обстоятельства подтверждаютъ сіе подозрѣніе; особливо то, что неизвѣстна была ни болѣзнь Короля, ниже причина его смерти. Королева, бывъ увѣрена въ преданности нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ особъ, а именно: Патріарха, великаго Магистра ордена Храма и Маркиза Монтферратскаго, тотчасъ окружила тайно войсками дворецъ, приняла

Рожеръ де Муленъ

1186.

Рожеръ де Муленъ

корону изъ рукъ великаго Магистра, и въ тотъ же самый день, какъ объявлено было о смерти Короля, ея сына, объявила себя съ мужемъ своимъ Лузиньяномъ Королевою и Королемъ Іерусалимскимъ.

Сообщники Графа Трипольскаго, бывшіе явными врагами Графа Лузиньяна, возпротивились всею силою деспотическимъ предпріятіямъ Королевы. Самый братъ Графа Лузиньяна, Готфридъ, человѣкъ съ чрезвычайною тѣлесною силою и съ неограниченнымъ честолюбіемъ, при извѣстіи о нечаянномъ возведеніи на престолъ брата его, вскричалъ: „кто брата моего сдѣлалъ „Королемъ, тотъ сдѣлалъ бы конечно меня Богомъ, естьлибъ „зналъ меня.„

Всеобщее волненіе угрожало превратиться въ открытую междуусобную войну. Все войско выступило вооруженнымъ и требо-

вало Монарха, который бы способенъ былъ предводительствовать арміею противъ такого страшнаго непріятеля, каковъ Саладинъ. Вельможи съ своей стороны употребляли всѣ старанія къ умноженію возмущенія. Со всѣхъ сторонъ укоризны и угрозы падали на великаго Магистра ордена рыцарей Храма, что, бывъ хранителемъ престола, онъ толь непростительно презрѣлъ долгъ свой, и вручилъ корону Королевѣ въ обиду мужеской линіи, которая одна имѣла прямыя права на оную.

Пламя возмущенія скоро разпространилось такъ далеко, что всѣ умы были онымъ объяты, и государство раздѣлилось на двѣ, одна противъ другой разъяренныя, партіи. Обѣ приготовлялись къ войнѣ; обѣ имѣли войски, готовыя къ сраженію; оставалось оружію прекратить раздоръ сей: но счастли-

Рожеръ де Муленъ

вый случай помогъ кончить дѣло сіе миролюбно.

Графъ Трипольской, глава противной стороны, вздумалъ чрезъ хитрость овладѣть не только престоломъ, но и рукою Королевы, безъ всякаго насилія. На сей конецъ чрезъ своихъ приверженныхъ внушилъ онъ Королевѣ, что онъ готовъ оставить всѣ требованія на престолъ, естьли она согласится отдать руку кому другому, кромѣ Лузиньяна, съ тѣмъ только, чтобы сей другой былъ таковъ, который бы способенъ былъ нести тягость правленія.

Королева, женщина тонкаго, хитраго ума, сыскала въ самомъ семъ предложеніи способъ обратить оное въ свою выгоду. Она обѣщала исполнить требованіе его, съ тѣмъ однакожъ и съ ея стороны требованіемъ, чтобы государственные вельможи обязались при-

знать безпрекословно за своего Короля того, на кого она вѣнецъ возложитъ. Требованіе всѣми было принято, и торжественная присяга главнѣйшихъ особъ государства ручалась Королевѣ за счастливый успѣхъ ея выдумки: а Раймундъ мнилъ уже себя достигшимъ на верьхъ льстившей ему надежды.

Гожеръ де Муленъ

По учиненіи присяги, Королева, призвавъ къ себѣ Патріарха, уничтожила брачный договоръ съ Графомъ Лузиньяномъ. Тотчасъ засимъ была она провозглашена Королевою, и торжественно ведена въ церковь гроба Господня для коронованія, въ присутствіи всего собраннаго дворянства.

Едва была она облечена во всѣ царскія украшенія, какъ одною рукою снявъ съ себя корону, другою обнявъ Графа Лузиньяна, возложила ее на него, поздравила его Королемъ, и обратясь къ собравше-

муся множеству, съ твердымъ и гордымъ видомъ сказала: „кого Богъ „сочеталъ, того человѣки разлу- „чить не могутъ.„

Сіи слова, подкрѣпленныя важностію и силою великаго Магистра рыцарей Храма, обуздали неудовольствіе вельможъ и народа. Первые должны были оставить тому быть, чему не могли возпрепятствовать: а послѣдній довольствовался киваніями и пожиманіями изъявить свое изумленіе, находя впрочемъ такой поступокъ Королевы не недостойнымъ.

Одинъ Раймундъ пылалъ яростію и мщеніемъ. Сія непредвидѣнная хитрость Королевы была новымъ оскорбленіемъ надменнаго его духа; и онъ клялся примѣрно наказать не только Королеву, но и недостойнаго ея супруга, и весь Орденъ рыцарей Храма, столь хитро подкрѣплявшій

намѣренія Королевы, за оказанную ему обиду. Съ бѣшенствомъ удалился онъ отъ двора и возвратился въ свои области.

Рожеръ де Муленъ

Саладинъ, столько искусный политикъ, какъ и великой Полководецъ, едва услышалъ о семъ важномъ происшествіи и о великомъ огорченіи Раймундовомъ, тотчасъ отправилъ въ Триполь нарочнаго, для развѣдыванія намѣреній Раймунда и для предложенія ему въ томъ своей помощи.

Посланный нашелъ Графа совершенно готовымъ на все, что только могло благопріятствовать его мщенію. По нѣкоторыхъ откровенныхъ изъясненіяхъ, посолъ открылъ наконецъ Графу намѣреніе Султана, чтобы не терпѣть въ сердцѣ своего государства никакой области, отъ него независящей; — что естьли Раймундъ согласится принять Магометанскую

Рожеръ де Мулепъ

вѣру и объявитъ себя данникомъ Султана: то Государь его употребитъ всѣ старанія доставить Графу удовольствіе и посадить его на Іерусалимской престолъ, похищенный у него толь коварнымъ образомъ; и что Султанъ не прежде успокоится, пока не изкоренитъ до послѣдняго человѣка общихъ враговъ ихъ, рыцарей Храма; — что естьли предложеніе сіе ему нравится, присоединилъ къ сему посланникъ: то онъ можетъ почитать оное за обязательство со стороны Султана, и долженъ присягнуть ему въ вѣрности.

Раймундъ, восхищенъ бывъ симъ благопріятнымъ случаемъ, открывающимъ ему столь удобный путь къ мщенію, согласился на все безпрекословно; и исторія повѣствуетъ, что въ тотъ же часъ принялъ онъ обрѣзаніе. Но для большаго успѣха въ своемъ намѣ-

реніи условился онъ съ Саладиновымъ посломъ, чтобы все сіе происшествіе скрывать втайнѣ, и не прежде въ ономъ открыться, какъ тогда, когда онъ получитъ Іерусалимскую корону. Для сего онъ покрылся маскою притворства, и казался готовымъ примириться съ Королемъ Лузиньяномъ. Рожеръ де Муленъ

Въ сихъ расположеніяхъ онъ возвратился въ Іерусалимъ, и отъ сего времени находился при дворѣ почти безотлучно, стараясь всячески утишить всѣхъ прежнихъ своихъ сообщниковъ, дабы тѣмъ выиграть довѣренность Короля. Какъ скоро сіе ему удалось: то онъ призналъ Лузиньяна Королемъ и своимъ главою, и вступилъ во всѣ отношенія своея должности, яко вазаллъ Іерусалимскаго престола.

Сіе было знакомъ къ началу. Саладинъ, вспомоществуемый тайно Раймундомъ, вошелъ въ Палестину

Рожеръ де Муленъ

съ страшною арміею, въ которой считалось конницы одной до пятидесяти тысячь, кромѣ пѣхоты; и не находя ни малѣйшаго себѣ сопротивленія, приблизился къ стѣнамъ Акры, весьма богатаго и укрѣпленнаго города во Іудеи, защищеніе котораго ввѣрено было обоимъ великимъ Магистрамъ.

При первой вѣсти о появленіи непріятельскаго войска весь городъ бросился къ оружію. Все пришло въ движеніе, все готовилось къ храброму отпору. Ночная вылазка, на которую отважились великіе Магистры со всѣмъ гарнизономъ, готовила худой конецъ предпріятіямъ Саладина. Около полуночи гарнизонъ собрался; и имѣя въ одной рукѣ мечь, въ другой огонь, пошелъ въ непріятельской станъ. Приближась тихими шагами къ оному, Христіяне напали на спящихъ, зажгли ихъ палатки,

Рожеръ де Муленъ

и все, что имъ ни попадалось, предавали огню и мечу. Ужасъ и отчаяніе объяли невѣрныхъ: но наступающее утро и присутствіе Саладиново паки ихъ ободрило и вліяло въ нихъ мужество. Разсѣянныя войска собираются, Саладинъ беретъ самъ надъ ними начальство, и начинается настоящій бой. Христіяне находятся въ опасности быть окруженными: но съ умножающимся бѣдствіемъ умножается и мужество ихъ; при каждомъ повергающемся мертвомъ тѣлѣ брата своего возрастаетъ ихъ ярость и отчаяніе. Мечь ихъ яростно пожираетъ все встрѣчающееся ему. Великій Магистръ де Муленъ, начальствуя своими храбрыми Іоанновскими рыцарями, не привыкшими измѣрять числомъ силу непріятелей, устремляется въ ихъ шеренги: все предъ нимъ падаетъ, все уступаетъ; токи крови

лились повсюду, и не было ни плѣнныхъ, ни отступающихъ. Раймундъ, какъ повѣствуютъ, находился въ войскѣ музульмановъ въ маскѣ, и сражался за Саладина. Увидя сіе пораженіе, онъ нападаетъ съ тылу на великаго Магистра и убиваетъ подъ нимъ лошадь. Къ несчастію лошадь падаетъ на упадшаго великаго Магистра, и тяжесть его оружія препятствуетъ ему встать. Непріятели набѣгаютъ толпами, и покрываютъ тѣло его неизчетными ранами. Исполненные отчаянія Іоанновскіе рыцари бросаются къ своему великому Магистру, и среди самаго яростнаго нападенія отнимаютъ мертвое тѣло его отъ свирѣпства непріятелей. Изнеможеніе съ обѣихъ сторонъ окончило сраженіе, не рѣша, которая сторона была побѣдоносною. Саладинъ первый оставилъ поле сраженія:

но и осажденные возвратились потомъ также въ свою крѣпость.

По окончаніи сраженія, тѣло великаго Магистра де Мулена перенесено было съ мѣста баталіи въ Акру; погребеніе сего великаго мужа сопровождалось слезами братій его и всеобщимъ соболѣзнованіемъ всѣхъ жителей. За симъ Рыцари Орденскіе собрались для избранія новой главы себѣ, и избрали единогласно брата *Гарніера* изъ Сиріи, великаго Пріора Англіи, Орденскаго *Туркополье* *. Гарніеръ

---

* *Туркополы*, откуда произошло званіе *Туркополье*, назывались въ древности, по свидѣтельству Вильгельма Архіепископа Тирскаго, легкоконныя войски. Произхожденіе сего слова приписываютъ Туркоманамъ, которые вообще всѣхъ рожденныхъ отъ матери Гречанки, а отъ отца Туркомана, и назначенныхъ къ службѣ, называли *Туркополами*. Сіе названіе

Гарніеръ

Первымъ стараніемъ новаго великаго Магистра было укомплетованіе умалившагося числа своихъ воиновъ: на каковый конецъ онъ собралъ всѣхъ рыцарей ордена, разсѣянныхъ по окрестнымъ крѣпостямъ, и принялъ вновь многихъ членовъ на убылыя мѣста, дабы усиленію непріятеля противоположить достаточную силу.

Между тѣмъ хитрый Саладинъ, по согласію съ Графомъ Триполь-скимъ, отступилъ; и для виду об-

---

сдѣлалось потомъ титуломъ военнаго достоинства въ Кипрѣ: откуда перешло оно и въ Орденъ св. Іоанна. Но Іоанновскіе Кавалеры называли симъ именемъ Генерала надъ пѣхотою. Сей *Гарнігеръ* находился нѣсколько времени въ Англіи, въ званіи Бальи и Туркополье Ордена; и учредилъ тамъ при Королѣ Генрихѣ II. орденской монастырь въ Аббатствѣ Булкандъ.

ложилъ осадою Тиверіаду, городъ Гарніеръ
принадлежавшій Раймунду, дабы
чрезъ то закрыть свой тайный
съ нимъ союзъ. Городъ былъ тот-
часъ взятъ. Устрашенная супруга
Раймундова, имѣвшая въ ономъ все-
гдашнее свое пребываніе и не знав-
шая о измѣнѣ своего мужа, ушла и
заперлась въ крѣпость. Вѣроломный
Раймундъ, казалось, былъ въ от-
чаяніи: созываетъ всѣхъ друзей
своихъ, проситъ Короля настоя-
тельнѣйшимъ образомъ о помощи,
представляя, что Тиверіада есть
такая крѣпость, которая съ сей
стороны была защитою всего го-
сударства. Король собралъ, сколь-
ко могъ, силы свои, и готовился
самъ итти на помощь владѣніямъ
Графа: но сей измѣнникъ, искавшій
всю армію Королевскую предать
въ руки Саладина, представилъ ему
всю опасность, съ толь малочислен-
ными силами отваживаться про-

Тарнїеръ

тиву толь превосходнаго числа непріятеля, имѣвшаго по крайней мѣрѣ восемьдесять тысячь одной конницы, и довелъ его до того, что сей Государь рѣшился забрать всѣ гарнизоны изъ всѣхъ прочихъ крѣпостей, и вывесть въ поле всѣхъ жителей, кто только могъ поднять оружіе, дабы набрать достаточную силу противъ толь страшнаго непріятеля.

Такимъ образомъ безчисленное войско — вся сила Палестины — выступило противъ Саладина, и все счастіе Христіянъ на востокѣ сдѣлалось сопряжено неразрывнымъ узломъ съ симъ ополченіемъ. Лузиньянъ самъ предводительствовалъ онымъ. Арміи съ обѣихъ сторонъ сближились, и сраженіе началось кровопролитное, продолжавшееся три дни почти безпрерывно. Лузиньянъ, по совѣту Раймунда, расположился между гора-

ми, какъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ Гарнїеръ.
не легко было напасть на него.
Но измѣнникъ скрылъ отъ него,
что здѣсь не было воды, и что
надлежало доставать оную сквозь
армію непріятельскую. Солнечные
лучи, отражавшіеся въ тѣсныхъ
утесахъ, причиняли столь несносный
зной, что дыханіе и силы оставляли
воиновъ. Жажда изнуряла
всю армію и лишала почти всѣхъ
чувствъ. Надлежало наконецъ или
погибнуть отъ жажды въ виду непріятеля,
или открыть себѣ дорогу
къ водѣ чрезъ его войска. Въ
обоихъ случаяхъ погибель была неизбѣжна:
но изъ двухъ золъ избрали
они послѣднее, надѣясь по
крайней мѣрѣ умереть славною
смертію. Рыцари Храма, составлявшіе
передовое войско, первые
бросились въ долину, гдѣ ожидавшій
ихъ непріятель принялъ ихъ
съ яростію: но тѣмъ не поколе-

Гарнїеръ. балѣ ихѣ мужества и рѣшимости; каждый бился и за себя и за своихѣ, отчаяніе водило ихѣ рукою. Долина наполнилась трупами; сражающіеся плавали вѣ ручьяхѣ крови; передовыя войска Султана были уже опрокинуты, и побѣда казалась почти рѣшеною, какѣ вдругѣ Раймундѣ, долженствовавшій подкрѣпить сихѣ рыцарей, обратился вмѣсто того со своимѣ корпусомѣ вѣ бѣгѣ, и утомленныхѣ рыцарей предалѣ вѣ жертву превосходству непріятеля. Рыцари Храма, оставшись одни вѣ долинѣ, были всѣ побиты, или попались вѣ плѣнѣ. Остатокѣ войскѣ едва примѣтилѣ бѣгство вѣроломнаго Раймунда, вѣ храбрости котораго не было сомнѣнія: то каждый почелѣ сраженіе уже потерянным, спасеніе невозможнымѣ, и скорое отступленіе единственнымѣ средствомѣ для побѣжденныхѣ.

Изнуренные сраженіемъ, томимые жаждою и зноемъ, безъ малѣйшей надежды къ подкрѣпленію изтощенныхъ силъ, долженствовали они въ самое жаркое время года, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, среди разкаленныхъ каменныхъ утесовъ, изтаявать медленною смертію. Саладинъ, нетерпѣливость котораго взошла на самый верьхъ неистовства, велѣлъ сверьхъ того зажечь кустарники: чрезъ что жаръ еще увеличился. Несчастные воины, лишенные всей отрады, бросались полумертвые на землю, и просили небо о единомъ токмо благодѣяніи — скорѣйшей смерти. Гарніеръ

Между тѣмъ Султанъ, увѣдомясь отъ перебѣжчиковъ, что въ Христіянской арміи нѣтъ болѣе ни порядка, ни подчиненности, двинулся со всѣми силами впередъ, и не нашелъ почти никакого сопротивленія. Онъ велѣлъ не щадить

Гарнїеръ никого; и кто не былъ жертвою меча, тотъ подвергался плѣну и невольничеству: кто старался избѣжать оныхъ, тотъ долженствовалъ испустить духъ подъ тяжкими ударами. Король, великій Магистръ Ордена рыцарей Храма, Ренальдъ де Шатильйонъ, съ великимъ числомъ дворянъ и рыцарей обоихъ орденовъ, попались въ плѣнъ. Святый крестъ, знаменитый побѣдный знакъ перваго крестоваго похода, достался также въ руки невѣрныхъ. Великій Магистръ рыцарей Іоанновскихъ пробился однакожъ сквозь ряды непріятелей и добрался до Аскалона: но въ слѣдующій потомъ день умеръ тамо отъ ранъ своихъ.

Саладинъ, надѣявшійся чрезъ уничтоженіе орденовъ легче овладѣть Христіянскими землями, велѣлъ объявить рыцарямъ обоихъ орденовъ, что они могутъ спасти

жизнь свою только чрезъ перемѣ- Гарнїеръ
ну вѣры: но сіи неустрашимые
герои отдавались съ радостію на
казнь, не хотя отречься отъ име-
ни Іисусова. Всѣ они были умерщ-
влены; и твердость духа, съ ка-
кою они шли на смерть, произвела
такое сильное напечатлѣніе въ
прочихъ Христіянахъ, что многіе
простые солдаты, не принадлежав-
шіе къ орденскимъ братьямъ, кри-
чали сами о себѣ варварамъ, что и
они Тампліеры, или рыцари Храма;
и одинъ передъ другимъ спѣшили
принять смерть за имя Іисусово.

После сихъ жестокостей Сала-
динъ велѣлъ привесть въ свой ша-
теръ Короля, великаго Магистра
Ордена Храма, Ренальда де Ша-
тильйона, и другихъ знаменитыхъ
плѣнниковъ. Всѣ они ожидали и
себѣ не лучшей участи: но Сала-
динъ, чтобъ успокоить Короля,
посадилъ его возлѣ себя, и видя

Гарніеръ сего несчастнаго Государя изнуреннаго жаждою и утомленностію, велѣлъ подать ему кубокъ съ пріятнымъ напиткомъ, во льду прохлажденнымъ. Король, выпивъ нѣсколько, подалъ кубокъ Ренальду: но Султанъ не допустилъ его до того, велѣвъ чрезъ переводчика сказать Королю: „что это было только „для него; и что такой человѣкъ, „каковъ Ренальдъ, не можетъ ожи„дать себѣ пощады.

Гостепріимство, коимъ предки наши особенно отличались, и въ коемъ Россійская нація до нынѣ преимуществуетъ предъ прочими, было въ древнія времена, и нынѣ между нѣкоторыми народами остается, священною должностію и добродѣтелью, крѣпкимъ союзомъ и обязательствомъ. Разбойникъ не убивалъ того, чью ѣлъ онъ *хлѣбъ-соль*, и не убьетъ того, кто у него будетъ ѣсть его *хлѣбъ-*

солъ. Такъ, поданный кубокъ съ напиткомъ ручался Королю за жизнь его; и потому-то Ренальдъ, которому Саладинъ не намѣренъ былъ даровать жизни, не могъ пить изъ онаго. Гарніеръ

Саладинъ, сдѣлавъ потомъ Ренальду жестокіе упреки за вѣроломныя его нарушенія всякихъ союзовъ и трактатовъ, за его грабительства и жестокости противъ плѣнныхъ, и за дерзновенное намѣреніе итти ограбить Мекку и Медину, сказалъ наконецъ повелительнымъ голосомъ: что *за толикія преступленія надобно удовлетвореніе; и такъ, чтобы онъ тотже часъ отрекся отъ Іисуса Христа, или бы принялъ смерть, въ отмщеніе за оскорбленіе великаго Пророка.* Ренальдъ отвѣчалъ на сіе съ горделивостію, что Христіянинъ не знаетъ покупать жизнь такимъ малодушіемъ; и Саладинъ, распалясь гнѣвомъ, выхва-

Гарнїеръ тилъ саблю и самъ отсѣкъ ему голову. — По усильнымъ прозьбамъ Короля, Саладинъ даровалъ жизнь великому Магистру Ордена Храма и нѣсколькимъ другимъ плѣнникамъ, за которыхъ надѣялся при томъ получить хорошій выкупъ, и всѣхъ ихъ отправилъ съ Королемъ въ Дамаскъ.

Тіерри, великій Прецепторъ, или Экономъ Ордена Храма, въ циркулярномъ письмѣ къ своимъ братьямъ пишетъ, что въ сей ужасный день сраженія при Тиверіадѣ погибло тритцать тысячь Христіянскаго войска; и что 230 рыцарямъ Храма Саладинъ велѣлъ отрубить головы, кромѣ 60 изъ нихъ убитыхъ на сраженіи.

Состояніе Іерусалима было самое плачевнѣйшее. Безъ войскъ, безъ предводителя, безъ малѣйшаго вида къ надеждѣ, и даже во многихъ мѣстахъ оставшись безъ жи-

телей, осиротѣвшее государство въ уныніи ожидало конца своей участи.

Въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ бѣдный остатокъ Іоанновскихъ рыцарей собрался для избранія новой Главы себѣ.

Бываютъ времена, когда высокія почести и чины, за которыми нынѣ безъ разбору мы стремимся, становятся то, что они дѣйствительно суть, то есть: бремя, тягость и трудъ: и тогда-то дѣйствительную услугу оказываетъ тотъ обществу, кто оныя на себя подъемлетъ; тогда-то дѣлаетъ сіе дѣйствительно честь тому, кто оныхъ возжелаетъ. Во времена *Пожарскаго* мало было охотниковъ принять на себя верьховное начальство. Такъ и здѣсь надобно было сдѣлать почти насиліе *Эрменгарду Дапсу*, чтобы онъ принялъ достоинство великаго Магистра, бывъ

Эрменгардъ Дапсъ

Эрменгардъ Дапсъ

избранъ на мѣсто умершаго Гарніера. — Между тѣмъ Саладинъ, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, продолжалъ свои побѣды. Куда ни приходилъ онъ, вездѣ судьба увѣнчевала его желанія: крѣпости сдавались, города отворяли ему ворота; оставались у Христіянъ только Іерусалимъ, Тиръ, Аскалонъ, Триполь и Антіохія. Саладинъ, покоривъ всѣ прочіе, направилъ путь свой прямо къ Іерусалиму.

Королева, съ слабымъ остаткомъ своего народа, въ трепетѣ ожидала рѣшенія своей участи. Большая часть жителей состояла изъ Грековъ, которые питали тайную ненависть къ Латинамъ, и на вѣрность которыхъ потому мало положиться было можно. Смерть, или плѣнъ были два неизбѣжные жребія, изъ которыхъ несчастная Королева избрать одинъ

Эрменгардъ Дансъ

долженствовала. Она выбрала послѣднее, на условіи пристойной капитуляціи. Но гордый побѣдитель отвѣчалъ: „что онъ пришелъ „не купить, но взять городъ оружіемъ, и отмстить смерть столь „многихъ тысячь храбрыхъ Мусульмановъ, погибшихъ отъ меча „Христіянскаго, со времени Готфрида Бульйонскаго.„ Сей гордый языкъ въ устахъ надменнаго побѣдителя возбудилъ еще духъ древняго мужества въ душахъ Христіянъ. Съ отчаянною храбростію всѣ, мущины, женщины, самыя дѣти, принялись за оружіе, твердо вознамѣрясь лучше погребсти себя подъ развалинами св. града, нежели предаться жестокому игу свирѣпаго непріятеля.

Саладинъ между тѣмъ изготовясь къ осадѣ, напалъ на городъ съ полною надеждою; ибо не ожидалъ большаго сопротивленія. Но

Ѳрментардъ Дапсъ

отчаяніе укрѣпило силы Христіянъ, и осада сдѣлалась такъ трудною, сопротивленіе было столь упорное, что Султанъ не могши ничего многаго произвесть, долженъ былъ наконецъ противъ воли своей согласиться на капитуляцію, опасаясь, чтобы промедленіе осады не помѣшало дальнѣйшимъ успѣхамъ его оружія.

И такъ, спустя четырнатцать дней по осажденіи Іерусалима, заключена была капитуляція. Саладинъ требовалъ, чтобы Королева сдала городъ въ настоящемъ его положеніи, не дѣлая въ немъ ни малѣйшаго раззоренія. Дворянство и воины должны были выйти съ оружіемъ, и подъ прикрытіемъ удалиться въ Тиръ, или другое какое мѣсто. Въ разсужденіи же жителей назначено было слѣдующее различіе: природные Греки могли, какъ и прежде, остаться

вЪ Іерусалимѣ; но Латинскіе Христіяне должны были тотчасЪ выйти изЪ города, заплатя Султану, вЪ знакЪ его власти надЪ жизнію и свободою ихЪ, поголовную подать, за каждаго мущину по 10, за каждую женщину по 5, за каждаго ребенка по 2 золотыхЪ гульденовЪ: ктоже не вЪ состояніи былЪ заплатить сей подати, тотЪ долженствовалЪ остаться невольникомЪ у побѣдителя. Эрменгардъ Дапсъ

На канунѣ исполненія сего жестокаго договора, во всю ночь вЪ ІерусалимѢ ничего слышно не было, кромѢ плача и стенанія. Вопли несчастныхЪ жителей продолжались до разсвѢта: а сЪ онымЪ наступилЪ ужасный часЪ, вЪ который Христіяне долженствовали оставить возлюбленное свое жилище, и можетЪ быть навсегда отдать вЪ руки варваровЪ дорогою цѢною купленное свое имущество.

Эрменгардъ Дапсъ

Мущины и женщины, престарѣлые и молодые, повергшись ницъ предъ гробомъ Господнимъ, орошали его слезами, и не хотѣли съ нимъ разстаться. Наконецъ отворены были ворота побѣдителю, и войски Саладиновы вошли и заняли городъ: но Саладинъ остался въ стану своемъ, ожидая выхода всѣхъ Латинскихъ Христіянъ. Матери съ малолѣтными дѣтьми на рукахъ, которыя не могли еще итти сами, шли первыя. За ними слѣдовали другія, ведшія дѣтей своихъ за руки. Мущины несли на плечахъ съѣстные припасы для прокормленія ихъ, и на дорогу. За ними шла Королева въ сопровожденіи остатка войскъ, двухъ своихъ дочерей, Патріарха, духовенства, и придворнаго ея штата. Саладинъ, увидя Королеву, вышелъ ей на встрѣчу, принялъ ее съ почтеніемъ и старался, сколько мо-

жно, ее утѣшить, обѣщавъ даровать свободу Королю, ея супругу. Женщины, сопровождавшія Королеву, поверглись съ воплемъ къ ногамъ Саладина. Тронутый состояніемъ ихъ Султанъ, съ внутреннимъ участіемъ поднялъ ихъ, и спросилъ о предметѣ ихъ прозьбы. Одна изъ нихъ сказала тогда: „Мы лишились всего, могущественный побѣдитель: но одно слово „твое можетъ усладить нашу горесть. — Возврати намъ отцовъ, „дѣтей и мужей нашихъ, которыхъ непостоянное счастіе военное предало твоей власти — Возврати намъ ихъ: прочее все мы „тебѣ оставляемъ. При сихъ, любезныхъ намъ, мы позабудемъ „наше несчастіе; рука ихъ поддержитъ насъ, и подкрѣпитъ слабость нашу; и всемогущій Богъ, „питающій птицъ подъ небесами, „пропитаетъ насъ съ дѣтьми на-

Эрменгардъ Дапсъ

Эрменгардъ Дапсъ ,,шими.,, Саладинъ, тронутый сею прозьбою, поднялъ ихъ и велѣлъ выдать всѣхъ плѣнниковъ, коихъ они требовали, прибавя къ сему богатые подарки. Но еще большее доказательство чувства человѣчества и великодушія оказалъ онъ тѣмъ, что наслышась о благотворности учрежденій Іоанновскихъ рыцарей, не смотря на то, что они были враги его вѣры, позволилъ имъ самъ остаться еще на годъ въ Іерусалимѣ, до совершеннаго излеченія ихъ больныхъ. Такимъ образомъ непріятель Христіянства, вождь невѣрныхъ, благородною своею умѣренностію посрамилъ Христіянъ; и вшествіе его въ завоеванный го-
1187. родъ не только увѣнчало его тріумфомъ побѣдителя, но и славою друга человѣчества.

Конецъ первой части.

10

(Св. кат. № 3399
Сопиков № 4853
Глазов № 2593)
[illegible]
[illegible]!